

Жан-Жак Руссо Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми

Будучи убежден, что лишь добродетельному гражданину подобает воздавать своему отечеству почести, которые оно могло бы открыто принять, я вот уже тридцать лет тружусь², чтобы заслужить право принести вам публично дань уважения; теперь счастливый случай отчасти восполняет то, чего не смогли сделать мои усилия, и я счел, что мне позволено будет более сообразоваться с одушевляющим меня рвением, чем с правом, которое должно было бы дать мне на то достаточные полномочия. Так как я имел счастье родиться среди вас, то как могу я размышлять о равенстве между людьми, которое предуказано самой природою, и о неравенстве, которое установлено людьми³, не задумываясь над глубокой мудростью, с которой и то и другое, счастливо сочетаясь в этом Государстве, способствуют, наиболее приближающимся к естественному закону и наиболее благоприятным для общества образом, поддержанию общественного порядка и счастию частных лиц? Доискиваясь принципов, которые здравый смысл может внушить касательно устройства Правления, я был так поражен, когда увидел их все в действии в вашем Правлении, что даже если бы я и не родился в стенах ваших, я не смог бы, полагаю, не преподнести эту картину человеческого общества тому из всех народов, который, как мне кажется, пользуется самыми большими благами такого Правления и лучше всех других сумел предупредить возможные злоупотребления.

Не по извращенному, но по тому, что вполне сообразно с природой, должно заключать о том, что естественно».

Аристотель⁴. Политика, кн. I, гл. I (лат.)

54 Жан Жак Руссо

Если бы мне было дано избрать место моего рождения, я избрал бы общество, численность коего была бы ограничена⁵ объемом человеческих способностей, то есть возможностью быть хорошо управляемым, общество, где каждый был бы на своем месте и потому никто не был бы вынужден передавать другим возложенные на него должностные обязанности – Государство, где все частные лица знали бы друг друга, от взоров и суда народа не могли бы потому укрыться ни темные козни порока, ни скромность добродетели, и где эта приятная привычка видеть и знать друг друга делала бы любовь к отечеству скорее любовью к согражданам, чем к той или иной территории.

Я желал бы родиться в стране, где у суверена и у народа могли бы быть только одни и те же интересы, так, чтобы все движения машины были всегда направлены лишь к общему счастью; а так как это может произойти лишь в том случае, когда народ и суверен есть одно и то же лицо, то отсюда следует, что я желал бы родиться при Правлении демократическом, разумно умеренном. Я бы хотел жить и умереть свободным, т. е. таким образом подчиненным законам, чтобы ни я сам, ни кто-либо другой не мог сбросить с себя их почетного ярма, этого спасительного и нетяжкого ярма, под которое самые гордые головы склоняются тем послушнее, что они не способны склониться под какое-либо иноеб.

Итак, я бы хотел, чтобы никто в Государстве не мог ставить себя выше Закона и чтобы никто извне не мог навязать никакого закона, который обязано было бы признать Государство. Ибо, каково бы ни было устройство Правления, если при нем найдется хоть один-единственный человек, который не будет подчинен Закону, то все остальные неизбежно окажутся во власти этого последне-го⁽¹⁾; и если налицо один правитель, принадлежащий данному народу, а другой – чуждый ему⁷, то как бы ни разделили они между собою власть, невозможно, чтобы и тому и другому оказывали должное повиновение и чтобы государство было управляемо должным образом.

Я никак не хотел бы жить в Республике, недавно образовавшейся, как бы хороши ни были ее законы, из опасения, что форма Правления, устроенная, быть может, иначе, чем это требовалось бы в данный момент, не соответствовала бы новым гражданам или граждане не соответство-

Рассуждение о происхождении неравенства 55

вали бы новой форме Правления, и Государству грозили бы потрясения и гибель почти с самого его рождения. Ибо свобода подобна той грубой и сочной пище или тем благородным винам, которые хорошо питают и укрепляют людей сильных и к ним привыкших, но только отягощают, обессиливают и опьяняют слабых и изнеженных, которые к ним не привычены. Народы, уже привыкшие иметь

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
повелителей, больше не в состоянии обходиться без них. Если они пытаются свергнуть иго, то еще больше удаляются от свободы, так как принимают за свободу безудержную распущенность, которая ей противоположна; такие перевороты почти всегда отдают этих людей в руки соблазнителей, которые только отягчают их цепи. Даже народ Рима, этот образец всех свободных народов, не был в состоянии управлять собою, когда вышел из-под гнета Тарквииев⁸. Уже низко павший в рабстве и в позорных работах, которые навалили на него Тарквиины, он представлял собою сначала лишь бессмысленную чернь; с ней нужно было обращаться бережно и управлять ею нужно было с величайшою мудростью, чтобы, привыкая понемногу дышать благотворным воздухом свободы, эти души, обессиленные, или, вернее, огрубевшие под властью тирании, постепенно приобрели ту строгость нравов и ту мужественную гордость, которые превратили их, в конце концов, в самый достойный уважения из всех народов. Я постарался бы, следственно, найти себе отечество в счастливой и спокойной Республике, которой древность терялась бы, так сказать, во мраке времен, которая подвергалась бы лишь таким испытаниям, что способны были укрепить в ее жителях мужество и любовь к отечеству, и где граждане, издавна привыкшие к мудрой независимости, были бы не только свободны, но и достойны свободы.

Я бы желал избрать себе отечество, чуждое, благодаря счастливой неспособности к ним, кровожадной страсти к завоеваниям и избавленное, благодаря еще более счастливому географическому положению, от страха стать само добычею другого Государства; вольный город, расположенный среди многих народов, из которых ни одному не было бы выгодно его захватить⁹; одним словом, Республику, которая никак не искушала бы честолюбия своих соседей и которая могла бы с основанием рассчитывать на их помощь в случае нужды. Отсюда следует, что в таком счаст-

56 Жан Жак Руссо

ливом положении ей не приходилось бы опасаться ничего, кроме как самой себя; и если бы граждане ее упражнялись во владении оружием, то они делали бы это скорее для поддержания того воинственного пыла и той мужественной гордости, которая так к лицу свободе и питает свободолюбие, чем из необходимости заботиться о самозащите.

Я попытался бы найти страну, где право законодательства принадлежало бы всем гражданам, ибо кто может знать лучше самих граждан, при каких условиях подобает им жить совместно в одном и том же обществе? Но я не одобрил бы плебисцитов, подобных плебисцитам у римлян, когда руководители Государства и люди, наиболее заинтересованные в его сохранении, исключались из совещаний, от которых нередко зависело его спасение, и где в результате нелепой непоследовательности законов магистраты были бы лишены тех прав, которыми пользовались простые граждане.

Я желал бы, напротив, закрыть дорогу своекорыстным и плохо понятным законопроектам и опасным нововведениям, которые, в конце концов, погубили афинян, и чтобы поэтому не всякий имел возможность предлагать новые законы, когда и как ему заблагорассудится; чтобы право это принадлежало одним только магистратам¹⁰; чтобы сами магистраты пользовались им весьма осмотрительно; чтобы народ, со своей стороны, был столь же осторожен, когда он дает свое согласие на эти законы; чтобы обнародование их могло происходить лишь с соблюдением такого рода процедуры, что прежде, чем государственное устройство было бы поколеблено, у людей было бы время убедиться, что именно великая древность законов и делает их священными и почитаемыми. Потому что народ уже скоро начинает презирать такие законы, которые на его глазах ежедневно меняются, и потому что, привыкнув пренебрегать старыми обычаями, люди часто вносят большее зло, чтобы исправить меньшее.

И особенно я бежал бы, как неизбежно дурно управляемой, такой Республики, где народ, полагая, что он может обойтись без своих магистратов или что он может предоставить им лишь призрачную власть, неосмотрительно сохранил бы в своих руках управление гражданскими делами и осуществление своих собственных законов: таким должно было быть несовершенное устройство первых Правлений", вышедших непосредственно из естественно-рассуждение о происхождении неравенства 57

го состояния, и в этом же заключался один из тех пороков, что погубили Афинскую Республику.

Но я избрал бы такую Республику, где частные лица, довольствуясь тем, что утверждали бы законы сообща и по представлению правителей разрешали бы наиболее важные общественные дела, учредили бы пользующиеся уважением органы управления, тщательно разграничили бы отдельные ведомства, избирали бы из года в год наиболее способных и наиболее неподкупных из своих сограждан, чтобы отправлять правосудие и править государством; и где добродетели магистратов свидетельствовали бы, таким образом, о мудрости

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org наарода, – и первые, и вторые глубоко почитали бы друг друга. Так что, если бы когда-нибудь пагубные недоразумения нарушили общественное согласие¹², то эти времена ослепления и ошибок были бы отмечены проявлением сдержанности, взаимного уважения и общего преклонения перед законами: это и есть предвестие и залог искреннего и вечного внутреннего мира.

Таковы суть, сиятельныйшие, высокочтимые и владетельные государи, те преимущества, которые я желал бы найти в отечестве, которое я бы себе избрал. А если бы Провидение присоединило к этому еще и прелестное местоположение, умеренный климат, плодородную почву и вид самый восхитительный из существующих под небесами, то для полноты моего счастья я желал бы лишь пользоваться всеми этими благами на лоне этого счастливого отечества, мирно живя в приятном общении с моими согражданами, проявляя по отношению к ним и по их примеру гуманность, дружбу и все добродетели и оставив о себе хорошую память как о добродетельном человеке и о честном и доблестном патриоте.

Если бы, менее счастливый или слишком поздно умудренный, я бы оказался вынужден в иных краях кончать отягченную болезнями угасающую жизнь, сожалея о покое и мире, которых лишила меня неблагоразумная юность, я бы, по меньшей мере, питал в своей душе те же чувства, которым не мог бы дать исхода в моей стране, и, проникнувшись нежною и бескорыстною любовью к далеким моим согражданам, я обратил бы к ним из глубины души моей такую, приблизительно, речь:

«Дорогие мои сограждане, или, скорее, братья мои, потому что узы крови, как и законы, связывают нас почти всех. Мне отрадно, что я не могу думать о вас, не думая

58 Жан Жак Руссо

одновременно о всех благах, которыми вы пользуетесь и цену которым, быть может, никто не знает лучше, чем я, который их потерял. Чем больше размышляю я о вашем политическом и гражданском положении, тем меньше могу я себе представить, что может быть в природе лучшее положение дел человеческих. При всех иных формах Правления, когда речь заходит о том, чтобы обеспечить наибольшее благо Государства, все ограничивается постоянно одними проектами, или, самое большее, только возможностями. Что же до вас, то ваше счастье вполне создано, остается им пользоваться, и для того, чтобы стать совершенно счастливыми, вам нужно лишь уметь довольствоваться своим счастьем. Ваш суверенитет, приобретенный или отвоеванный острием шпаги и оберегаемый в течение двух веков ваше доблестью и мудростью, наконец, полностью и повсеместно признан. Ваше государственное устройство превосходно, оно продиктовано возвышеннейшим разумом и гарантируется дружественными и уважаемыми державами; ваше Государство мирно: ни войн, ни завоевателей не приходится вам бояться; нет у вас других повелителей, кроме как мудрые законы, вами составленные, приводимые во исполнение неподкупными магистратами, вами избранными. Вы не столь богаты, чтобы обессилеть от изненожности и утерять в суетных наслаждениях вкус к истинному счастью и подлинным добродетелям, и не столь бедны, чтобы нуждаться в помощи извне, чтобы восполнить то, чего не обеспечивает вам ваш прилежный труд. И вам почти ничего не стоит сохранять эту драгоценную свободу, которую у великих наций поддерживают лишь с помощью непомерных налогов.

Пусть же существует вечно, на счастье своим гражданам и в пример народам, Республика эта, столь мудро и столь счастливо устроенная! Вот единственный обет, который вам остается провозгласить, и единственная забота ваша. От вас самих зависит отныне не создать свое счастье, – ваши предки избавили вас от этого труда, – но упрочить его, мудро им пользуясь. От вашего постоянного единения, от вашего повиновения законам, от вашего уважения к служителям их зависит ваше благополучие. Если остаются среди вас малейшие зачатки злобы и недоверия, спешите их уничтожить как пагубные всходы, из которых взойдут рано или поздно ваши несчастья и гибель государ-

Рассуждение о происхождении неравенства 59

ства. Я призываю вас всех заглянуть в глубину своей души и прислушаться к тайному голосу своей совести. Знает ли кто-нибудь из вас во всей вселенной корпорацию более просвещенную и более достойную уважения, чем корпорация вашей магистратуры. Разве все ее члены не подают вам пример умеренности, простоты нравов и самого искреннего согласия? Даруйте же безоговорочно столь мудрым руководителям то спасительное доверие, которым разум обязан добродетели; помните, что они вами избраны, что они оправдывают это избрание и что почести, положенные тем, кого облекли вы высокими должностями, неизбежно передаются и вам самим. Нет среди вас ни одного человека столь мало просвещенного, чтобы не знать, что там, где прекращается власть законов и сила защитников их, там не может быть ни для кого ни безопасности, ни свободы. Что же требуется от вас, кроме как исполнять с надлежащим доверием то, что вы все равно обязаны были бы

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
исполнить, следуя своим подлинным интересам, долгу и во имя разума. Пусть преступное и пагубное безразличие к сохранению государственного устройства никогда не побудит вас пренебречь мудрыми мнениями наиболее просвещенных и наиболее ревностных среди вас; но пусть справедливость, умеренность и более всего уважения достойная твердость продолжают управлять всеми вашими поступками и в вас являть всему миру пример народа гордого и скромного, столь же ревнивого к своей славе, как и к своей свободе. Особенно осторегайтесь – и это будет мой последний совет – внимать когда-либо зловещим кривотолкам и ядовитым речам¹³, коих тайные мотивы часто более опасны, чем те действия, которые они имеют своею целью. Весь дом просыпается и приходит в тревогу, едва раздастся голос доброго и верного сторожа, который лает только при приближении воров; но всем ненавистна назойливость этих шумливых животных, которые беспрестанно нарушают общественный покой и чьих постоянных и неуместных предупреждений даже не слышно тогда, когда они нужны».

И вы, СИЯТЕЛЬНЕЙШИЕ И ВЫСОКОЧТИМЫЕ ГОСУДАРИ, вы, достойные иуважаемые магистраты свободного народа, позвольте мне принести вам лично дань моего уважения и почтения. Если есть в мире положение, способное прославить тех, которые его занимают, то это, безусловно,

60 Жан Жак Руссо

то положение, которое доставляют таланты и добродетель, положение, которого вы сделались достойны и до которого возвысили вас ваши сограждане. Их собственные достоинства придают новый блеск вашим и, потому что вы избраны людьми, способными управлять другими, для того, чтобы управлять ими самими, я нахожу, что вы стойте настолько же выше других магистратов, насколько свободный народ, и особенно тот народ, руководить которым вы имеете честь, стоит по своей просвещенности и по разуму своему выше черни других государств.

да будет мне позволено привести пример, о котором должна была бы остаться более прочная память и который всегда будет жить в моем сердце. Я не могу вспомнить, не испытывая сладчайшего волнения, о добродетельном гражданине¹⁴, которому я обязан появлением на свет и кто часто в детстве беседовал со мною о том уважении, которое вам надлежит оказывать. Я вижу его еще, живущего трудом рук своих и питающего душу свою возвышен-нейшими истинами. Я вижу книги Тацита, Плутарха и Гроция¹⁵, перед ним лежащие, вперемешку с его рабочими инструментами. Я вижу подле него любимого его сына, внимающего со слишком малою пользой нежным наставлениям лучшего из отцов. Но если заблуждения безрассудной юности и заставили меня в течение некоторого времени забыть столь мудрые уроки, мне все же досталось счастье испытать на себе в конце концов, что как бы сильна ни была склонность к пороку, трудно ожидать, чтобы плоды воспитания, в которое вложена часть души, погибли навсегда.

Таковы суть, сиятельнейшие и высокочтимые государи, граждане и даже простые обитатели¹⁶, рожденные в государстве, которым Вы управляете; таковы эти опытные и толковые люди, о которых под именем рабочих и народа у других наций существуют столь низкие и столь ложные представления. Мой отец – я с радостью признаю это – совсем не выделялся среди своих сограждан: он был подобен им всем; и каков бы он ни был, нет ни одного места, где не искали бы его общества и не поддерживали с ним отношений, и притом даже с пользою для себя, самые достойные люди. Мне не подобает и, слава богу, нет необходимости говорить вам о почтении, коего могут ждать от вас люди такого закала, равные вам как по воспитанию,

рассуждение о происхождении неравенства 61

так и по естественному праву и праву рождения, но поставившие себя ниже вас по собственной воле вследствие ваших достоинств, которым они должны были оказать и оказали предпочтение, и за которое вы, в свою очередь, обязаны им некоторого рода признательностью. Я замечаю с живым удовлетворением, какою кротостью и снисходительностью смягчаете вы сурвость, подобающую служителям законов; сколь щедро воздаете вы им уважением и проявлениями внимания за то повинование и почтение, которым они вам обязаны: поведение это, исполненное справедливости и мудрости, способно все более и более изглаживать память о тех злосчастных событиях¹⁷, о которых нужно забыть, чтобы никогда более не увидеть их снова; поведение это тем более основательно, что этот справедливый и великодушный народ превращает долг свой в удовольствие, что ему от природы нравится почитать вас и что наиболее горячо отстаивающие свои права наиболее склонны уважать ваши.

Не должно казаться удивительным, что руководители гражданского общества любят его славу и счастье; но более, чем удивительно, для спокойствия людей, когда те, кто смотрит на себя как на магистратов или скорее как на повелителей более священной и более возвышенной отчизны, проявляют любовь к земной отчизне, что их кормят¹⁸. Как отрадно мне, что я могу сделать столь

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
редкое исключение в нашу пользу и поставить в ряды наших лучших граждан
этих ревностных хранителей утвержденных законами священных догм, этих
почтенных пастырей душ, живое и сладостное красноречие которых тем лучше
утверждает и наших сердцах заповеди Евангелия, что они всегда начинают с
того, что выполняют их сами. Всем известно, с каким успехом
совершенствуется в Женеве высокое искусство проповедничества. Но так как
люди слишком привыкли видеть, что говорят одно, а делают другое, то лишь
немногие знают до какой степени царят в корпорации наших священнослужителей
 дух христианства, святость нравов, строгость к самому себе и мягкость по
отношению к другим. Быть может одному только городу – Женеве – подобает
явить миру назидательный образец столь совершенного единения в рядах
общества богословов и литераторов¹⁹; и на их признанной мудрости и
умеренности, на их рвении к процветанию государства я и осно-

62 Жан Жак Руссо

вываю в значительной степени надежду на вечное его спокойствие; и я отмечаю
с удовольствием, смешанным с удивлением и почтением, какое содрогание
вызывают у них принципы тех варваров, что считаются священными²⁰, коих не
один пример дает нам история и которые для защиты так называемых божьих
прав, т. е. своих интересов, проливали человеческую кровь тем щедрее, что
их собственная, как они льстили себя надеждой, всегда должна щадиться.
Могу ли я забыть о той драгоценной половине Республики, которая составляет
счастье другой и коей кротость и мудрость поддерживают в ней мир и добрые
нравы. Любезные и добродетельные гражданки, вашему полу всегда будет
суждено управлять нашим. Сколько радостно, если ваша целомудренная власть,
проявляемая только в супружеском союзе, дает себя чувствовать лишь во славу
государства и всеобщего счастья! Именно так повелевали женщины в Спарте и
так именно достойны вы повелевать в Женеве. Какой варвар-мужчина может
противиться голосу чести и разума в устах нежной супруги? и кто не
проникнется презрением к бесполезной роскоши при виде вашего простого и
скромного наряда, которому ваши личные достоинства придают такой блеск, что
этот наряд уже кажется самым счастливым дополнением к вашей красоте? Именно
вам надлежит поддерживать всегда ваше любезной и невинной властью и вашим
тонким умом любовь к законам в Государстве и согласие между гражданами,
объединять посредством счастливых браков враждующие семьи и более всего
исправлять убедительною кротостью ваших наставлений и скромным изяществом
ваших беседы дурные манеры, которые наша молодежь усваивает в иных краях,
откуда вместо стольких полезных вещей, что могли бы пойти им впрок, наши
молодые люди приносят с собой, наряду с ребячливым тоном и смешными
замашками, заимствованными у падших женщин, лишь преклонение перед уж не
знаю какими так называемыми идеалами, внешне скрашивающими рабское
состояние, перед идеалами, которые никогда не заменят священной свободы.
Будьте же всегда тем, что вы есть, – целомудренными хранительницами нравов
и нежных уз мира; и продолжайте отстаивать по всякому случаю права сердца и
природы на пользу долгу и добродетели.

Рассуждение о происхождении неравенства 63

Я хочу думать, что не буду опровергнут фактами, когда основываю на подобных
залогах свою надежду на общее счастье граждан и славу Республики. Я
признаю, что, обладая всеми этими преимуществами, Республика не будет
бичистать тем блеском, который ослепляет большинство глаз и детская и
пагубная страсть к которому – самый смертельный враг и счастья, и свободы.
Пусть развращенная молодежь ищет в иных краях легких удовольствий и затем
долгого раскаяния; пусть так называемые люди со вкусом в иных местах
восхищаются великолепием дворцов, красотою экипажей, изысканностью
меблировки, пышностью зрелищ и всеми утонченностями изнеженности и роскоши.
В Женеве можно увидеть только людей; но ведь и такое зрелище, конечно,
имеет свою цену, и те, кто ищут его, конечно же, стоят более, чем
поклонники всего остального.

Соблаговолите, сиятельнейшие, высокочтимые и владетельные государи, все с
одинаковою добротою, принять почтительные свидетельства того, как мне
дорого ваше общее благополучие. Если оказался я столь несчастен, что
повинен в несколько нескромной восторженности в этом живом излиянии моей
души, то умоляю вас простить мне эту восторженность, видя в ней только
нежную привязанность истинного патриота и пылкое и законное рвение
человека, который не знает для себя большего счастья как видеть вас всех
счастливыми.

С глубочайшим почтением,

СИЯТЕЛЬНЕЙШИЕ, –

ВЫСОКОЧТИМЫЕ И ВЛАДЕТЕЛЬНЫЕ ГОСУДАРИ,

ваш низайший и покорнейший слуга и согражданин Жан Жак Руссо.

Шамбери, 12 июня 1754 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

Наиболее полезным и наименее продвинувшимся из всех знаний²¹ человеческих мне представляется знание че-ловека(П); и я осмеливаюсь утверждать, что одна надпись дельфийского храма²² содержала в себе наставление более важное и более глубокое, чем все толстые книги моралистов. Поэтому я смотрю на предмет этого рассуждения как на один из самых интересных вопросов, которые может выдвинуть для обсуждения философия, и, к несчастью для нас, как на один из самых щекотливых вопросов, которые могли бы разрешить философы, ибо как познать источник неравенства между людьми, если не начать с познания их самих? и как удастся человеку увидеть себя таким, каким создала его природа, через все те изменения, которые должна была произвести в его изначальной организации последовательная смена времен и вещей, и отделить то, что было ему присуще с самого начала, от того, что обстоятельства и развитие прибавили к первозданному его состоянию или изменили в нем? Подобно статуе Главка²³, которую время, море и бури настолько обезобразили, что она походила не столько на бога, сколько на дикого зверя, душа человеческая, извращающаяся в обществе в силу тысячи причин, беспрестанно вновь возобновляющихся, вследствие приобретения множества знаний и заблуждений, изменений в телосложении и постоянного столкновения страсти, переменила, так сказать, свою внешность почти что до неузнаваемости, и мы находим теперь в ней вместо существа, действующего всегда по определенным и неизменным принципам, вместо той небесной и величественной простоты, которую запечатлел в ней ее творец, лишь безобразное противоречие между страстью, полагающей, что она рассуждает, и разумом в бреду.

Еще более жестоко то, что все успехи человеческого рода беспрестанно отдаляют его от первозданного его состояния, и, следовательно, чем более накапливаем мы но-

Рассуждение о происхождении неравенства 65

вых знаний, тем более отнимаем мы у себя средств приобрести самое важное из всех; так что, по мере того, как мы углубляемся в изучение человека, мы, в известном смысле, утрачиваем способность его познать.

Нетрудно видеть, что именно в этих последовательных изменениях природы человека и следует искать первые истоки различий между людьми, которые, по общему мнению, были так же равны между собою, как равны были животные каждого вида, прежде чем различные физические причины вызвали среди некоторых видов образование отмечаемых нами теперь в них разновидностей. В самом деле, было бы непостижимо, если бы все эти изменения, чем бы они ни были вызваны, сразу же и одинаковым образом переинициалили всех индивидуумов этого вида; однако тогда как одни стали совершеннее или выродились и приобрели различные новые качества, хорошие или дурные, которые не были присущи их природе, другие дольше оставались в первозданном своем состоянии. И таков был между людьми первый источник неравенства, который легче показать, таким образом, в общей форме, чем с точностью указать его истинные причины.

Пусть же мои читатели не думают, что я осмеливаюсь льстить себя надеждою, будто увидел я то, что увидеть мне кажется столь трудным. Я начал несколько рассуждений, я решился высказать несколько предположений не столько в надежде разрешить этот вопрос, сколько с намерением придать ему ясность и привести его в истинный вид. Другие легко пойдут дальше по этому же пути, но никому не будет легко достигнуть предела, ибо это нелегкое предприятие – выделить то, что врождено и что искусственно в теперешней природе человека, и вполне познать состояние, которое более не существует, которое быть может никогда не существовало²⁴, которое, вероятно, не будет никогда существовать и о котором нужно все же иметь правильное представление, чтобы как следует судить о нынешнем нашем состоянии. Даже больше, чем думают, потребуется твердости духа тому, кто возьмется точно определить, какие предосторожности принять, чтобы произвести серьезные наблюдения по этому предмету, и верное решение следующей задачи не кажется мне недостойным Аристотелей и Плиниев нашего века²⁵: какие будут необходимы опыты, чтобы удалось познать естественного человека? и каковы средства, которые позво-3–3575

66 Жан Жак Руссо

лят проделать эти опыты в обществе? далекий от мысли, что я мог бы взяться за решение этой задачи, я полагаю, что достаточно продумал этот вопрос, чтобы осмелиться ответить уже сейчас: и величайшим философам не зазорно будет руководить этими опытами и могущественнейшим государям их предпринимать, так как вряд ли было бы разумно ожидать, что придет само собою такое стечье обстоятельств и такое неуклонное, или, скорее, такое последовательное развитие наших знаний, да еще в сочетании с необходимой с обеих сторон доброй волей, которое одно только позволило бы достичь успеха. Эти исследования, которые так трудно провести и о которых так мало думали до сей поры, дают все же единственное остающееся у нас средство устраниć множество затруднений на пути к познанию действительных основ человеческого

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org общества. Это именно незнание человеческой природы и покрывает такую туманностью и мраком истинное определение естественного права: ибо идея права, говорит г-н Бурламаки²⁶, и еще более идея естественного права, это, очевидно, идеи, относящиеся к природе человека. Таким образом, из этой самой природы человека, – продолжает он, – и его организации, и его состояния и следует выводить принципы этой науки.

Не без удивления и не без стыда замечаешь, как мало согласия царит по этому важному вопросу между различными авторами, которые им занимались. Среди самых серьезных писателей едва ли найдутся двое, которые имели бы на этот счет одинаковое мнение. Не говоря уже о философах древности, как будто задававшихся целью противоречить друг другу в самых основных принципах, римские юристы подчиняют, без разбора, человека и всех других животных одному и тому же естественному закону, потому что они разумеют под этим понятием скорее тот закон, который природа устанавливает для самой себя, чем тот, который она предписывает человеку; или же скорее из-за особого значения, придаваемого этими юристами слову закон, которое они, как будто, берут в этом случае лишь для выражения общих отношений, устанавливаемых природой между всеми живыми существами для их общего сохранения²⁷. Люди новых времен, признающие под именем закона лишь правило, предписываемое существу нравственному, т. е. разумному, свободному и рассматриваемому в его отношениях с другими существами, ограничива- рассуждение о происхождении неравенства

67

следовательно, область применения естественного за-она одним-единственным животным, одаренным разумом т. е. человеком; но, определяя закон этот каждый по-своему, все они основывают его на столь метафизических принципах, что даже среди нас очень немногие в состоянии понять эти принципы, не говоря уже о возможности самим их обнаружить. Так что все определения этих ученых мужей, всегда, к тому же, противоречивые, согласуются только в том, что невозможно понять естественный закон и, следовательно, повиноваться ему, не будучи весьма великим мастером рассуждать и глубоким метафизиком, а это непременно означает, что люди должны были использовать для установления общества такие познания, которые даются только с большим трудом и лишь очень немногим людям уже в самом этом обществе²⁸.

Раз мы так мало знаем природу и так неодинаково понимаем смысл слова закон, то очень трудно будет прийти к соглашению относительно верного определения естественного закона. К тому же, все определения, которые находим мы в книгах, имеют помимо того недостатка, что они вовсе не единообразны, еще и тот, что они выводятся из множества знаний, которыми люди не обладают от природы, и из преимуществ, представление о которых можно получить только по выходе из естественного состояния. Начинают с того, что изыскивают правила, относительно которых, для общей пользы, людям было бы хорошо согласиться между собою, а затем собранию этих правил дают название естественный закон, ссылаясь только на благо, которое, как они полагают, произойдет от повсеместного применения этих правил. Вот, поистине, слишком удобный способ давать определения и объяснять природу вещей с помощью соглашений, допускаемых почти произвольно.

Но до тех пор, пока мы совершенно не знаем естественного человека, тщетно будем мы пытаться определить закон, им полученный, или тот закон, который лучше всего соответствует его природе. Мы можем вполне ясно сказать относительно этого закона только вот что: чтобы он был законом, нужно не только, чтобы воля того, на кого он налагает обязательство, могла сознательно ему подчиниться, но, кроме того, чтобы он был естественным, нужно, чтобы он говорил голосом самой природы. 3

68 Жан Жак Руссо

Отложив потому в сторону все научные книги, которые учат нас видеть людей такими, какими они себя сделали, и размышляя о первых и простейших действиях человеческой души²⁹, я полагаю, что вижу в ней два начала, предшествующие разуму; из них одно горячо заинтересовывает нас в нашем собственном благосостоянии и самосохранении, а другое внушает нам естественное отвращение при виде гибели или страданий всякого чувствующего существа и главным образом нам подобных. Из взаимодействия и того сочетания, которое может создать из этих двух начал наш ум, без того, чтобы было необходимо добавлять сюда еще свойство общежительности³⁰, – и могут, как мне кажется, вытекать все принципы естественного права; принципы, которые разум затем вынужден вновь возводить на иные основания, когда, в результате последовательных успехов в своем развитии, он, в конце концов, подавляет природу.

Таким образом вовсе не обязательно делать из человека философа прежде, чем делать из него человека³¹. Его обязанности по отношению к другим не диктуются исключительно запоздалыми уроками мудрости; и пока не будет он противиться внутреннему влечению к состраданию, он никогда не причинит зла

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org ни другому человеку, ни какому бы то ни было чувствующему существу, исключая тот случай, когда дело идет о его существовании, и он уже вполне закономерно обязан оказать предпочтение себе самому. Таким образом мы покончим и с давнишними спорами о причастности животных к естественному закону, ибо ясно, что, будучи лишены знаний и свободы, они не могут признавать этот закон; но так как они имеют с нашей природою нечто общее, поскольку и они одарены способностью чувствовать, то можно считать, что они также должны быть причастны естественному праву и что на человеке лежат по отношению к ним некоторого рода обязанности. В самом деле, получается, что если я обязан не причинять никакого зла мне подобному, то не столько потому, что он есть существо мыслящее, сколько потому, что он есть существо чувствующее: это качество, общее и животному и человеку, должно, по меньшей мере, давать первому из них право не подвергаться напрасно мучениям по вине другого³².

Это именно изучение первобытного человека, подлинных его потребностей и главных основ его понимания со-
суждение о происхождении неравенства 69

обязанностей есть также единственное верное средство устранения тех бесчисленных трудностей, которые возникают перед нами при разрешении вопроса о происхождении неравенства в положении личностей³³, об истинных основаниях Политического организма, о взаимных правах его членов и в отношении множества других подобных вопросов, столь лее важных, как и мало освещенных. Если обратить на человеческое общество взгляд спокойный и беспристрастный, то оно явит нам сначала, как будто, только насилие людей могущественных и угнетение слабых: ум восстает против жестокости первых; мы склонны оплакивать слепоту вторых. И так как ничего нет среди людей менее постоянного, чем эти внешние отношения, чаще порождаемые случаем, чем мудростью, и именуемые слабостью или могуществом, богатством или бедностью, то человеческие установления кажутся с первого взгляда возведенными на кучах зыбучего песка. Только присмотревшись к ним поближе, только убрав пыль и песок, окружающие здание, замечаешь незыблемое основание, на котором оно воздвигнуто, и научаешься видеть его устои. Итак, без серьезного изучения человека, его естественных способностей и их последовательного развития мы никогда не сможем провести этих различий и отделить, в настоящем устройстве вещей, то, что создано божественной волей³⁴, от того, что хотело бы себе приписать человеческое искусство. Политические и моральные исследования, которые влечет за собой важный вопрос, мною рассматриваемый, полезны, таким образом, всесторонне, а предположительная история Правлений будет для человека поучительным уроком во всех отношениях. Когда подумаешь о том, во что бы мы превратились, будучи предоставлены самим себе, как не благословлять того, чья благодетельная рука, исправляя наши установления и делая их незыблемыми, предупредила беспорядки и создала наше счастье теми средствами, которые, казалось, должны были довершить наши бедствия.

Quern te Deus esse

Jussit, et humana qua parte locatus es in re,
Disce*.

Кем быть тебе Бог

Повелел и что сделано здесь человеком, Поведай (лат.). Перси из³⁵. Сатиры, III, 71.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ О ПРИМЕЧАНИЯХ³⁰

Я добавил к этому произведению некоторые примечания, сообразно моей несколько беспечной привычке работать урывками. Примечания эти подчас настолько отклоняются от моей темы, что незачем читать их одновременно с текстом. Поэтому я перенес их к концу Рассуждения, в котором я пытался, насколько мог, следовать наиболее прямым путем. Те, кому достанет решимости вновь приняться за чтение, могут, развлечения ради, еще раз пошарить в поисках добычи и попытаться просмотреть эти примечания; беда будет невелика, если остальные не прочтут их вовсе.

РАССУЖДЕНИЕ

О человеке, вот о ком предстоит мне говорить: и сам вопрос, мною рассматриваемый, требует, чтобы я говорил об этом людям, ибо подобных вопросов не предлагают, когда боятся чтить истину. Я буду, таким образом, убежденно защищать дело человечества перед мудрецами, которые меня к тому побуждают, и я не буду недоволен самим собою, если окажусь достойным темы моей и судей моих.

Я вижу в человеческом роде два вида неравенства: одно, которое я называю естественным или физическим, потому что оно установлено природою и состоит в различии возраста, здоровья, телесных сил и умственных или душевных качеств; другое, которое можно назвать неравенством условным или политическим, потому что оно зависит от некоторого рода соглашения и потому

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
что оно устанавливается или, по меньшей мере, утверждается с согласия
людей. Это последнее заключается в различных привилегиях, которыми
некоторые пользуются за счет других: как то, что они более богаты, более
почитаемы, более могут-

С1, ждение о происхождении неравенства 71

шественны, чем другие, или даже заставляют их себе повиноваться.

Не к чему спрашивать, каков источник естественного неравенства, потому что
ответ содержит уже в простом определении смысла этих слов. Еще менее
возможно установить, есть ли вообще между этими двумя видами неравенства
какая-либо существенная связь. Ибо это означало бы, иными словами,
спрашивать, обязательно ли те, кто повелевают, лучше, чем те, кто
повинуются, и всегда ли пропорциональны у одних и тех же индивидуумов
телесная или духовная сила, мудрость или добродетель их могуществу или
богатству: вопрос этот пристало бы ставить разве что перед теми, кто
признает себя рабами своих господ: он не возникает перед людьми разумными и
свободными, которые ищут истину.

О чём же именно идет речь в этом Рассуждении? О том, чтобы указать в
поступательном развитии вещей тот момент, когда право пришло на смену
насилию и природа, следовательно, была подчинена Закону; объяснить, в силу
какого сцепления чудес сильный мог решиться служить слабому, а народ –
купить воображаемое спокойствие ценою действительного счастья.

Философы, которые исследовали основания общества, все ощущали необходимость
восходить к естественному состоянию, но никому из них это еще не удавалось.
Одни не колебались предположить³⁷ у человека в этом состоянии понятие о
справедливом и несправедливом, не позабывши показать ни того, должен ли
он быть иметь такое понятие, ни даже того, было ли оно для него полезно.
Другие говорили³⁸ о естественном праве каждого на сохранение того, что ему

принадлежит, не объясняя, что понимают они под словом «принадлежать».

Третьи, наделив сперва³⁹ более сильного властью над более слабым,
немедленно создали Управление, не думая о том, что должно было пройти
некоторое время, прежде чем слова «власть» и «управление» получили понятный
для людей смысл. Наконец, все, беспрестанно говоря о потребностях,
жаждости, угнетении, желаниях и гордости, перенесли в естественное
состояние представления, которые они взяли в обществе: они говорили о диком
человеке, и изображали человека в гражданском состоянии. Большой части
наших философов не приходило даже в голову сомневаться в том,

72 Жан Жак Руссо

что естественное состояние существовало, между тем как очевидно, когда
читаешь священные книги, что первый человек, получивший непосредственно от
Бога знания и наставления, вовсе не был сам в этом состоянии; и, если
относиться к писаниям Моисея⁴⁰ с тем доверием, с которым подобает
относиться к ним всякому христианскому философу, то уже нельзя допустить,
что люди, даже до потопа, когда-либо находились в естественном состоянии в
его чистом виде, если только они не впали в него снова в результате
какого-нибудь необычайного события – парадокс этот очень трудно защищать и
совершенно невозможно доказать.

Начнем же с того, что отбросим все факты⁴¹, ибо они не имеют никакого
касательства к данному вопросу. Мы должны принимать результаты розысканий,
которые можно повести по этому предмету, не за исторические истины, но лишь
за предположительные и условные рассуждения, более способные осветить
природу вещей, чем установить их действительное происхождение, и подобные
тем предположениям, которые постоянно высказывают об образовании мира наши
натуралисты⁴². Религия предписывает нам верить, что так как сам Бог вывел
людей из естественного состояния сразу же после сотворения мира, то они не
равны, потому что он хотел, чтобы они не были равными; но религия не
запрещает нам, на основании одной только природы человека и существ, его
окружающих, строить предположения о том, во что человеческий род мог бы
превратиться, если бы он был предоставлен самому себе⁴³. Вот – то, что у
меня спрашивают, и то, что я ставлю себе задачей рассмотреть в этом
Рассуждении. Так как тема моя относится к человеку вообще, то я постараюсь
говорить таким языком, который понятен был бы всем нациям; или, точнее, –
отвлекаясь от места и времени, чтобы думать лишь о людях, которым я говорю,
я предположу, что нахожусь в лицее афинском⁴⁴, повторяя уроки моих
учителей, имея судьями Платонов и Ксено克拉тов⁴⁵, а слушателем – род
человеческий.

О человек! Из какой бы ты ни был страны, каковы бы ни были твои взгляды,
слушай, – вот твоя история, такая, какой, полагаю, я прочел ее не в книгах,
написанных тебе подобными, которые лживы, а в природе, которая никогда не
лжет. Все, что от нее – истинно: должно будет
суждение о происхождении неравенства 73

ищь то, что я, не желая того, прибавлю от себя. Времена, которых буду я

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
говорить, очень отдалены: как изменился ты с тех пор по сравнению с тем, каким был. Я опишу тебе, так сказать, жизнь твоего рода, судя по свойствам, которые ты получил, которые воспитание твое и привычки твои могли извратить, но которых не могли они уничтожить. Есть, чувствуя я, такой возраст, на котором отдельный человек хотел бы остановиться: ты будешь искать тот возраст, на котором ты желал бы, чтобы остановился род твой. Огорченный нынешним твоим состоянием по причинам, которые сулят твоему несчастному потомству еще большие горчения, ты, возможно, пожелаешь вернуться назад: и это чувство должно вылиться в похвальное слово первым предкам твоим, в критику современников твоих и внушить ужас .тем, кто будет иметь несчастье жить после тебя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

‘ f

Сколько ни важно для того, чтобы правильно судить о естественном состоянии человека, изучить его с момента первого его появления на свет и рассмотреть, так сказать, первый эмбрион этого вида, я не стану прослеживать последовательные изменения его организации, я не стану останавливаться на изучении организма животных, дабы узнать, что мог человек представлять собою вначале, если стал в конце концов тем, чем он стал⁴⁸. Я не стану исследовать, не были ли его продолговатые ногти, как думает Аристотель, сначала вовсе крюкообразными когтями; не был ли он покрыт шерстью, как медведь; и, когда он ходил на четвереньках, не определяли ли его взоры, устремленные к земле и простиравшиеся всего на несколько шагов вперед, самый характер и границы его представлений. Обо всем этом я мог бы высказать здесь только предположения неопределенные и почти лишенные оснований. Сравнительная анатомия сделала еще чересчур неопределенны, чтобы можно было на такой основе построить убедительное рассуждение. Поэтому, не полагаясь здесь на слизошедшие на нас озарения свыше и не учитывая изменений, которые должны были совершиться в строении тела человека как внешнем, так и внутреннем, по мере того как он приучал свои члены к новым действиям и переходил к новым видам пищи, я предположу, что он во все времена был таким же, каким вижу я его сегодня: ходил на двух ногах, пользовался своими руками так же, как пользуемся нашими руками мы, охватывал своим взглядом всю природу и измерял взором своим обширное пространство неба.

Освободив существо, таким образом устроенное, от всех сверхъестественных даров, которые могло оно получить, и от всех искусственных способностей, которые оно могло

ждение о происхождении неравенства

75

обрести лишь в результате долгого развития, словом, сматривал его таким, каким оно должно было выйти из РУК природы, я вижу перед собою животное, менее сильное, чем одни, менее проворное, чем другие, но, в общем, организованное лучше, чем какое-либо другое. Я вижу, как утоляет оно свой голод под каким-нибудь дубом и жажду – из первого встретившегося ему ручья; как находит оно ложе свое под тем же деревом, что доставило ему пищу, – и вот уже удовлетворены все его потребности.

Земля, представленная своему естественному плодородию и покрытая огромными лесами, которых еще не калечил топор, предлагает на каждом шагу склады питания и убежища всякого рода животным. Люди, рассеянные среди них, наблюдают, перенимают их навыки и поднимаются таким образом до инстинкта животных: с тем преимуществом, что каждый вид животных обладает лишь своим собственным инстинктом, а человек, который, быть может, не обладает ни одним принадлежащим только ему инстинктом, присваивает себе их все; употребляет в равной мере почти все те виды пищи, которые разделяют между собою другие животные, и, следовательно, находит средства к существованию с меньшим трудом, чем любое из них.

Привыкнувшие с детства к превратностям погоды, к зимней стуже и к летнему зною, приученные к тяготам и вынужденные нагими и безоружными защищать свою жизнь и добычу от других хищных зверей или спасаться от них бегством, люди приобретают телосложение крепкое и почти не подверженное изменениям. Дети, появляясь на свет, наследуют превосходное телосложение своих отцов и укрепляют его посредством тех же упражнений, которые его создали; они приобретают, таким образом, всю силу, на которую человеческий род способен. Природа поступает с ним так же, как закон Спарты с детьми ее граждан: она делает сильными и крепкими тех, которые хорошо сложены, и уничтожает всех остальных, отличаясь этим от наших обществ, в которых государство, превращая детей в тяжкое бремя для их отцов, убивает их

63 всякого разбора еще до их появления на свет.

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

1ак как тело дикого человека – это единственное изве-
тное ему орудие, он использует его и для многих таких

76 Жан Жак Руссо

целей, к которым наши тела, по недостатку упражнений, уже неспособны: самая наша изобретательность лишает нас той силы и той ловкости, которую дикого человека заставляла приобретать необходимость. Имей он топор, разве могла бы рука его ломать столь крепкие ветви? Имей он прашу, разве мог бы он с такою меткостью бросать камни рукою? Будь у него лестница, разве мог бы он с такою легкостью взлезать на деревья? Будь у него лошадь, разве был бы он столь быстр в беге? дайте цивилизованному человеку время собрать около себя все его машины: не приходится сомневаться, что он легко одержит верх над диким человеком; но если хотите вы увидеть борьбу еще более неравную, то поставьте их друг против друга нагими и безоружными и вы вскоре увидите, какое это преимущество – иметь постоянно все силы свои в своем распоряжении, всегда быть готовым ко всякой неожиданности и носить, так сказать, всего себя с собою^{“1”}.

Гоббс утверждает⁴⁷, что человек от природы бесстрашен и ждет только случая нападать и сражаться. Один знаменитый философ⁴⁸, напротив, полагает, и Камберленд⁴⁹ и Пуфendorff⁵⁰ также это утверждают, что ничего нет столь робкого, как человек в его естественном состоянии, и что он всегда дрожит от страха и готов бежать при малейшем шуме, который он заслышит, при малейшем движении, которое он заметит. Это, быть может, и так относительно тех предметов, которые ему неизвестны, и я нисколько не сомневаюсь, что он пугается всех новых зрелищ, открывающихся перед ним, всякий раз, когда он не может распознать, должен ли он от этого ждать хорошего или плохого в физическом отношении и не может соразмерить свои силы с грозящими ему опасностями; такого рода обстоятельства весьма редки в естественном состоянии, где все идет так однообразно и когда лицо земли не подвергается тем внезапным и беспрерывным изменениям, которые вызывают на земле страсти и непостоянство целых народов. Но дикий человек, живя непосредственно среди животных и с ранних пор в таком положении, когда ему приходится меряться с ними силами, вскоре начинает сравнивать их с собою и, чувствуя, что он в большей мере превосходит их ловкостью, чем они его силою, приучается их уже не бояться. Заставьте медведя или волка сражаться с дикарем, крепким, ловким и храбрым, как и все они, воору-

Рассуждение о происхождении неравенства 77

женным камнями и хорошей дубиной, и вы увидите, что опасность будет, по меньшей мере, взаимной и что после многих подобных опытов хищные звери, которые вообще не любят нападать друг на друга, неохотно станут нападать на человека, которого они сочтут столь же хищным, как они сами. Что же до животных, у которых силы действительно больше, чем у него ловкости, то по отношению к ним он находится в положении других видов, более слабых, которые все же существуют; причем у человека есть то преимущество, что, будучи не менее, чем они, проворен в беге и находя на деревьях почти что обеспеченное убежище, он может всякий раз вступать в борьбу или уклоняться от нее и выбирать между бегством и схваткою. Добавим, что, кажется, нет ни одного животного, которое по своей природе нападало бы на человека, кроме как в случаях самозащиты или крайнего голода, и проявляло бы по отношению к нему столь резкую антипатию, чтобы это свидетельствовало о том, что один из этих видов предназначен природою служить пищей для другого.

Вот, без сомнения, те причины, по которым негры и дикиари так мало тревожатся о том, что они могут встретиться в лесу с хищными зверями. Венесуэльские караибы, среди прочих, живут в этом отношении в полной безопасности, не испытывая ни малейшего неудобства. Хотя они почти наги, говорит Франсуа Кореаль⁵¹, они смело углубляются в чащу, вооруженные только стрелою и луком; но никогда не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь из них был растерзан дикими зверями.

Другие враги человека, более страшные, от которых он не может себя защитить такими же средствами, суть естественные немощи, детство, старость и всякого рода болезни – печальные признаки нашей слабости, из которых первые два общи всем животным, а последний присущ главным образом человеку, живущему в обществе. Если говорить о детях, я мог бы даже заметить, что женщины-матери, которая повсюду носит свое дитя с собою, легче его прокормить, чем самкам многих животных, которые вынуждены беспрестанно уходить и возвращаться, затрачивая на это много сил, – как для того, чтобы отыскать себе пищу, так и для того, чтобы выкармливать своих детенышей молоком или кормить их. Правда, если погибает мать, то и ребенку грозит большая опасность погибнуть

78 Жан Жак Руссо

вместе с ней; но такая же опасность грозит сотне других видов животных, детеныши которых в течение долгого времени не в состоянии сами отыскивать

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
себе пишу; и если детство у нас более продолжительно, то, поскольку и жизнь
наша более продолжительна, все опять-таки оказывается в этом отношении
примерно равным, хотя в том, что касается продолжительности детского
возраста и числа детенышей, действуют уже другие законы, не относящиеся к
моей теме. У стариков, которые мало действуют и мало потеют, потребности в
пище убывают вместе со способностью ее добывать; а так как вольная жизнь
избавляет их от подагры и ревматизма, а старость – это из всех бед та,
которую человек менее всего в состоянии облегчить, то они угасают в конце
концов так, что и не видно, как они перестали существовать, и они почти что
не замечают этого сами⁵².

Что до болезней, то я никак не хочу повторять здесь те пустые и лживые
декламации против медицины, исходящие от большинства здоровых людей; но я
спрошу, есть ли какие-нибудь серьезные наблюдения, из которых можно было бы
заключить, что в странах, где искусством этим более всего пренебрегают,
средняя продолжительность жизни человека меньше, чем в тех странах, где его
насаждают всего заботливее. Да и как могло бы это быть, если мы изобретаем
для себя болезней больше, чем медицина может нам предоставить лекарств?
Крайнее неравенство в образе жизни, избыток праздности у одних, избыток
работы у других; та легкость, с какою можно возбуждать и удовлетворять наши
аппетиты и нашу чувственность; слишком изысканная пища богатых, которая
сообщает им горячительные соки и вызывает у них расстройства пищеварения,
плохая пища бедных, которой, к тому же, им часто не хватает и недостаток
которой заставляет их с жадностью переполнять свой желудок, когда это
случайно оказывается возможным; бессонные ночи, излишества всякого рода,
неумеренные порывы всей страсти, треволнения и истощение умственных сил,
бесконечные огорчения и заботы, которые человек испытывает при любом
имущественном положении и которые постоянно гложут его душу – вот печальные
доказательства того, что большая часть болезней наших – это дело наших
собственных рук и что мы могли бы почти всех их избежать, если бы сохра-
ссуждение о происхождении неравенства ⁷⁹

ли Образ жизни простой, однообразный и уединенный, который предписан нам
был природою. Если она предназначала нас к тому, чтобы мы были здоровыми,
то я почти решаюсь утверждать, что состояние размышления – это уже
состояние почти что противоестественное и что человек, который размышляет –
это животное извращенное. Когда подумаешь о прекрасном здоровье дикарей, по
меньшей мере тех, которых мы сами не погубили с помощью наших спиртных
напитков; когда вспомнишь, что они почти не знают никаких иных немощей,
кроме как раны и старость, то склоняешься к мысли, что легко можно было бы
составить историю человеческих болезней, если проследить историю
гражданских обществ. Таково, по крайней мере, мнение Платона⁵³ – он, судя
по некоторым лекарствам, применявшимся или одобрявшимся Подали-рием и
Махаоном⁵⁴, пришел к выводу, что различные болезни, которые неизбежно
должны были вызвать эти лекарства, были, стало быть, еще совсем неизвестны
среди людей; а Цельс⁵⁵ сообщает, что диета, столь необходимая ныне, была
изобретена только Гиппократом⁵⁶.

При столь немногих источниках болезней человек в естественном состоянии
почти что не нуждается в лекарствах и еще менее – во врачах; человеческий
род в этом отношении находится в положении, отнюдь не худшем, чем все
остальные; и у охотников нетрудно узнать, много ли больных животных
падает им по пути. Много встречают они животных с опасными ранами,
которые сами собою очень хорошо зарубцевались; с переломами костей и даже
членов, которые выправились без помощи иного хирурга, кроме времени, иного
режима, кроме обычной их жизни; эти животные выздоровели окончательно, хотя
их не мучили операциями, не отправляли снадобьями и не изнуряли постами.
Наконец, сколь бы ни было полезно нам искусство врачевания, правильно
используемое, все же очевидно, что если больному дикарю, предоставленному
самому себе, не на кого надеяться, кроме как на природу, ему зато и нечего
опасаться, кроме своей болезни: это делает нередко его положение более
предпочтительным, чем наше.

Остережемся же смешивать дикого человека с теми людьми, которых видим мы
перед собою. Природа обходится со всеми животными, предоставленными ее
заботам,

80 Жан Жак Руссо

с особою нежностью, которая как бы показывает, насколько ревниво относится
она к этому своему праву. Лошадь, кошка, бык и даже осел, в большинстве
своем, отличаются более высоким ростом и все – более крепким телосложением,
большою живостью, силою и храбростью пока живут в лесах, а не в домах
наших; они теряют половину этих преимуществ, когда становятся домашними, и
можно сказать, что все наши старания хорошо обращаться с этими животными и
хорошо кормить их ведут лишь к их вырождению. То же происходит и с
человеком: приобретая способность жить в обществе и становясь рабом, он

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org делается слабым, боязливым и приниженным, а его образ жизни, изнеженный и расслабленный, окончательно подтачивает и его силы и его мужество.

Прибавим, что различия между людьми в состояниях диком и домашнем должны быть еще больше, чем между животными дикими и домашними, ибо, поскольку природа обходится одинаково с животным и с человеком, все жизненные удобства, которых человек доставляет себе больше, чем прирученным им животным, суть особые причины, которые вызывают более ощущимое его вырождение.

Итак, для этих первых людей не составляет столь большого несчастья, ни, даже, столь большого препятствия для их самосохранения, нагота, отсутствие жилища и всех тех ненужностей, которые считаем мы столь необходимыми. Если кожа их не покрыта шерстью, то в жарких странах они в этом не нуждаются, а в холодных странах они быстро научаются приспособливаться в качестве одежды шкуры тех животных, которых они победили. Если у них только две ноги, чтобы бегать, зато у них две руки, чтобы позаботиться о своей защите и о своих нуждах. Дети их научаются ходить, быть может, поздно и с трудом, зато матери легко носят их с собою – этого преимущества нет у других видов, у которых мать, будучи преследуемая, оказывается вынужденной бросать своих детенышей на произвол судьбы или же соразмерять свой бег с их бегом*. Наконец возможны некоторые исключения: к примеру, животное из провинции Никарагуа: оно похоже на лисицу; у него ноги напоминают руки человека, и оно, согласно Кореалю⁵, имеет пол животом карман, в который мать кладет детей, когда ей приходится спасаться бегством. Это, безусловно, то же животное, что в Мексике называют тлакатци-НОМ и самке которого Лает⁵ приписывает подобный же карман, имеющий то же назначение.

. суждение о происхождении неравенства 81

ц если не предполагать тех исключительных и случайных' обстоятельств, о которых я буду говорить в дальнейшем и которые вполне могли бы никогда не иметь места, то ясно, во всяком случае, что первый, кто изготовил себе одежду и построил себе жилище, доставил себе этим вещи мало необходимые, потому как до того времени он обходился без них, и мы не видим, почему бы он не мог, став взрослым, вести тот образ жизни, который он вел с самого своего детства.

Одинокий, праздный, всегда в непосредственной близости к опасности дикий человек должен любить спать и сон его должен быть чутким, как у животных, которые, думая мало, спят, так сказать, все время, когда они не думают. Так как забота о самосохранении составляет почти единственную его заботу, то наиболее развитыми его способностями должны быть те, главное назначение которых служить для нападения и для защиты: либо для того, чтобы овладеть своей добычей, либо для того, чтобы не стать самому добычей другого животного. Напротив, те органы, которые совершаются лишь под влиянием изнеженности и чувственности, должны оставаться в грубом состоянии – это исключает в дикаре утонченность какого бы то ни было рода; и так как чувства его разделяются по такому признаку, то осязание и вкус будут у него крайне грубы, зрение же, слух и обоняние – в высшей степени обостренными.

Таково животное состояние вообще и таково же, по свидетельству путешественников, состояние большинства диких народов. Поэтому вовсе не следует удивляться ни тому, что готтентоты мыса Доброй Надежды⁶⁰ различают невооруженным глазом корабли в открытом море с такого же расстояния, как голландцы с помощью зрительных труб; ни тому, что дикие Америки чуют испанцев по их следу, как самые лучшие псы; ни тому, что все эти дикие народы без труда переносят свою наготу, возбуждают аппетит свой с помощью индейского перца и пьют европейские крепкие напитки, как воду.

До сих пор я рассматривал только физическое естество человека, попробуем теперь взглянуть на него со стороны духовной и нравственной. со всяком животном я вижу лишь хитроумную машинальную, которую природа наделила чувствами, чтобы она могла сама себя заводить и ограждать себя, до некоторой

82 Жан Жак Руссо

степени, от всего, что могло бы ее уничтожить или привести в расстройство. В точности то же самое вижу я и в машине человеческой с той только разницей, что природа одна управляет всеми действиями животного, тогда как человек и сам в этом участвует как свободно действующее лицо. Одно выбирает или отвергает по инстинкту, другой – актом своей свободной воли. Это приводит к тому, что животное не может уклониться от предписанного ему порядка, даже если бы то было ему выгодно, человек же часто уклоняется от этого порядка себе во вред.

Именно поэтому голубь умер бы с голоду подле миски, наполненной превосходным мясом, а кошка – на груде плодов или зерна, хотя и тот и другая прекрасно могли бы кормиться этой пищей, которой они пренебрегают,

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org если бы они только догадались ее отведать. Именно поэтому люди невоздержанные предаются излишествам, которые вызывают волнения и смерть, так как ум разворачивает чувства, а желание продолжает еще говорить, когда природа умолкает.

У всякого животного есть свои представления, потому что у него есть чувства; оно даже до некоторой степени комбинирует свои представления, и человек отличается в этом отношении от животного лишь как большее от меньшего⁶². Некоторые философы даже предположили, что один человек больше отличается от другого человека, чем человек – от животного. Следовательно, специфическое отличие, выделяющее человека из всех других животных, составляет не столько разум, сколько его способность действовать свободно. Природа велит всякому живому существу, и животное повинуется. Человек испытывает то же воздействие, но считает себя свободным повиноваться или противиться, и как раз в сознании этой свободы проявляется более всего духовная природа его души. Ибо физика некоторым образом объясняет нам механизм чувств и образования понятий, но в способности желать, или точнее, выбирать, и в ощущении этой способности можно видеть лишь акты чисто духовные, которые ни в коей мере нельзя объяснить, исходя из законов механики.

Но если бы трудности, с которыми связано изучение всех этих вопросов, и оставляли все же некоторый повод для споров относительно этого различия между человеком и животным, то есть другое, весьма характерное и отли- рассуждение о происхождении неравенства 83

чающее их одно от другого свойство, которое уже не может вызвать никаких споров: это – способность к самосовершенствованию, которое с помощью различных обстоятельств ведет к последовательному развитию всех остальных способностей, способность, присущая нам как всему роду нашему, так и каждому индивидууму, в то время, как животное, по истечении нескольких месяцев после рождения на свет, становится тем, чем будет всю жизнь, а род его, через тысячу лет, – тем же, чем был он в первый год этого тысячелетия. Почему один только человек способен впадать в слабоумие? Не потому ли, что он таким образом возвращается к изначальному своему состоянию; и в то время как животное, которое ничего не приобрело и которое тем более не может ничего потерять, всегда сохраняет свой инстинкт, человек, теряя вследствие старости или иных злоключений все то, что он приобрел благодаря его способности к совершенствованию⁶³, снова падает таким образом даже ниже еще, чем животное? Было бы печально для нас, если бы мы вынуждены были признать, что эта отличительная и почти неограниченная способность человека есть источник всех его несчастий, что именно она выводит его с течением времени из того первоначального состояния, в котором он проводит свои дни спокойно и невинно; что именно она, способствуя с веками расцвету его знаний и заблуждений, пороков и добродетелей, превращает его со временем в тирана себя самого и природы⁽¹⁴⁾. Было бы ужасно, если бы мы должны были бы восхвалять, как существо благородительное, того, кто первым подсказал обитателю берегов Ориноко, как применять дощечки⁶⁴, которыми он зажимает виски своих детей и которые являются, по меньшей мере, одной из причин их слабоумия и первобытного их счастья.

Дикий человек, предоставленный природою одному лишь инстинкту, или, точнее, вознаграждаемый за возможное отсутствие инстинкта такими способностями, которые сперва позволяют ему заменить его, а потом поднимают его значительно над природою, – этот человек начнет с чисто животных функций. Замечать и чувствовать – таково будет первое его состояние, которое будет у него еще общим со всеми другими животными; хотеть или не хотеть, желать и бояться – таковы будут первые и почти единственныe движения души его до тех пор, пока новые обстоятельства не вызовут в ней нового развития.

84 Жан Жак Руссо

Что бы там ни говорили моралисты, а разум человеческий все же многим обязан страстиям⁶⁵, которые, по общему признанию, также многим ему обязаны. Именно благодаря их деятельности и совершенствуется наш разум; мы хотим знать только потому, что мы хотим наслаждаться, и невозможно было бы постигнуть, зачем тот, у кого нет ни желаний, ни страхов, дал бы себе труд мыслить. Страсти, в свою очередь, ведут свое происхождение от наших потребностей, а развитие их – от наших знаний; ибо желать или бояться чего-либо можно лишь на основании представлений, которые можем мы иметь об этом или же следуя естественному импульсу; и дикий человек, лишенный каких бы то ни было познаний, испытывает лишь страсти этого последнего рода. Его желания не идут далее физических потребностей¹⁴; единственные блага в мире, которые ему известны, – это пища, самка и отдых; единственные беды, которых он страшится, – это боль и голод. Я говорю боль, а не смерть, ибо никогда животное не узнает, что такое – умереть, и знание того, что такое смерть и ужасы ее – это одно из первых приобретений, которые человек делает,

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org отдаляясь от животного состояния⁶⁶.

Мне было бы легко, если бы это было необходимо, подтвердить сие мнение фактами и показать, что у всех народов мира успехи разума оказались в точном соответствии с потребностями, которые они получили от природы или которым подчинили их обстоятельства, и, следовательно, с теми страстями, которые побуждали их удовлетворять эти потребности. Я показал бы, как в Египте науки и искусства рождались и распространялись вместе с разливами Нила⁶⁷; я проследил бы за развитием их у греков, где они зародились, развились и поднялись до небес среди песков и скал Аттики, но не могли укорениться на плодородных берегах Еврота⁶⁸; я отметил бы, что вообще народы Севера более изобретательны, чем народы Юга⁶⁹, потому что им труднее без этого обойтись, как если бы природа таким образом хотела уравнять возможности, наделив умы тем плодородием, в котором она отказалась почве. Но даже если мы и не будем прибегать к малодостоверным свидетельствам истории, разве не всякому понятно, что все, казалось бы, удаляет от дикого человека искушение и средства перестать быть таковым? Его воображение ничего не рисует ему, его сердце ничего от него не требует.

рассуждение о происхождении неравенства

85

То, что нужно для удовлетворения его скромных потребностей, столь легко можно найти под руками и он столь далек от уровня знаний, необходимого для того, чтобы желать приобрести еще большие, что у него не может быть ни предвидения, ни любознательности. Зрелище природы становится ему безразличным по мере того, как оно становится для него привычным: вечно тот же порядок, вечно те же перевороты; он не склонен удивляться величайшим чудесам, и не у него следует искать тот философский склад ума, который нужен человеку, чтобы он смог однажды заметить то, что до этого видел он ежедневно. Его душа, которую ничто не волнует, предается только лишь ощущению его существования в данный момент, не имя никакого представления о будущем, как бы оно ни было близко, и его планы, ограниченные, как и кругозор его, едва простираются до конца текущего дня. Такова еще и сегодня степень предвидения караива: он продает поутру хлопковое ложе свое и, плача, приходит выкупать его к вечеру, так как он не предвидел, что оно может ему понадобиться на ближайшую ночь⁷⁰.

Чем больше размышляем мы по этому вопросу, тем более увеличивается в наших глазах дистанция между чистыми ощущениями и самыми несложными знаниями; и невозможно себе представить, как мог человек, только своими силами и без помощи общения с себе подобными и не подстрекаемый необходимостью, преодолеть столь большое расстояние. Сколько веков, возможно, протекло, прежде чем люди оказались в состоянии увидеть иной огонь, кроме небесного! сколько понадобилось им разного рода случайностей, чтобы научиться самым обычным способом пользоваться этой стихией! сколько раз погасал он у них, прежде чем они постигли искусство разводить его вновь! и сколько раз, быть может, каждый из секретов этих умирал вместе с тем, кто открывал его! Что же сказать нам о земледелии, искусстве, которое требует столько труда и столько предусмотрительности, зависит от столь многих других искусств, которое, вполне очевидно, может применяться только в обществе, хотя бы недавно возникшем, и служит нам не столько для того, чтобы добывать из земли ту пищу, которую земля исправно доставляла бы и без него, сколько для того, чтобы заставить ее производить предпочтительно то, что нам более всего по вкусу?

86 Жан Жак Руссо

Но предположим, что люди размножились настолько, что продуктов природы оказалось бы уже недостаточно, чтобы их прокормить, – предположение это, отметим попутно, свидетельствовало бы, что этот образ жизни заключает в себе великую выгоду для человеческого рода. Предположим, что земледельческие орудия, без кузниц и мастерских, попали бы в руки дикарей, упав с неба; что люди эти побороли бы в себе смертельное отвращение, которое все они питают к продолжительному труду; что они научились бы предвидеть столь задолго свои потребности; что они догадались бы, как нужно обрабатывать землю, высевать семена и сажать деревья; что они открыли бы искусство молоть хлебные зерна и вызывать брожение в винограде – всему этому должны были бы их научить боги, потому что невозможно постигнуть, как могли бы они научиться этому сами, – кто после всего этого был бы столь безрассуден, чтобы выбиваться из сил, обрабатывая поле, которое будет опустошено первым же пришельцем – безразлично, человеком или животным, – которому приглянется эта жатва? И почему бы каждый решил проводить жизнь свою в тяжелых трудах, если он будет тем менее уверен в том, что получит вознаграждение за них, чем более будет оно ему необходимо? Словом, как может положение это побудить людей обрабатывать землю до тех пор, пока не будет она вообще разделена между ними, то есть пока не будет вообще уничтожено естественное состояние?

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

Если бы мы захотели предположить, что дикий человек столь же далеко ушел в искусстве мышления, каким нам представляют его наши философы; если бы мы, по их примеру, сделали его самого философом, самостоятельно открывающим возвышеннейшие истины, создающим себе путем целого ряда отвлеченных рассуждений принципы справедливого и разумного, основанные на любви к порядку вообще или на познанной воле Создателя его: словом, если бы мы предположили, что у него в голове столько же смысла, сколько в действительности там оказывается непонятливы и тупости, – то какую пользу извлек бы род человеческий из такого рода умственного развития, которое не могло бы передаваться от одного индивидуума к другому и умирало бы вместе с тем, кто проделал его? Каковы могли бы быть успехи рода человеческого, рассе-

рассуждение о происхождении неравенства 87

янного в лесах среди животных? И до какой степени могли бы взаимно совершенствоватьсь и взаимно просвещать друг друга люди, которые, не имея ни постоянного жилища, ни какой бы то ни было нужды один в другом, встречались бы, быть может, не более двух раз в своей жизни, не узнавая друг друга и не вступая друг с другом в разговор?⁷¹

Подумайте, сколькими представлениями обязаны мы употреблению речи; как изощряет и облегчает грамматика действия ума; каких невообразимых усилий и какого огромного времени стоило впервые изобрести языки. Присоедините к этим соображениям предыдущие, и тогда судите сами, сколько тысяч веков потребовалось, чтобы развить последовательно в человеческом уме способность производить те действия, на которые он был способен.

Да будет мне позволено бросить беглый взгляд на трудности, связанные с вопросом о происхождении языков⁷². Я мог бы ограничиться здесь изложением или повторением исследований по этому вопросу г-на аббата де Кондилья-кат⁷³, они полностью подтверждают мое мнение и они-то, быть может, и дали мне первое представление об этом предмете. Но способ, каким этот философ разрешает трудности, которые он сам же себе создает в вопросе о происхождении установленных законов, показывает, что он предположил то, что я подвергаю сомнению, а именно – уже установленную своего рода связь между изобретателями языка; поэтому я полагаю, что, отсылая читателя к его размышлениям, я должен присоединить к ним и moi, чтобы представить эти трудности в освещении, соответствующем моей теме. Первая трудность, которая здесь возникает, состоит в том, чтобы представить себе, каким образом языки могли оказаться нужны, ибо если люди не имели никаких сношений между собою и никакой нужды в них, то непонятна ни потребность в этом изобретении, ни возможность его, если не было оно необходимо. Я вполне мог бы сказать, как многие другие, что языки родились в домашних сношениях между отцами, матерями и детьми. Но помимо того, что это вовсе не опровергло бы возражений, это значило бы совершить ошибку, которую совершают все, кто, размышляя о естественном состоянии, переносят на него понятия, взятые в обществе, видят всегда семью соединенной в одном и том же жилище и ее членов, сохраняющих между собою союз столь же тесный и столь

88 Жан Жак Руссо

же постоянный, каким он является у нас, где их объединяет столько общих интересов; между тем, в этом первобытном состоянии не было ни домов, ни хижин, ни какого бы то ни было рода собственности, и поэтому каждый располагался как и где придется – и часто только на одну ночь: самцы и самки соединялись случайно волею встречи, слuchая и желания, не испытывая особой необходимости в речи, чтобы передавать то, что им нужно было сказать друг другу; они покидали друг друга с такою же легкостью. Мать сначала выкармливала своих детей, потому что ей самой это было необходимо; затем привычка делала их для нее дорогими – и она кормила их потому, что это было им необходимо. Как только у них появлялись силы искать себе пропитание, они немедленно покидали мать, и так как едва ли было какое-либо другое средство отыскивать друг друга, кроме как не терять друг друга из виду, то они вскоре доходили до того, что переставали даже узнавать друг друга. Отметьте еще, что так как ребенок должен объяснять все, что ему надобно, и, следовательно, ему нужно сказать матери больше, чем мать должна сказать ему, то именно ребенку нужно потратить больше всего труда на это изобретение, и язык, которым он пользуется, должен быть в значительной степени его собственным созданием⁷⁴. Это плодит столько же языков, сколько существует индивидуумов, чтобы на них разговаривать; этому способствует еще кочевой образ жизни, который не дает ни одному наречию времени укорениться. Если же сказать, что мать диктует ребенку слова, которыми он должен будет пользоваться, чтобы попросить у нее то или иное, то сие наглядно показывает, как обучаются языкам, уже сложившимся, но это вовсе не объясняет, как они складываются.

Предположим первую эту трудность преодоленною; перенесемся на мгновение

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
через огромное пространство, которое должно было отделять естественное
состояние от возникшей уже потребности в языках, и попытаемся узнать,
предполагая, что языки необходимы'''', как они могли начать устанавливаться.
Новая трудность, еще большая, чем предыдущая. Ибо если люди нуждались в
речи, чтобы научиться мыслить, то они еще более нуждались в умении мыслить,
чтобы изобрести искусство речи⁷⁵, и если бы мы поняли, каким образом звуки
голоса взяты были

Рассуждение о происхождении неравенства 89

как условные передатчики наших мыслей, то все же останется еще узнать,
каковы могли быть сами передатчики условия этого для понятий, которые, не
имея предметом своим нечто ощутимое, не могли быть определяемы ни ясестами,
ни голосом. Так что едва ли можно строить какие-либо основательные
предположения относительно зарождения этого искусства сообщать другим свои
мысли и устанавливать сношения между умами; искусства возвышенного, которое
столько далеко уже ушло от своих истоков, но, на взгляд философа, остается
еще столько далеким от своего совершенства, что нет человека достаточно
дерзкого, который решился бы утверждать, что оно когда-нибудь придет к
этому совершенству – даже если бы перевороты, которые неизбежно приносит с
собой время, и прекратились, к выгоде для него, даже если бы академии
расстались со всеми своими предрассудками или предрассудки умолкли перед
лицом академий, и академии могли бы непрерывно, на протяжении целых
столетий, заниматься только этим затруднительным вопросом.

Первый язык человека, язык наиболее всеобщий, наиболее выразительный и
единственный, в котором нуждался он, прежде чем пришлось ему убеждать в
чем-то людей уже объединившихся, – это крик самой природы⁷⁶. Так как этот
крик исторгался у человека лишь силою некоторого рода инстинкта в случаях
настоятельной необходимости, чтобы умолять о помощи при большой опасности
или об облегчении при тяжких страданиях, то им редко пользовались в
повседневной жизни, где царят чувства более умеренные. Когда представления
людей стали расширяться и усложняться и когда между людьми установилось
более тесное общение, они постарались найти знаки более многочисленные и
язык более развитый, они увеличили число изменений голоса и присоединили к
ним жесты, которые по природе своей более выразительны и смысл которых
менее зависит от предварительного условия. Они, таким образом, выражали
предметы видимые и движущиеся посредством жестов, а те, которые действуют
на слух, – посредством звукоподражаний. А так как жесты означают почти
только такие предметы, которые налицо, или такие, которые легко описать, и
видимые действия, так как применение жестов не всеобъемлюще, потому что
темнота или возникновение препятствий в виде какого-либо

90 . Жан Жак Руссо

предмета делают их бесполезными и потому что они скорее требуют внимания,
чем возбуждают его, то, в конце концов, додумались заменить их изменениями
голоса, которые, не имея такой же связи с определенными представлениями,
все же более способны выражать их в виде условных обозначений. Замена эта
может совершиться только с общего согласия и притом таким способом, который
довольно трудно было осуществить людям с мало развитыми, ввиду отсутствия
упражнений, органами речи, и такая замена сама по себе кажется еще более
непостижимой, потому что это единодушное согласие должно было быть
каким-либо образом мотивировано, и, следовательно, получается, что
необходимо было прежде обладать речью, чтобы потом ввести ее в
употребление.

Надо полагать, что первые слова, которыми люди пользовались, имели в их уме
значение гораздо более широкое, чем слова, которые употребляют в языках,
уже сложившихся; и что, не ведая разделения речи на составные ее части, они
придавали каждому слову сначала смысл целого предложения⁷⁷. Когда они
начали отличать подлежащее от сказуемого и глаголы от существительных, что
было уже не малым подвигом человеческого гения, существительных было
вначале лишь столько же, сколько имен собственных, настоящее время
инфinitива было единственным временем глаголов⁷⁸, а что до
прилагательных⁷⁹, то понятие о них должно было развиваться лишь с большим
трудом, потому что всякое прилагательное есть слово абстрактное, а
абстракции суть операции трудные и мало естественные.

Каждый предмет получил сначала свое особое название, вне зависимости от
родов и видов, которые эти первые учителя не были в состоянии различать, и
все индивидуумы представлялись их уму обособленными, какими и являются они
на картине природы. Если один дуб назывался А, то другой дуб назывался Б,
ибо первое наше представление, которое возникает при виде двух предметов –
это то, что они не одно и то же, и часто нужно немало времени, чтобы
подметить, что у них есть общего; так что чем более ограниченными были
знания, тем обширнее становился словарь⁸⁰. Затруднения, связанные со всему
этой номенклатурой, нельзя было легко устраниТЬ, ибо, чтобы расположить

рассуждение о происхождении неравенства 91
чениям, нужно было знать свойства и различия, нужны были наблюдения и определения, то есть требовались естественная история и метафизика в гораздо большем объеме, чем то могло быть известно людям того времени. К тому же общие понятия могут сложиться в уме лишь с помощью слов, а рассудок постигает их лишь посредством предложений. Это – одна из причин, почему у животных не может образоваться таких понятий и почему они не смогут когда бы то ни было приобрести ту способность к совершенствованию, которая от этих понятий зависит. Когда обезьяна, не колеблясь, переходит от одного ореха к другому, то разве думаем мы, что у нее есть общее понятие об этом роде плодов и что она сравнивает сложившийся у нее первообраз с этими двумя отдельными предметами? Нет, конечно, но вид одного из этих орехов вызывает в ее памяти ощущения, вызванные у нее другим, а глаза ее, уже приспособившись определенным образом, предуведомляют ее орган вкуса о том, как он должен приспособиться. Всякое общее понятие чисто умственно; если только к нему хоть чуть-чуть примешивается воображение, понятие сразу же становится частным. Попробуйте представить себе образ дерева вообще – это вам никогда не удастся: помимо вашей воли, вы должны будете увидеть его маленьким или большим, густым или с редкою листвою, светлым или темным, и если бы от вас зависело увидеть в нем лишь только то, что свойственно всякому дереву, то образ этот больше не походил бы на дерево. То, что существует только как чистая абстракция, также можно увидеть подобным образом или постигнуть лишь посредством речи. Одно только определение треугольника даст вам о нем истинное представление; но как только вы представите себе треугольник в уме, то это будет именно такой-то треугольник, а не иной, и вы обязательно придадите ему ощущимые линии или окрашенную плоскость. Нужно, следовательно, произносить предложения, нужно, следовательно, говорить, чтобы иметь общие понятия⁸¹, ибо как только прекращается работа воображения, ум может продвигаться лишь с помощью речи. Если, таким образом, первые изобретатели могли дать названия лишь тем понятиям, которые у них уже были, то отсюда следует, что первые существительные никогда не могли быть ничем иным, кроме как именами собственными.

92 Жак Жак Руссо

Но когда, посредством непостижимых для меня способов, наши новоявленные грамматики начали расширять свои понятия и делать более общими свои слова, то невежество изобретателей должно было ограничить этот метод весьма тесными рамками; и так как сначала они чрезмерно умножили число названий индивидуумов, ибо не знали родов и видов, то впоследствии они образовали уже слишком мало видов и родов, ибо существа они не рассматривали с точки зрения всех их различий. Чтобы продвинуть разделение достаточно далеко, нужно было иметь больше опыта и знаний, чем могло у них быть, больше исследований и труда, чем пожелали они на это употребить. А если и теперь открывают ежедневно новые виды, которые до сих пор ускользали от всех наших наблюдений, то подумайте, сколько их должно было укрыться от людей, которые судили о вещах лишь по первому взгляду. Что же до первоначальных категорий и наиболее общих понятий, то излишне прибавлять, что они также должны были от них ускользнуть. Как могли они, например, представить себе или понять такие слова, как материя, дух, сущность, способ, образ, движение, когда наши философы, которые столь долгое время уже ими пользуются, с большим трудом могут их понять сами, и, – так как понятия, которые связываем мы с этими словами, всецело отвлеченные, – они не находят им никакого прообраза в природе?

Я остановлюсь на этих первых шагах и умоляю моих судей прервать здесь чтение и подумать: после изобретения существительных, т. е. той части языка, которую создать было легче всего, – какой еще путь должен был пройти язык, чтобы он мог выражать все мысли людей, чтобы он мог получить постоянную форму, чтобы на нем можно было разговаривать публично и с его помощью воздействовать на общество? Я умоляю их поразмыслить над тем, сколько потребовалось времени и знаний, чтобы изобрести числа⁸¹, слова, обозначающие отвлеченные понятия, аористы и все времена глаголов, частицы, синтаксис, чтобы научиться составлять предложения, суждения и чтобы создать всю логическую систему речи. Что до меня, то, устрашенный всеми умножающимися трудностями и убежденный в том, что, как это уже почти доказано, языки не могли возникнуть и утвердиться с помощью средств чисто человеческих⁸², я предоставляю всем желающим зани-

Рассуждение о происхождении неравенства 93

маться обсуждением сего трудного вопроса: что было нуж-нее – общество, уже сложившееся, – для введения языков, либо языки, уже изобретенные, – для установления общества.

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

Как бы ни обстояло дело с происхождением языка и общества, все же по тому, сколь мало природа позаботилась о сближении людей на основе их взаимных потребностей и об облегчении им пользования речью, видно, по меньшей мере, сколь мало подготовила она их способность к общежитию⁸³ и сколь мало внесла она своего во все то, что сделали они, чтобы укрепить узы общества. В самом деле, невозможно представить себе, почему человек в этом первобытном состоянии больше нуждался бы в другом человеке, чем обезьяна или волк – в себе подобных; и если даже предположить, что была у него в этом нужда, то какая причина могла бы побудить другого человека идти ему в этом навстречу; наконец, даже в этом последнем случае, как могли бы они достигнуть между собою соглашения относительно тех или иных условий. Нам беспрестанно повторяют, я это знаю, что не было ничего столь несчастного, как человек в этом состоянии⁸⁴; и если верно, как я, надеюсь, это доказал, что лишь через много веков у него могли появиться желание и возможность выйти из этого состояния, то винить в этом надо бы природу, а не того, кого она таким именно создала. Но если я правильно понимаю это выражение несчастный, то слово это либо не имеет смысла, либо означает лишь мучительные лишения и страдания души или тела; и если так, то я бы очень хотел, чтобы мне объяснили, какого рода могут быть несчастья существа свободного, спокойного душою и здорового телом. Я спрашиваю, который из двух образцов жизни – в гражданском обществе или в естественном состоянии – скорее может стать невыносимым для того, кто живет в этих условиях? Мы видим вокруг нас почти только таких людей, которые жалуются на свою жизнь, и многих таких, которые лишают себя жизни, когда это в их власти; законы божеский и человеческий вместе едва способны остановить этот беспорядок. А случалось ли вам когда-либо слышать, я спрашиваю, чтобы дикарь на свободе хотя бы только подумал о том, чтобы жаловаться на жизнь и кончать с собою. Судите же с меньшим высокомерием о том, по какую сторону мы видим подлинное челове-

94

Жан Жак Руссо

ческое несчастье. И напротив, могло ли быть существо столь же несчастное, как дикий человек, ослепленный познаниями, измученный страстями и рассуждающий о состоянии, отличном от его собственного. То было весьма мудрым предвидением, что способности, которыми обладал этот человек в потенции, должны были развиваться только тогда, когда уже были случаи их упражнять, так чтобы они не оказались для него излишними и обременительными прежде времени или же запоздалыми и бесполезными в случае надобности. В одном только инстинкте заключалось для него все, что было ему необходимо, чтобы жить в естественном состоянии; а в просвещенном уме заключается для него лишь то, что ему необходимо, чтобы жить в обществе.

На первый взгляд кажется, что люди, которые в этом состоянии не имели между собою ни какого-либо рода отношений морального характера, ни определенных обязанностей, не могли быть ни хорошими, ни дурными и не имели ни пороков, ни добродетелей⁸⁵, если только, принимая эти слова в некоем физическом смысле, мы не назовем пороками те качества индивидуума, которые могут препятствовать его самосохранению, а добродетелями – те качества, которые могут его самосохранению способствовать; в этом случае пришлось бы назвать наиболее добродетельным того, кто менее всех противился бы простейшим внушениям природы. Но, если мы не будем отходить от обычного значения этого слова, то лучше не высказывать пока суждения, которое могли бы мы вынести о таком положении, и не доверяться нашим предрассудкам до тех пор, пока, имея в руках надежное мерило, мы не исследуем, больше ли добродетелей, чем пороков, среди людей цивилизованных, либо же – приносят ли этим людям больше пользы их добродетели, чем вреда – их пороки; либо – является ли развитие их знаний достаточным вознаграждением за то зло, которое они взаимно причиняют один другому по мере того, как научаются добру, которое они должны делать друг другу; либо же, в общем, – не было ли бы их положение более предпочтительным, когда им нечего было терять и не надо было ни страшиться зла, ни ждать добра от кого бы то ни было, чем тогда, когда, сделавшись зависимыми от всего решительно, они обязались бы ждать всего от тех, кто не обязывается что-либо им давать.

рассуждение о происхождении неравенства 95

Более же всего воздержимся заключать вместе с Гобб-еом⁸⁶, что пока человек не имеет понятия о доброте, он от природы зол, что он порочен, пока не знает добродетели; что он неизменно отказывает себе подобным в услугах, если он не считает себя к тому обязанным, и что, в силу права на владение вещами, ему необходимыми, – права, которое он не без основания себе присваивает, – он безрассудно мнит себя единственным обладателем всего мира⁸⁷. Гоббс очень хорошо видел недостаточность всех современных определений естественного права, но следствия, которые выводит он из своего собственного определения, показывают, что он придает ему такое значение,

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
которое не менее ложно. Исходя из принципов, им же установленных, этот автор должен был бы сказать, что естественное состояние – это такое состояние, когда забота о нашем самосохранении менее всего вредит заботе других о самосохранении, и состояние это, следовательно, есть наиболее благоприятное для мира и наиболее подходящее для человеческого рода. Он, однако, утверждает как раз противное, когда включает, весьма некстати, в то, что составляет заботу дикого человека о своем самосохранении, необходимость удовлетворять множество страстей, кои суть порождение общества и которые сделали необходимым установление законов. Злой, – говорит он⁸⁸, – это сильное дитя. Остается выяснить, является ли дикарь сильным дитятею? Допустим, что мы бы с ним в этом согласились, что бы он из этого вывел? Что, если, будучи сильным, человек этот так же зависел от других, как тогда, когда он слаб, что нет такой крайности, которая могла бы его остановить, он прибил бы свою мать, если бы она слишком замешкалась дать ему грудь; он задушил бы одного из своих младших братьев, если бы тот ему докучал; он укусил бы за ногу другого, если бы тот толкнул его или беспокоил. Но – быть сильным и одновременно зависимым – это два предположения, которые исключают друг друга при естественном состоянии: человек слаб, когда он зависим, но он освобождается от зависимости прежде еще, чем становится сильным. Гоббс упустил из виду, что та же причина, которая мешает дикарям использовать свой ум, как утверждают наши юристы, в то же время мешает им злоупотреблять своими способностями, как утверждает он сам. Так что можно было бы сказать, что дикари не злы 96

Жан Жак Руссо

как раз потому, что они не знают, что значит быть добрыми, ибо не развитие познаний и не узда Закона, а безмятежность страстей и неведение порока мешают им совершать зло: *Tan to plus in illis pro licet vitiorum ignoratio quam in his cognitio virtutis.* Есть, впрочем, еще одно начало, которое Гоббс совсем упустил из вида и которое, будучи дано человеку для смягчения, в известных обстоятельствах, неукротимости его самолюбия или его стремления к самосохранению, пока еще не родилось чувство само-любия^{(у111>}, умеряет его рвение в борьбе за свое благополучие врожденным отвращением, которое он испытывает при виде страданий ему подобного⁸⁹. Полагаю, что мне нечего бояться каких-либо возражений, если я отдаю человеку ту единственную природную добродетель, признать которую был вынужден даже самый злостный хулитель добродетелей человеческих⁹⁰. Я говорю о жалости, о естественном сочувствии к существам, которые столь же слабы, как мы, и которым грозит столько же бед, как и нам: добродетель эта тем более всеобъемлюща и тем более полезна для человека, что она предшествует у него всякому размышлению, и столь естественна, что даже животные иногда обнаруживают явные ее признаки. Не говоря уже о нежности матерей к их детенышам и о тех опасностях, которым идут навстречу, чтобы оградить своих детенышей от этих опасностей, разве не приходится нам ежедневно наблюдать, сколь противно лошади раздавить ногою какое-либо живое существо. Всякое животное чувствует некоторое беспокойство, когда встречает на своем пути мертвое животное его же вида; есть даже такие, которые устраивают своим собратьям нечто вроде погребения; и жалобный рев скота, когда он попадает на бойню, говорит о том впечатлении, которое производит на него это ужасное зрелище, его поражающее. Мы с удовольствием замечаем, что и автор Басни о пчелах⁹¹, вынужденный признать человека существом сострадательным и чувствительным, в том примере, который он по этому случаю приводит, изменяет своему изысканному и холодному стилю и представляет нам волнующий образ человека, находящегося взаперти, который видит, как за окном дикий зверь вырывается из объятий матери, крошит смертоносными своими «Им приносит больше пользы незнание пороков, чем другим – знание добродетелей»⁹² (лат.). Ю с т и н. История, II, 15.

Рассуждение о происхождении неравенства 97

зубами его слабые члены и разрывает когтями трепещущие внутренности этого дитяти. Какое страшное волнение дол-ясен испытать свидетель подобной сцены, которая никак не касается его самого! какие муки должен он испытывать при этом зрелище от того, что не может он оказать никакой помощи ни лишившейся чувств матери, ни умирающему ребенку.

Таков чисто естественный порыв, предшествующий всякому размышлению, такова сила естественного сострадания, которое самым развращенным нравам еще так трудно уничтожить, ибо видим же мы ежедневно, как на наших спектаклях умиляется и льет слезы над злоключениями какого-нибудь несчастливца тот, кто, окажись он на месте тирана, еще более отягчил бы муки врага своего, подобно кровожадному Сулле⁹³, столь чувствительному к несчастьям, если не он был их причиной, или этому Александру Ферскому⁹⁴, который не решался присутствовать на представлении какой бы то ни было трагедии, опасаясь, как

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
бы не увидели, как стонет он вместе с Андромахой и Приамом⁹⁵, что не мешало ему без волнения слушать вопли стольких граждан, которых убивали ежедневно по его же приказаниям.

Mollissima corda ‘- , ‘ :

Hittapo generi dare se natura fatetur, ,...-. : , : ,• :, Quae lacrimas dedit

Мандевиль хорошо понимал, что, несмотря, на все свои моральные принципы, люди навсегда остались бы ничем иным, как чудовищами, если бы природа не дала им сострадания в помощь разуму; но он не увидел, что уже из этого одного качества возникают все общественные добродетели, в которых хочет он отказать людям. В самом деле, что такое великодушие, милосердие и человечность, как не сострадание к слабым, к виновным или к человеческому роду вообще? Благожелательность и даже дружба суть, если взглянуть на это как следует, результат постоянного сострадания, направленного на определенный предмет; ибо желать, чтобы кто-нибудь не страдал – разве это не значит желать, чтобы он был счастлив? Если верно, что сострадание есть всего лишь такое чувство, которое

Нежнейшее сердце

дать роду людскому, видно, желала природа, Коль наделила слезами⁹⁶ (лат.). 4-3575

98 Жан Жак Руссо

ставит нас на место того, кто страдает⁹⁷, – чувство безотчетное и сильное у человека дикого, развитое, но слабое у человека в гражданском состоянии, – то истинность моих слов получает новое подтверждение. В самом деле, сострадание будет тем сильнее, чем теснее отождествит себя животное-зритель с животным страдающим. Ведь очевидно, что отождествление это должно было бы быть несравненно более полным в естественном состоянии, чем в таком состоянии, когда люди уже рассуждают. Разум порождает самолюбие, а размышление его укрепляет; именно размышление отделяет человека от всего, что стесняет его и удручают. Философия изолирует человека; именно из-за нее говорит он втихомолку при виде страждущего: «Гибни, если хочешь, я в безопасности». Только опасности, угрожающие всему обществу, могут нарушить спокойный сон философа и поднять его с постели. Можно безнаказанно зарезать ближнего под его окном, а ему стоит только закрыть себе руками уши и несколько успокоить себя несложными доводами, чтобы не дать восстающей в нем природе отождествить себя с тем, которого убивают⁹⁸. Дикий человек полностью лишен этого восхитительного таланта; и, по недостатку благородства и ума, он всегда без рассуждений отдается первому порыву человеческого. Во время бунтов, во время уличных драк сбегается чернь, а человек благородный старается держаться подальше; сброд, рыночные торговки разнимают дерущихся и мешают почтенным людям перебить друг друга. Итак, совершенно очевидно, что сострадание – это естественное чувство, которое, умеряя в каждом индивидууме действие себялюбия, способствует взаимному сохранению всего рода. Оно-то и заставляет нас, не рассуждая, спешить на помощь всем, кто страдает у нас на глазах; оно-то и занимает в естественном состоянии место законов, нравственности и добродетели, обладая тем преимуществом, что никто и не пытается ослушаться его кроткого голоса; именно оно не позволит какому бы то ни было сильному дикарю отнять у слабого ребенка или у немощного старика с трудом добытую пищу, если сам он надеется найти ее для себя в другом месте; именно оно внушает всем людям вместо этого возвышенного предписания: Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою», то другое предписание доброты естественной,

Рассуждение о происхождении неравенства 99

которое куда менее совершенно, но, быть может, более полезно, чем предыдущее: Заботься о благе твоем, причиняя как можно меньше зла другому. Словом, именно в этом естественном чувстве скорее, чем в каких-либо хитроумных соображениях, следует видеть причину того отвращения к содеянью зла, которое всякий человек испытывает, даже независимо от тех или иных принципов воспитания. Хотя Сократу и умам его закала, возможно, и удавалось силою своего разума приобщиться добродетели, но человеческий род давно бы уже не существовал, если бы его сохранение зависело только от рассуждений тех, которые его составляют.

Обладая страстью столь мало деятельными, и уздою, столь спасительную, эти люди, скорее неистовые, чем злые, более озабоченные тем, чтобы оградить себя от зла, чем подверженные искушению причинить зло другому, не вступали в слишком опасные распри между собою; так как не было между ними сношений какого-либо рода, и они, следовательно, не знали ни тщеславия, ни преклонения, ни уважения, ни презрения; так как они не имели ни малейшего понятия о «твоем» и «моем», как и какого-либо действительного понятия о

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
справедливости; так как считали насилия, которым могли подвергнуться, злом
легко исправимым, а не обидою, требующую наказания, и так как они даже не
помышляли о мести, – разве только, что осуществляли ее машинально и
немедленно, как собака, что кусает брошенный в нее камень, – то их споры
редко приводили к кровавым последствиям, если только не имели они своим
предметом чего-нибудь более существенное, нежели пища. Но я вижу здесь еще
один предмет, более опасный, о котором мне и остается поговорить.
Среди страстей, которые волнуют сердце человека, есть одна, пылкая,
неукротимая, которая делает один пол необходимым другому; страсть ужасная,
презирающая опасности, опрокидывающая все препятствия; в своем неистовстве
она, кажется, способна уничтожить человеческий род, который она
предназначена сохранять. Во что превратятся люди, став добычею этой
необузданной грубой страсти, не знающей ни стыда, ни удержу, и оспаривающие
повседневно друг у друга предметы своей любви ценою своей крови.
Надо прежде всего признать, что чем более неистовы страсти, тем более
необходимы законы, чтобы их сдержи-4

100 Жан Жак Руссо

вать. Но, помимо того, что беспорядки и преступления, которые ежедневно
вызывают среди нас эти страсти, довольно хорошо показывают недостаточность
законов в этом отношении, было бы еще неплохо исследовать, не родились ли
вообще эти беспорядки вместе с самими законами, ибо в том случае, если бы
они были способны бороться с беспорядками, то самое малое, чего от них
следовало бы потребовать, это чтобы они покончили с тем злом, которого без
них вообще бы не существовало.

Начнем с того, что отделим в чувстве любви духовное от физического.
Физическое – это вообще желание, влекущее один пол к соединению с другим.
Духовное – это то, что определяет это желание и направляет его
исключительно на один только предмет, или, по меньшей мере, сообщает этому
желанию, направленному на этот предпочтаемый предмет, высшую степень
напряжения. Таким образом, нетрудно увидеть, что духовная сторона любви –
это чувство искусственное, порожденное жизнью в обществе и превозносимое
женщинами с великою ловкостью и старанием, чтобы укрепить свою власть и
сделать господствующим тот пол, который должен был бы подчиняться100.
Чувство это, основывающееся на определенных понятиях о достоинствах и
красоте, понятиях, которых у дикаря вообще не может быть, и на сравнениях,
которые он вообще не в состоянии делать, должно быть ему почти незнакомо.
Ибо, так как в уме его не могло еще сложиться отвлеченных понятий о
правильности и соразмерности, то душа его также неспособна чувствовать
восхищение и любовь, которые, хотя и безотчетно, рождаются из применения
этих понятий. Он послужен только своему темпераменту, который получил от
природы, а не вкусу, которого он не мог еще приобрести, и любая женщина
хороша для него.

Эти люди ограничены знанием одной только физической стороны любви и
счастливы, не ведая тех индивидуальных предпочтений, что разжигают это
чувство и умножают его трудности; они должны поэтому не так часто и не так
живо чувствовать приступы любовного неистовства; а раз так, то и
столкновения между ними должны быть более редки и менее жестоки.

Воображение, которое среди нас творит столько бед, ничего не говорит сердцу
дикаря; каждый спокойно ждет внушения природы, отдается ему,

Рассуждение о происхождении неравенства 101

не выбирая, более с удовольствием, чем со страстью, и, как только
удовлетворена потребность, желание угасает все целиком.

Бессспорно поэтому, что и сама любовь, как и все прочие страсти, приобрела
лишь в обществе тот неукротимый пыл, который делает ее столь часто
гибельною для людей; и представлять диких людей беспрестанно истребляющими
друг друга ради удовлетворения своих зверских инстинктов тем более
смехотворно, что мнение это противоречит фактам и что, например, караибы –
народ, который менее, чем какие-либо из ныне существующих народов,
отдалился от естественного своего состояния, – как раз миролюбивее всех в
своих любовных делах и менее всех подвержены ревности101, хотя они и живут
в знойном климате, который, казалось бы, должен сообщать страстям этим еще
большую деятельность.

Что же до выводов, которые можно было бы сделать из наблюдения над
различными видами животных, из схваток самцов, которые повседневно орошают
кровью наши птичники или оглашают весною своими криками наши леса,
оспаривая друг у друга самку, то здесь надо прежде всего исключить все те
виды, внутри которых природа, самым очевидным образом, установила иные
соотношения между полами, чем у нас. Таким образом, петушиные бои вовсе не
дают основания для каких-либо заключений относительно человеческого рода. У
тех видов животных, у которых пропорция соблюдается более строго, бои эти
могут иметь причиной только немногочисленность самок по сравнению с числом

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
самцов, либо наличие таких промежутков времени, в течение которых самки
вообще не подпускают к себе самцов, а это возвращает нас к первой же
причине, – ибо если каждая самка допускает к себе самца только два месяца в
году, то в результате число самок как бы уменьшается на пять шестых. Однако
ни один из этих двух случаев не применим к человеческому роду, где число
самок обычно превосходит число самцов и где никогда не приходилось
наблюдать, даже у дикарей, чтобы самки, как это имеет место у других видов,
периодически искали самцов, то не подпускали их к себе. Кроме того,
поскольку у многих из этих животных период течки наступает одновременно для
всего вида, то настает ужасный момент всеобщего возбуждения, сумятицы и
боев за

102 Жан Жак Руссо

самку, момент, который вообще никогда не наступает среди людей, потому что
в человеческом роде любовь никогда не бывает связанный с теми или иными
периодами. Поэтому из боев некоторых животных за обладание самкой нельзя
заключать, что то же самое, вероятно, происходило и с человеком в
естественном состоянии, а если бы и можно было сделать такой вывод, то
потому как раздоры эти вовсе не уничтожают другие виды животных, следует,
по меньшей мере, думать, что они не были бы более пагубными для нашего рода
и, весьма очевидно, произвели бы в естественном состоянии еще меньше
опустошений, чем производят они в обществе, особенно же в тех странах, где
нравственность еще чего-то стоит и где ревность любовников и месть супругов
вызывают ежедневно поединки, убийства и еще худшее; где долг вечной
верности служит лишь к тому, чтобы вызывать прелюбодеяния, и где сами
законы воздержания и чести неизбежно увеличивают разврат и множат число
искусственных выкидышей.

Сделаем выводы: дикий человек, который, блуждая в лесах, не обладал
трудолюбием, не знал речи, не имел жилища, не вел ни с кем войны и ни с кем
не общался, не нуждался в себе подобных, как и не чувствовал никакого
желания им вредить, даже, может быть, не знал никого из них в отдельности,
был подвержен лишь немногим страстиам, и, довольствуясь самим собою, обладал
лишь теми чувствами и познаниями, которые соответствовали такому его
состоянию, ощущал только действительные свои потребности, смотрел лишь на
то, что, как он думал, представляло для него интерес, и его интеллект делал
не бесцельные успехи, чем его тщеславие. Если случайно делал он какое-нибудь
открытие, то тем менее мог он кому-нибудь о нем сообщить, что не знал даже
собственных детей. Искусство погибало вместе с изобретателем. Не было ни
образования, ни прогресса, бесполезно множились поколения, и, так как
каждое из них отправлялось от той же точки, то целые столетия протекали в
той же первобытной грубоści: род был уже стар, а человек все еще оставался
ребенком.

Если я столь долго распространялся об этом предполагаемом первобытном
состоянии человека, то это потому, что мне нужно уничтожить старые
заблуждения и укоренившиеся предрассудки, и я счел себя обязанным
докопаться до корня и показать на картине действительно есте-
рассуждение о происхождении неравенства 103

ственного состояния, что неравенство, пусть даже естественное, имело в этом
состоянии далеко не такие размеры и значение, как это утверждают наши
писатели.

В самом деле, нетрудно увидеть, что среди тех особенностей, которые
составляют различие между людьми, многие считаются естественными, тогда как
они являются лишь порождением привычек и различий в образе жизни, которые
становятся свойственны людям в обществе. Так, крепость или хилость
телосложения и зависящие от этого сила или слабость часто определяются в
большой мере тем, закалили или изнежили человека воспитанием, чем
первоначальным строением его тела. Так же обстоит дело и с силами ума; и
притом воспитание не только создает различия между умами образованными и
необразованными, но оно увеличивает еще и различия между первыми
соответственно их образованности, ибо если пойдут по одной дороге великан и
карлик, то каждый шаг и первого, и второго даст новое преимущество
великану. И вот, если мы сравним огромное разнообразие в способах
воспитания и в образе жизни у людей различных разрядов в гражданском
обществе с простотою и единообразием жизни животной и дикой, когда все
питаются одною и тою же пищею, ведут одинаковый образ жизни и делают в
точности одно и то же, мы поймем, насколько менее значительными должны быть
различия между людьми в естественном состоянии, чем в общественном
состоянии, и насколько должно увеличиться естественное неравенство внутри
человеческого рода в результате неравенства, порожденного общественными
установлениями.

Но если бы природа и была столь пристрастна в распределении своих даров,
как это утверждают, то какое преимущество перед остальными получили бы те,

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
к которым она бы оказалась более всего благосклонна, при таком положении вещей, которое делало почти невозможными сношения между ними? Там, где нет никакой любви, к чему там красота? Какой прок от ума людям, которые вообще не умеют говорить, и от хитрости -- тем, у которых нет никаких дел. Мне постоянно повторяют, что более сильные будут угнетать слабых. Но пусть мне объяснят, что понимают под этим словом «угнетение». Одни будут господствовать с помощью насилия, другие будут изнемогать, будучи вынуждены подчиняться всем прихотям первых. Вот как раз то, что наблюдаю я среди нас, но я не

104 Жан Жак Руссо

вижу, как можно говорить это же о дикарях, которым было бы совсем даже нелегко втолковать, что такое порабощение и господство. Человек, конечно, может завладеть плодами, которые собрал другой, дичью, которую тот убил, пещерою, что служила ему убежищем, но как сможет он достигнуть того, чтобы заставить другого повиноваться себе? и какие могут быть узы зависимости между людьми, которые ничем не обладают? Если меня прогонят с одного дерева, то мне достаточно перейти на другое; если меня будут тревожить в одном месте, кто помешает мне пойти в другое? Если найдется человек, столь превосходящий меня силой и, сверх того, столь развращенный, столь ленивый и столь жестокий, чтобы заставить меня добывать для него пищу, тогда как он будет пребывать в праздности? ему придется поставить себе задачей ни на один миг не терять меня из виду и, ложась спать, с превеликою тщательностью связывать меня из страха, чтобы я не убежал и не убил его, т. е. ему придется добровольно обречь себя на труд гораздо более тяжкий, чем тот труд, которого он захотел бы избежать и чем тот труд, который он взвалил бы на меня. Если же, несмотря на все это, бдительность его ослабеет хоть на минуту? если внезапный шум заставит его повернуть голову? я пробегу двадцать шагов по лесу, -- и вот уже оковы мои разбиты, и он не увидит меня больше никогда в жизни.

даже если не вдаваться более в эти ненужные подробности, каждому должно быть ясно, что узы рабства образуются лишь из взаимной зависимости людей и объединяющих их потребностей друг в друге, и потому невозможно поработить какого-либо человека, не поставив его предварительно в такое положение, чтобы он не мог обойтись без другого: положение это не имеет места в естественном состоянии, и потому каждый свободен в этом состоянии от ярма, а закон более сильного там не действителен.

После того, как я доказал, что неравенство едва ощущается в естественном состоянии и что влияние его в этом состоянии почти равно нулю, мне остается показать его происхождение и развитие в ходе последующего развития человеческогоума. После того, как я показал, что способность к совершенствованию, общественные добродетели и другие способности, которые естественный человек получил в потенции, никогда не могли развиться сами собою, что для этого было необходимо случайное сочетание много-

рассуждение о происхождении неравенства 105 гих внешних причин, которое могло никогда и не возникнуть, и без чего человек навсегда остался бы в своем изначальном состоянии, мне остается еще рассмотреть и сопоставить различные случайности, которые могли способствовать совершенствованию человеческого разума, вызывая одновременно вырождение человеческого рода, превращать человека в существо злое, делая его одновременно способным к общежитию, и от эпохи столь далекой дойти, в конце концов, до той поры, когда человек и мир стали такими, какими мы их видим.

Я признаюсь, что события, которые предстоит мне описать, могли происходить по-разному, и поэтому, делая свой выбор, я могу руководиться лишь теми или иными предположениями. Но кроме того, что догадки эти превращаются в доводы, если они суть наиболее вероятные из тех, которые можно вывести из природы вещей, представляют собою единственно возможные средства, чтобы открыть истину, -- следствия, которые собираюсь я вывести из этих догадок, вовсе не будут из-за этого предположительными, так как, основываясь на только что установленных мною принципах, нельзя построить никакой иной системы, которая не доставила бы мне тех же результатов и из которой я не мог бы вывести тех же заключений.

Это избавит меня от необходимости развивать мои соображения о том, каким образом удаление во времени от этих событий восполняет для нас недостаточную их правдоподобность; о поразительной силе причин весьма незначительных, ежели они действуют непрерывно; о невозможности, с одной стороны, опровергнуть некоторые гипотезы, если, с другой, мы оказываемся не в состоянии придать им значение достоверных фактов; о том, что если нам даны два факта как достоверные и их нужно связать цепью фактов промежуточных, неизвестных или рассматриваемых как таковые, то это -- дело истории, если она у нас есть, доставить нам факты, их соединяющие; это --

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
дело философии, если фактов не хватает, установить сходные факты, которые могут связать первые между собою; наконец, судить о том, насколько сходство различных фактов сводит их к гораздо меньшему числу различных категорий, чем нам это представляется. Мне достаточно представить эти предметы рассмотрению моих судей; мне достаточно поступить таким образом, чтобы обычным читателям уже не было нужды их рассматривать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Первый, кто, огородив участок земли¹⁰², придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества. От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов уберег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крикнул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы погибли, если забудете, что плоды земли – для всех, а сама она – ничья!» Но очень похоже на то, что дела пришли уже тогда в такое состояние, что не могли больше оставаться в том же положении. Ибо это понятие – «собственность», зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния. Начнем поэтому с более ранней поры и попытаемся охватить взглядом с одной только точки зрения это медленное развитие событий и знаний в самой естественной их последовательности.

Первым чувством человека было ощущение его бытия; первой его заботою – самосохранение. Плоды земли доставляли ему все необходимые средства к жизни; инстинкт научил его ими пользоваться. Голод и другие влечения заставляли его поочередно испытывать то один, то другой способ существования, и среди этих влечений было одно, звавшее его продолжать свой род – эта слепая страсть, лишенная всякого сердечного чувства, ввлекла за собою только акт чисто животный. Удовлетворив потребность, оба пола уже больше не узнавали друг друга, и даже ребенок ничего уже больше не значил для матери, как только он мог обойтись без нее.

Рассуждение о происхождении неравенства 107

Таково было положение нарождающегося человека; такова была жизнь животного, которому сначала были доступны лишь ощущения в чистом виде и которое едва пользовалось дарами, преподносимыми ему природою, еще не помышляя о том, чтобы что-нибудь у нее отвоевать. Но вскоре он столкнулся с трудностями; нужно было научиться их преодолевать. Высота деревьев, мешавшая человеку добираться до плодов; соперничество животных, которые хотели питаться этими же плодами; свирепость тех из них, которые угрожали его собственной жизни, – все заставляло его настойчиво упражнять свое тело; надо было стать ловким, быстрым в беге, сильным в борьбе. Естественные орудия – ветки деревьев и камни – вскоре попали ему под руку. Он научился преодолевать естественные препятствия, сражаться в случае необходимости с другими животными, оспаривать свою пищу даже у других людей или находить себе новую пищу взамен той, которую приходилось уступать более сильному.

По мере того, как разрастался человеческий род, трудности множились, как и люди. Различия почв, климата, времен года должны были заставить людей вносить различия и в свой образ жизни. Неурожайные годы, долгие и суровые зимы, паливший зной летом, уничтожающий всю растительность, требовали от них новой изобретательности¹⁰³. На берегах морей и рек люди изобретают лесу и крючок, становятся рыболовами и начинают питаться рыбой. В лесах они себе делают луки и стрелы и становятся охотниками и воинами. Гроза, извержение вулкана или какой-нибудь другой счастливый случай знакомит их с огнем – новым средством борьбы с суровостью зимы; они научаются сохранять огонь, затем – воспроизводить его и, наконец, готовить на нем мясо, которое они прежде пожирали сырьим.

Это постоянно повторяющееся сопоставление различных живых существ с собою и одних с другими естественно должно было породить в уме человека представления о некоторых соотношениях. Эти отношения, которые мы выражаем словами: большой, маленький, сильный, слабый, быстрый, медленный, боязливый, смелый, и другие подобные понятия, сравниваемые в случае необходимости и притом почти бессознательно, породили в конце концов у него что-то вроде размышления, или, скорее, какое-то

108 Жан Жак Руссо

машинальное благоразумие, которое подсказывало ему предосторожности, наиболее необходимые для его безопасности.

Новые знания, которые появились в результате этого развития, увеличили превосходство его над другими животными и заставили его осознать это превосходство. Он научился ставить животным ловушки, он старался перехитрить их тысячью способов; и хотя многие из тех животных, которые

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org могли быть для него полезны или опасны, превосходили его силою в схватке или быстротою в беге, он стал со временем господином первых и грозою вторых. И поэтому первый взгляд, брошенный человеком на себя самого, вызвал в нем первое движение гордости; и поэтому, едва научившись различать положение различных существ по отношению друг к другу и признав себя первым, как представителя своего вида, он уже исподволь готовился притязать на это первое место и как индивидуум.

Хотя ему подобные и не были для него тем же, чем являются они для нас, хотя он навряд ли имел больше общения с ними, чем с другими животными, все же и они не были забыты им в его наблюдениях. Сходные черты, которые мог он со временем подметить между ними, между своею самкою и самим собою, заставили его предполагать существование еще и других сходных черт, которые не были им замечены; и видя, что все они ведут себя так же, как и он вел бы себя при подобных обстоятельствах, он пришел к заключению, что они думают и чувствуют совершенно так же, как и он; и эта важная истина, прочно утвердившись в его уме, благодаря предчувствию столь же верному, но более быстрому, чем логическая операция, заставила его следовать наилучшим правилам поведения, которых ему надлежало с ними придерживаться, чтобы обеспечить себе преимущества и безопасность.

Наученный опытом, что стремление к благополучию – это единственная движущая сила человеческих поступков¹⁰¹, он стал способен отличать те редкие случаи, когда общие интересы позволяли ему рассчитывать на содействие ему подобных, и те случаи, еще более редкие, когда соперничество заставляло его их осторегаться. В первом случае он объединялся с ними в одном стаде¹⁰⁵ или, самое большее, в некоторого рода свободной ассоциации, которая ни на кого не налагала никаких обязательств и кото-

Рассуждение о происхождении неравенства 109

рая существовала лишь до тех пор, пока существовала кратковременная потребность, ее вызвавшая. Во втором случае, каждый стремился поставить себя в более выгодное положение, либо открыто применяя силу, если он считал это для себя возможным, либо с помощью ловкости и изворотливости, если он чувствовал себя более слабым.

Вот таким образом люди могли незаметно для самих себя приобрести некоторое грубое понятие о взаимных обязательствах и о том, сколь выгодно их исполнять, но лишь постольку, поскольку этого могли требовать интересы насущные и ощущимые, ибо они не знали, что такое предусмотрительность, и они не только не думали о далеком будущем, но не помышляли даже о завтрашнем дне. Если охотились на оленя, то каждый хорошо понимал, что для этого он обязан оставаться на своем посту, но если вблизи кого-либо из них пробегал заяц, то не приходится сомневаться, что он без зазрения совести пускался за ним вдогонку и, настигнув свою добычу, весьма мало сокрушался о том, что таким образом лишил добычи своих товарищей.

Легко понять, что для подобных сношений нужен был язык, не многим более утонченный, чем язык ворон или обезьян, которые собираются в стаи примерно по той же причине. Нечленораздельные крики, много жестов и несколько звукоподражательных шумов должны были долгое время составлять всеобщий язык; путем добавления в каждой местности нескольких членораздельных и условных звуков, возникновение которых, как я уже говорил, совсем нелегко объяснить, получились языки особые, но грубые и несовершенные, такие, примерно, какие и теперь еще встречаются у различных диких народов.

Я проношу стрелою через множество веков, подгоняемый быстротекущим временем, обширностью того, о чем нужно мне рассказать, и тем, что вначале развитие почти неприметно, ибо чем медленнее сменяли друг друга события, тем быстрее можно их описывать.

Эти первые успехи дали, в конце концов, человеку возможность делать успехи более быстро. Чем больше просвещался ум, тем более совершенствовались изобретательность и навыки¹⁰⁶. Вскоре люди перестали устраиваться на ночлег под первым попавшимся деревом или укрываться в пещерах; у них появилось нечто вроде топоров из твердых и острых камней для того, чтобы рубить дерево,

110 Жан Жак Руссо

копать землю и строить хижины из ветвей, которые они впоследствии додумались обмазывать глиною и грязью. Это была эпоха первого переворота, который привел к установлению и выделению семей и к появлению своего рода собственности¹⁰⁷; уже тогда из-за нее возникало, быть может, немало споров и схваток. Но так как самые сильные были, по всей вероятности, первыми, которые построили себе жилища и чувствовали себя способными их защищать, то следует полагать, что слабые сочли делом более быстрым и надежным последовать их примеру, чем пытаться выгнать их из этих жилищ; а что до тех, у которых уже были хижины, то каждый из них не слишком пытался завладеть хижиною своего соседа, не столько потому, что она принадлежала не

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
ему, сколько потому, что она не была ему нужна и что он не мог бы ее
захватить, не вступив в весьма ожесточенную схватку с семьёю, ее
занимавшей.

Первые душевые движения явились результатом нового положения, когда в одном общем жилище оказывались вместе мужья и жены, отцы и дети. Привычка к совместной жизни породила самые нежные из известных людям чувств – любовь супружескую и любовь родительскую. Каждая семья превращалась в маленькое общество¹⁰⁸, сплоченное тем более тесно, что единственными узами в нем были взаимная привязанность и свобода; и тогда именно установились первые различия – в образе жизни людей разного пола, которые до этого вели одинаковый образ жизни. Женщины стали чаще оставаться дома и приучились охранять хижину и детей, тогда как мужчина отправлялся добывать пищу для всех. Оба пола начали также, ведя жизнь несколько менее суровую, понемногу утрачивать свою дикость и силу. Но если каждый из них в одиночку стал менее способен сражаться с хищными зверями, зато уже оказалось, что легче защищаться от них общими силами.

В этом новом состоянии, когда жизнь была простою и уединенною, а потребности очень умеренными и люди уже изобрели орудия, чтобы эти потребности удовлетворять, у них оставалось весьма много досуга и они использовали этот досуг для того, чтобы доставлять себе разнообразные жизненные удобства, которые отцам их были неизвестны; и это было первое ярмо, которое они надели на себя, сами того не подозревая, и первый источник тех бедствий, кото-

Рассуждение о происхождении неравенства 111

рые они уготовили своим потомкам. Ибо, кроме того, что люди продолжали таким образом изнеживаться и телом и духом, удобства эти потеряли, благодаря привычке к ним, почти всю свою прелест и выродились в настоящие потребности: не столь приятно было обладать этими удобствами, сколь мучительно – их лишиться, и люди чувствовали себя несчастными, потеряв их, хотя они и не чувствовали себя счастливыми, обладая ими¹⁰⁹.

Теперь немного более понятно, как входила в употребление речь или как она незаметно совершенствовалась в кругу каждой семьи, и уже можно сделать некоторые предположения о том, как различные частные причины могли содействовать распространению речи и ускорить ее развитие, делая ее более необходимую. Большие наводнения или землетрясения окружали населенные местности водою или пропастями; совершающиеся на земном шаре перевороты отрывали от материка отдельные части и разбивали их на острова¹¹⁰. Понятно, что у людей, которые таким образом оказались сближенными и принужденными жить вместе, скорее должен был образоваться общий язык, чем у тех людей, которые еще вольно блуждали в лесах на материке. Весьма возможно, что после первых попыток мореплавания островитяне и принесли нам умение пользоваться речью; по меньшей мере, весьма вероятно, что общество и языки возникли на островах и достигли там совершенства прежде, чем они стали известны на материке.

Все начинает принимать иной вид. Люди, блуждавшие до сих пор в лесах, теперь уже ведут более оседлый образ жизни и понемногу сближаются, соединяются в разные стада и, наконец, образуют в каждой стране отдельный народ, объединенный нравами и обычаями, не какими-либо уставами и законами, а одинаковым образом жизни, одинаковым питанием и общим влиянием климата. Постоянное соседство не может, в конце концов, не породить некоторой близости между различными семьями. Молодежь обоего пола живет в соседних хижинах. Кратковременная связь, которой требует природа, приводит вскоре, в результате взаимных посещений, к связи не менее приятной, но более постоянной. Люди привыкают присматриваться к различным предметам и сравнивать; незаметно для самих себя они приобретают понятия о достоинствах

112 Жан Жак Руссо и красоте, которые заставляют их оказывать предпочтение тому или другому. Привыкшие видеть друг друга, люди не могут обойтись без того, чтобы не видеть друг друга еще и еще. В душу закрадывается нежное и сладкое чувство, но, встретив хоть малейшее сопротивление, оно превращается уже в неукротимую страсть. Вместе с любовью просыпается ревность; раздор торжествует, и нежнейшей из страстей приносится в жертву человеческая кровь.

По мере того, как понятия и чувства возникают одно за другим, по мере того, как развиваются ум и сердце, род человеческий постепенно выходит из состояния дикости, связи расширяются, а узы становятся все более тесными. Люди привыкают собираться вместе перед хижинами или вокруг большого дерева; пение и пляски – истинные детища любви и досуга стали развлечением, или скорее занятием для праздных мужчин и женщин, объединенных в том или другом скопище. Каждый начал присматриваться к другим и стремиться обратить внимание на себя самого, и некоторую цену приобрело общественное уважение.

Тот, кто лучше всех пел или плясал, самый сильный, самый красивый, самый ловкий, самый красноречивый становился наиболее уважаемым, – и это было первым шагом одновременно и к неравенству и к пороку. Из этих первых предпочтений родились, с одной стороны, тщеславие и презрение, а с другой – стыд и зависть; и брожение, вызванное этою новой закваскою, дало в конце концов соединения гибельные для счастья и невинности.

Как только люди начали взаимно оценивать друг друга и как только в их уме сложилось понятие об уважении, каждый начал на него предъявлять права, и стало уже невозможно безнаказанно отказывать в нем кому бы то ни было. Отсюда возникли первые правила обхождения, даже среди дикарей, и поэтому всякая умышленная обида превращается в оскорблениe, ибо наряду с причиненным обидою злом каждый видел в ней и презрение к его личности, часто более непереносимое, чем само зло. А так как каждый платил за презрение, ему оказанное, сообразно тому, насколько значительным он считал себя, то месть стала ужасною, а люди – кровожадными и жестокими. Это – именно та ступень развития, которой достигло большинство диких народов, нам известных; а так как многие не делали достаточного различия между понятиями и не

рассуждение о происхождении неравенства 113

заметили, что эти народы уже далеки от первоначального естественного состояния, то они и поспешили сделать заключение, что человек от природы жесток¹¹¹ и что он нуждается для смягчения его нравов в наличии внутреннего управления; между тем нет ничего более кроткого, чем человек в первоначальном состоянии, когда поставленный природою равно далеко от неразумия животных и от гибельных познаний человека в гражданском состоянии, побуждаемый равно инстинктом и разумом¹¹² лишь к тому, чтобы ограждать себя от зла, ему угрожающего, он удерживается естественною сострадательностью от того, чтобы самому кому-либо причинять зло, и притом ничто не влечет его к этому, хотя бы даже ему и содеяли какое-нибудь зло. Ибо, согласно аксиоме мудрого Локка¹¹³, не может быть причинен ущерб там, где полностью отсутствует собственность.

Следует, однако, отметить, что складывающееся общество и отношения, уже установившиеся между людьми, потребовали от них качеств, отличных от тех, которыми они обладали по изначальной своей природе: в человеческих поступках начинает проявляться понятие о морали, а так как до появления законов каждый был единственным судьею полученных им обид и единственным мстителем за них, то доброта, уместная в чисто естественном состоянии, была уже неуместна в условиях образующегося общества; необходимо было, чтобы наказания становились более суровыми, по мере того как учащались случаи нанесения обид, и страху мести надлежало заменить собою узду законов. Таким образом, хотя люди и стали менее выносливы и естественная сострадательность подверглась уже некоторому ослаблению, все же этот период развития человеческих способностей, лежащий как раз посредине¹¹⁴ между безразличием изначального состояния и бурной деятельностью нашего самолюбия, должен был быть эпохой самой счастливою и самой продолжительной. Чем больше размышляешь об этом состоянии, тем более убеждаешься, что оно было менее всех подвержено переворотам, что оно было наилучшим для человека и ему пришлось выйти из этого состояния лишь вследствие какой-нибудь гибельной случайности, которой, для общей пользы, никогда не должно было бы быть.

Пример дикарей, которых почти всех застали на этой ступени развития,

114 Жан Жак Руссо

кажется, доказывает, что человеческий род был создан для того, чтобы оставаться таким вечно, что это состояние является настоящею юностью мира, и все его дальнейшее развитие представляет собою по видимости шаги к совершенствованию индивидуума, а на деле – к одряхлению рода.

До тех пор, пока люди довольствовались своими убогими хижинами, пока они ограничивались тем, что шили себе одежду из звериных шкур с помощью древесных шипов или рыбьих костей, украшали себя перьями и раковинами, расписывали свое тело в различные цвета, совершенствовали или украшали свои луки и стрелы, выдалбливали с помощью острых камней какие-нибудь рыбачьи лодки или грубые музыкальные инструменты, словом, пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили, свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между собою наслаждаться всеми радостями общения, не нарушаями их независимость¹¹⁵. Но с той минуты, как один человек стал нуждаться в помощи другого, как только люди заметили, что одному полезно иметь запас пищи на двоих¹¹⁶, – исчезло равенство, появилась собственность, труд стал необходимостью, и обширные леса превратились в радующие глаз нивы, которые надо было орошать человеческим потом и на которых вскоре были посеяны и выросли вместе с урожаем рабство и нищета.

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

Искусство добывания и обработки металлов и земледелие¹¹⁷ явились теми двумя

искусствами, изобретение которых произвело этот огромный переворот¹¹⁸.

Золото и серебро – на взгляд поэта, железо и хлеб – на взгляд философа – вот что цивилизовало людей и погубило человеческий род. Ведь ни то, ни другое не были известны дикарям Америки, которые потому-то и остались навсегда дикарями; а другие народы, по-видимому, оставались в состоянии варварства и тогда, когда они уже применяли одно из этих искусств без другого. И, быть может, одно из лучших объяснений тому, что Европа оказалась, если не раньше, то, по меньшей мере, прочнее и лучше цивилизованною¹¹⁹, чем другие части света, состоит в том, что она одновременно и богаче всех железом и рождает больше всех хлеба.

рассуждение о происхождении неравенства 115

Трудно догадаться, как люди пришли к знакомству с железом и научились им пользоваться, ибо невероятно, чтобы они сами додумались добывать это вещество из рудников и подвергать его необходимой предварительной обработке, чтобы расплавить, не зная еще, что из этого получится. С другой стороны, в еще меньшей степени можно приписать это открытие какому-нибудь случайному пожару, так как залежи руды образуются только в бесплодных местах¹²⁰, лишенных деревьев и растительности, и можно сказать, что природа позаботилась о том, чтобы скрыть от нас эту роковую тайну. Остается, таким образом, предположить лишь такого рода чрезвычайное обстоятельство, как то, что какой-нибудь вулкан, извергающий расплавленные металлы, внушил людям, наблюдавшим это, мысль воспроизвести эту деятельность природы. И нужно еще предположить, что обладали эти люди немалым мужеством и немалою предусмотрительностью, чтобы взяться за столь трудную работу и в такой мере предвидеть те выгоды, которые они смогут из этого извлечь; ведь это доступно лишь умам уже более развитым, чем должны были быть их умы в то время.

Что до земледелия, то принцип его был известен задолго до того, как оно стало для людей привычным занятием, и почти невозможно, чтобы у людей, непрерывно занятых добыванием себе пищи – плодов деревьев и растений, не появилось в достаточном скромном времени понятие о том, – какими путями природа осуществляет размножение растений. Но их изобретательность, вероятно, обратилась в эту сторону лишь очень поздно – потому ли, что деревья, которые наряду с охотою и рыбной ловлей доставляли им пищу, не нуждались в их заботах, либо потому, что не знали они употребления хлебных злаков, либо потому, что у них не было орудий, чтобы эти злаки возделывать, либо потому, что не обладали они способностью предвидеть свои будущие потребности, либо, наконец, потому, что у них не было средств помешать другим завладеть плодами их труда. Когда люди стали более изобретательными, можно полагать, что они начали с помощью острых камней или заостренных палок сажать вокруг своих хижин кое-какие овощи и коренья¹²¹, еще задолго до того, как научились подготавливать открытое поле и приобрели орудия, необходимые для земледелия в больших размерах. Но

116 Жан Жак Руссо

тогда пришлось бы оставить без внимания то обстоятельство, что, отдавая свои силы этому занятию и засевая землю, люди должны были решиться сначала кое-чем пожертвовать, чтобы затем приобрести многое. Однако такая предусмотрительность плохо вяжется со складом ума дикаря, которому очень трудно, как я говорил, подумать поутру о том, что понадобится ему вечером. Таким образом, необходимо было изобретение других искусств, чтобы приобщить человеческий род к искусству земледелия. Как только появилась нужда в том, чтобы одни люди плавили и ковали железо, необходимо было, чтобы другие люди их кормили. Чем больше умножалось число рабочих, тем меньше оказывалось рук, чтобы добывать пищу для всех, но ртов, которые требовали пищи, не становилось меньше; а так как одним нужны были продукты питания в обмен на их железо, то другие открыли, в конце концов, секрет, как использовать это железо, чтобы умножать съестные припасы. Отсюда возникли, с одной стороны, землепашество и сельское хозяйство, а с другой – искусство обрабатывать металлы и расширять область их применения¹²².

Неизбежным следствием обработки земли был ее раздел, а как только была признана собственность, должны были появиться первые уставы правосудия. Ибо, чтобы определить каждому – его, нужно, чтобы каждый мог чем-нибудь обладать; кроме того, когда люди стали заглядывать в будущее и увидели, что все они могут кое-что потерять, среди них уже не оказалось ни одного, кому не приходилось бы страшиться возмездия за тот ущерб, который он мог нанести другому. Так объяснить происхождение собственности тем более естественно, что невозможно себе представить, чтобы это понятие – собственность – возникло иначе, как из трудовой деятельности, ибо мы не видим, что, кроме своего труда, человек мог внести в что-либо не им созданное, чтобы себе это присвоить. Один только труд, давая земледельцу право на продукты земли, им

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org обработанной, дает ему, следовательно, право и на землю, по меньшей мере, до сбора урожая, – и так из года в год, что, делая обладание непрерывным, легко превращается в собственность. Когда древние, говорит Гроций, прозвали Цереру законодательницей¹²³, а праздник, спрятавшийся в ее честь, назвали фесмофориями¹²⁴, то они желали рассуждение о происхождении неравенства 117

этим дать понять, что раздел земли привел к возникновению нового вида права, а именно права собственности, отличного от права, которое вытекает из естественного закона.

При таком положении вещей равенство могло бы сохраниться, если бы люди обладали одинаковыми дарованиями и если бы, к примеру, использование железа и потребление продуктов питания постоянно находились в точном равновесии. Но соответствие, ничем не поддерживаемое, было вскоре нарушено: самый сильный производил своим трудом больше, чем другие, самый искусный извлекал большие выгоды из своей работы, самый изобретательный находил способы сократить затраты труда, землепашец мог больше нуждаться в железе, или кузнец – в хлебе, и при одинаковой затрате труда один зарабатывал много, а другой едва существовал. Так незаметно обнаруживает свое возрастающее значение естественное неравенство наряду со складывающимся неравенством¹²⁵, и различия между людьми, углубляясь в силу различия внешних обстоятельств, делаются более ощутимыми, более постоянными в своих проявлениях и начинают в той же мере влиять на судьбы отдельных лиц.

Когда дела уже пришли в такое состояние, то легко представить себе все остальное. Я не стану задерживаться здесь на описании того, как, одно за другим, избирались другие искусства, как развивались языки, как проверялись на деле и находили себе применения дарования, как возрастало неравенство состояний, как использовались и какие злоупотребления порождали богатства, не буду приводить все те подробности, которые с этим связаны и которые каждый может легко восполнить. Я ограничусь лишь тем, что окину взглядом весь род человеческий при этом новом положении вещей.

И вот уже все наши способности получили полное развитие, действуют память и воображение, настороже – самолюбие, становится деятельным разум, и ум уже почти достиг доступного ему предела совершенства. Вот уже наши естественные свойства приведены в действие, положение и участь каждого человека определяются не только размерами его имущества и его способностью приносить пользу или наносить вред, но его умом, красотою, силою или ловкостью, заслугами или дарованиями, а так как

118 Жан Жак Руссо

одни только эти качества могли принести уважение, то вскоре потребовалось иметь эти качества или делать вид, что ими обладаешь; стало выгоднее притворяться не таким, каков ты есть на самом деле. Быть и казаться – это, отныне, две вещи совершенно различные¹²⁶, и следствием этого различия явились и внушающий почтение блеск, и прикрытая обманом хитрость, и все те пороки, что составляют их свиту. С другой стороны, из свободного и независимого, каким был человек прежде, он стал, таким образом, в результате появления множества новых потребностей, подвластен, так сказать, всей природе и, в особенности, себе подобным; он становится, в некотором смысле, их рабом, даже становясь их господином¹²⁷, если он богат – он нуждается в их службе, если он беден – он нуждается в их помощи, и, даже занимая среднее положение между тем и другим, он не в состоянии обойтись без других людей. Поэтому ему приходится беспрестанно стараться заинтересовать себя подобных в своей судьбе и заставить их находить действительную или кажущуюся выгоду в том, чтобы трудиться для его пользы: это делает его лукавым и изворотливым с одними, непреклонным и жестоким с другими и приводит его к необходимости обманывать всех тех, в ком он нуждается, если он не может их заставить себя бояться и если он не видит свою выгоду в том, чтобы служить им с пользою для себя. Наконец, ненасытное честолюбие, страсть к увеличению относительных размеров своего состояния, не так в силу действительной потребности, как для того, чтобы поставить себя выше других, внушает всем людям низкую склонность взаимно вредить друг другу, тайную зависть, тем более опасную, что, желая вернее нанести удар, она часто рздится в личину благожелательности; словом, состязание и соперничество, с одной стороны, противоположность интересов – с другой, и повсюду – скрытое желание выгадать за счет других. Все эти бедствия – первое действие собственности и неотделимая свита нарождающегося неравенства.

До тех пор, пока не были изобретены знаки, представляющие богатства, эти последние могли состоять разве что из земель и скота – единственного вещественного имущества, каким могут обладать люди. Но когда владения, переходящие по наследству, возросли в числе и размерах на- рассуждение о происхождении неравенства 119

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
столько, что покрыли собою всю землю и стали все соприкасаться друг с другом, то одни владения могли расти уже только за счет других, и остальные люди, оставшиеся ни с чем, так как слабость или беспечность помешали им, в свою очередь, приобрести земельные участки, стали бедняками, ничего не потеряв¹²⁸; все изменилось вокруг них, но сами они не изменились и оказались вынужденными получать или похищать средства к существованию из рук богатых; и отсюда начали возникать, в зависимости от различий в характерных особенностях тех и других, господство и порабощение или насилие и грабежи. Богатые, со своей стороны, едва успев познать наслаждение властью, стали вскоре презирать всех остальных и, используя своих прежних рабов, чтобы подчинить себе новых, они только и помышляли о покорении и о порабощении своих соседей, подобно тем голодным волкам, которые, раз отведав человечьего мяса, отвергают всякую другую пищу и бросаются только на людей.

Таким образом, самые могущественные или самые бедствующие обратили свою силу или свои нужды в своего рода право на чужое имущество, равносильное в их глазах праву собственности, и за уничтожением равенства последовали ужаснейшие смуты: так несправедливые захваты богатых, разбои бедных и разнуданные страсти и тех и других, заглушая естественную сострадательность и еще слабый голос справедливости, сделали людей скupыми, честолюбивыми и злыми. Начались постоянные столкновения права сильного с правом того, кто пришел первым, которые могли заканчиваться лишь сражениями и убийствами¹²⁹. Нарождающееся общество пришло в состояние самой страшной войны: человеческий род, погрязший в пороках и отчаявшийся, не мог уже ни вернуться назад, ни отказаться от злосчастных приобретений, им сделанных; он только позорил себя, употребляя во зло способности, делающие ему честь, и сам привел себя на край гибели.

Attonitus novitate mali, divesque, miserque, Effugere oplat opes, et quic modo uoverat odit*.

Люди не могли в конце концов не задуматься над этим столь бедственным положением и над несчастиями, на них Зла новизной поражен и богач, и бедняк в то же время,

Рад бы бежать он теперь от богатств, столь недавно желанных.
Овидий. Метаморфозы, XI, 127–128 (лат.)²⁹.

120 Жан Жак Руссо
обрушившимися. Богатые в особенности должны были вскоре почувствовать, насколько невыгодна для них эта постоянная война, все издержки которой падали на них и в коей опасность для жизни была общей, а для имущества – односторонней. Впрочем, какой благовидный вид они ни придавали бы своим захватам, они понимали достаточно хорошо, что последние основываются лишь на шатком и ложном праве; и раз то, что было ими захвачено, они приобрели лишь с помощью силы, то силою же можно было это у них отнять, причем у них не было никаких оснований на это жаловаться. Даже те, которых обогатило одно трудолюбие, едва ли могли лучше обосновать право на свою собственность. Напрасно бы они говорили: «Ведь это я построил эту стену, я приобрел этот участок земли своим трудом». «Но кто определил границы ваших владений? – могли бы им ответить, – и на каком основании притязаете вы на то, чтобы вам за наш счет уплатили за тот труд, который мы на вас вовсе не возлагали? Разве вам неизвестно, что множество ваших братьев погибает или страдает от недостатка того, чего у вас слишком много, и что вам нужно категорическое и единодушное согласие человеческого рода, чтобы присвоить себе из общих средств существования то, что превышает вашу потребность?» Не имея веских доводов, чтобы оправдаться, и достаточных сил, чтобы защищаться, легко одолевая отдельного человека, но сам одолеваемый разбойничими шайками, один против всех, ибо, по причине взаимной зависти, он не мог объединиться с равными ему, чтобы бороться с врагами, объединенными общею надеждою на удачный грабеж, – богатый составил, наконец, под давлением необходимости наиболее обдуманный из всех планов, которые когда-либо зарождались в человеческом уме: обратить себе на пользу самые силы тех, кто на него нападал, превратить своих противников в своих защитников, внушить им иные принципы и дать им иные установления, которые были бы для него настолько же благоприятны, сколь противоречило его интересам естественное право¹³⁰. С этой целью, показав предварительно своим соседям все ужасы такого состояния, которое вооружало их всех друг против друга, делало для них обладание имуществами столь же затруднительным, как и удовлетворение потребностей; состояния, при котором никто не чувствовал себя

рассуждение о происхождении неравенства 121

в безопасности, будь он беден или богат, – он легко нашел доводы, на первый взгляд убедительные, чтобы склонить их к тому, к чему он сам стремился.

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org «давайте объединим-ся) – сказал он им, – чтобы оградить от угнетения слабых, сдержать честолюбивых и обеспечить каждому обладание тем, что ему принадлежит; давайте установим судебные уставы и мировые суды, с которыми все обязаны будут сообразоваться, которые будут нелицеприятны и будут в некотором роде исправлять превратности судьбы, подчиняя в равной степени могущественного и слабого взаимным обязательствам. Словом, вместо того, чтобы обращать наши силы против себя самих, давайте соединим их в одну высшую власть, которая будет править нами, согласно мудрым законам, власть, которая будет оказывать покровительство и защиту всем членам ассоциации, отражать написк врагов и поддерживать среди нас вечное согласие».

даже и подобной речи не понадобилось, чтобы увлечь грубых и легковерных людей, которым к тому же нужно было разрешить слишком много споров между собою, чтобы они могли обойтись без арбитров, и которые были слишком скучны и честолюбивы, чтобы они могли долго обходиться без повелителей. Все бросились прямо в оковы, веря, что этим они обеспечат себе свободу, ибо, будучи достаточно умны, чтобы постигнуть преимущества политического устройства, они не были достаточно искушенными, чтобы предвидеть связанные с этим опасности. Предугадать, что это приведет к злоупотреблениям, скорее всего способны были как раз те, кто рассчитывал из этих злоупотреблений извлечь пользу, и даже мудрецы увидели, что надо решиться пожертвовать частью своей свободы, чтобы сохранить остальную, подобно тому, как раненый дает себе отрезать руку, чтобы спасти все тело.

Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые пути на слабого и придали новые силы богатому(Х), безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства¹³¹, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на ТРУД> рабство и нищету. Легко видеть, почему образование одного только общества сделало неизбежным образование

122 Жан Жак Руссо

всех остальных и почему, чтобы противостоять силам соединенным, в свою очередь, нужно было соединиться. Быстро умножаясь в числе или распространяясь, общества вскоре покрыли всю поверхность земли; и уже невозможно было найти во всем мире хотя бы один уголок, где бы можно было сбросить с себя ярмо и отвести голову от меча, который часто направлялся неуверенною рукой, но был постоянно занесен над головой каждого человека. После того, как гражданское право стало таким образом законом, общим для всех граждан, естественный закон применялся уже только в области отношений между различными обществами, где под названием международного права он был смягчен некоторыми молчаливыми соглашениями, чтобы сделать возможным общение и чтобы создать некоторую замену естественной сострадательности: она теряет в отношениях между обществами почти всю ту силу, которой она обладала в отношениях между людьми, и продолжает жить лишь в великих душах немногих граждан мира¹³², которые переносятся через воображаемые преграды между народами и, по примеру всевышнего Существа, их создавшего, распространяют свою благожелательность на весь человеческий род.

Политические организмы, оставаясь, таким образом, в отношениях между собой в естественном состоянии¹³³, уже скоро испытали на себе те же неудобства, которые, ранее, заставили отдельных людей выйти из этого состояния; и состояние это стало еще более пагубным для отношений между этими большими Организмами, чем оно было ранее для отношений между индивидуумами, их составляющими. Отсюда произошли войны между народами, сражения, убийства, насилия, которые приводят в содрогание природу и возмущают разум, и все те ужасные предрассудки, которые возводят в ранг добродетелей почет, приобретаемый кровопролитием. Самые почтенные мужи научились считать одной из своих обязанностей – уничтожать себе подобных; в конце концов, люди стали убивать друг друга тысячами, сами не ведая из-за чего, и за один день сражения совершилось больше убийств, и при взятии одного города – больше гнусных дел, чем совершилось их в естественном состоянии на протяжении целых веков на всей земле. Таковы первые открывающиеся нам последствия разделения человеческого рода на различные общества. Обратимся к тому, как сие совершилось.

рассуждение о происхождении неравенства 123

Я знаю, что многие объясняют возникновение политических обществ другими причинами, как, например, завоеваниями более могущественного¹³⁴ или объединением слабых¹³⁵; впрочем, остановимся ли мы на той или иной из этих причин не имеет никакого значения для того, что я хочу установить. Однако причина, только что мною указанная, представляется мне самой естественною в силу следующих соображений. В первом случае право завоевания, не будучи вообще правом, не может служить основанием для какого-либо другого права, ибо завоеватель и завоеванные народы всегда остаются в состоянии войны

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org между собою, если только нация, вновь обретя полную свободу, не изберет добровольно своим главой своего победителя. До этого, какие бы неравноправные договоры ни имели место – все они основываются лишь на насилии и, следовательно, в силу одного этого факта, недействительны; принимая эту гипотезу, мы не увидим здесь ни подлинного общества, ни Политического организма, ни иного закона, кроме закона более сильного¹³⁰. Во втором случае, слова сильный и слабый – двусмысленны; для того промежутка времени, который отделяет установление права собственности или первой заимки от установления политических Правлений, смысл этих терминов лучше передается терминами бедный и богатый, потому что до появления законов богатый и в самом деле не имел никакого другого средства подчинить равных себе, как посягнуть на их имущество или уделить им часть своего. В-третьих, так как бедным нечего было терять, кроме своей свободы, то с их стороны было бы величайшим безумием, если бы они добровольно лишили себя единственного оставшегося у них достояния, ничего не приобретая взамен; напротив, богатые были, так сказать, уязвимы во всех частях их достояний и поэтому причинить им ущерб было гораздо легче, следовательно, им приходилось принимать гораздо больше предосторожностей, чтобы оградить себя от этого; наконец, разумно предположить, что скорее нечто было изобретено теми, кому это было полезно, чем теми, кому это приносит вред.

Нарождающееся Правление не имело никакой постоянной и регулярной формы. При отсутствии философии и опыта можно было увидеть только уже представившиеся неудобства, а об исправлении остальных начинали думать

124

Жан Жак Руссо

лишь по мере того, как они обнаруживались. Несмотря на все труды мудрейших Законодателей, политическое устройство оставалось все же несовершенным, потому что оно было почти всецело делом случая, а так как это устройство было плохим с самого начала, то с течением времени могли быть обнаружены его недостатки, найдены средства их устраниния, но никак не исправлены пороки, лежащие в его основе: без конца чинили, тогда как нужно было сначала расчистить место для постройки и убрать старые материалы, как это сделал Ликур в Спарте¹³⁷, чтобы затем уже воздвигнуть добротное здание. Общественное состояние сначала заключалось лишь в том, что были приняты несколько соглашений общего характера, которые все частные лица обязывались соблюдать, а за соблюдение этих соглашений перед каждым из них ручалась община. Нужно было, чтобы опыт показал, насколько слабым было подобное устройство и как легко было нарушителям соглашений избежать изобличения или наказания за провинности, свидетелем и судьею которых должно было быть лишь само общество; нужно было, чтобы закон стали обходить тысячу способов, нужно было, чтобы неудобства и беспорядки продолжали беспрестанно умножаться, чтобы людям в конце концов пришла мысль вверить отдельным лицам опасную вещь – публичную власть и возложить на магистратов заботу надзирать за соблюдением решений народа. Ибо утверждать, что правители были избраны до того, как была образована конфедерация, и что служители законов существовали ранее самих законов, – это такое предположение, которое даже нельзя всерьез опровергать. Не более разумно было бы полагать, что народы с самого начала бросились в объятия неограниченного властителя без всяких условий и безвозвратно, и что первое средство обеспечить общую безопасность, до которого додумались люди, гордые и не знавшие порабощения, состояло в том, чтобы как можно скорее отдать себя в рабство¹³⁸. В самом деле, для чего поставили они над собою начальников, как не для того, чтобы защищать себя от угнетения и охранять свое имущество, свою свободу и свою жизнь, которые суть, так сказать, составные элементы их бытия? Таким образом, если, с точки зрения отношений между людьми, с человеком не может случиться ничего худшего, как видеть себя отденным на милость другого человека, то разве не

рассуждение о происхождении неравенства 125

было бы противно здравому смыслу, если бы люди с самого начала лишили себя, отдав их в руки правителя, тех единственных благ, для сохранения которых им нужна была его помощь? Что мог он им предложить взамен за уступку столь прекрасного права? и если бы он осмелился все же потребовать этой уступки под тем предлогом, что это необходимо для их защиты, то разве не услышал бы он тотчас в ответ слова из басни¹³⁹: «А что же, еще худшее, может причинить нам враг?» Стало быть, бесспорно – и это основное положение конституционного права в целом, – что народы поставили над собою правителей, чтобы защищать свою свободу, а не для того, чтобы обратить себя в рабов. На то у нас и есть государь, говорил Плиний Трая-ну¹⁴⁰, чтобы предохранить нас от появления повелителя.

Наши политики изрекают о любви к свободе такие же софизмы, какие наши философы изрекали о естественном состоянии. На основании того, что они

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org видят, они судят о совершенно других вещах, которые они никогда не видели, и приписывают людям естественную склонность к рабству, потому что люди, которых видят они перед собою, терпеливо сносят это свое рабское состояние; они не задумываются над тем, что со свободою дело обстоит так же как с невинностью и добродетелью, цену которым ощущаешь лишь до тех пор, пока ими обладаешь, и вкус к которым утрачиваешь, едва только их потеряешь. «Я знаю утешь твоей страны, – говорил Брасид¹⁴¹ одному сатрапу, который сравнил уклад жизни в Спарте с укладом жизни в Персеполисе¹⁴², – но отрады моего отечества не могут быть тебе известны».

Как не знаяший узды дикий скакун вздымает гриву, бьет копытами о землю и яростно отбивается, как только к нему приближаются с удилами, тогда как выезженная лошадь терпеливо сносит и хлыст и шпоры, так и дикарь не может склонить голову под ярмо, которое человек цивилизованный несет безропотно, и предпочитает свободу полную тревог спокойствию порабощения. Не по глубокому падению порабощенных народов нужно судить о естественном предрасположении человека к рабству или против рабства, но по тем чудесам, которые совершили все свободные народы, чтобы оградить себя от угнетения. Я знаю, что первые не устают превозносить мир и спокойствие, которыми они наслаждаются в своих оковах, и что они

126 Жан Жак Руссо

miserrimam servitutem racem appellant*. Но когда я вижу, что вторые жертвуют удовольствиями, покоем, богатством, властью и даже самою жизнью, чтобы сохранить только это достояние, к которому с таким пренебрежением относятся те, кто его потеряли, когда я вижу, как животные, которые рождены свободными и ненавидят неволю, разбивают голову о прутья своей тюрьмы, когда я вижу, как толпы совершенно нагих дикарей презирают наслаждения европейцев и не обращают внимания на голод, огонь, железо и смерть, чтобы сохранить свою независимость, я понимаю, что не рабам пристало рассуждать о свободе.

Что до власти отцовской, из которой многие¹⁴³ выводили происхождение власти неограниченного правителя Государства и вообще общества, то, не прибегая даже к тем доказательствам противного, которые уже дали Локк¹⁴⁴ и Сидней¹⁴⁵, достаточно будет указать, что нет ничего более далекого от жестокого духа деспотизма, чем мягкость этой власти¹⁴⁸, поскольку она больше заботится о выгоде того, который повинуется, чем о пользе того, который приказывает; что по закону природы отец является повелителем ребенка лишь до тех пор, пока тому необходима его помощь, а после окончания этого срока они становятся равными и тогда сын, полностью независимый от отца, обязан почитать его, но не повиноваться, ибо признательность, конечно, является долгом, который нужно выполнять, но не правом, которого можно для себя требовать. Вместо того, чтобы утверждать, что гражданское общество происходит из отцовской власти, следовало бы говорить, напротив, что именно от общества эта власть получает свою главную силу. Какой-либо индивидуум был признаваем отцом многих лишь пока они оставались собранными вокруг него. Узами, удерживающими детей в подчинении отцу, является лично принадлежащее ему его имущество: и он может оставить им в наследство часть, пропорциональную тому, что они заслужат у него постоянным соблюдением его воли. Однако подданные отнюдь не могут ожидать подобной милости от своего деспота, так как они сами и все то, чем они обладают, представляет собой его собственность, или по крайней мере он притязает на это:

Жалкое рабство называют миром (лат.). Тацит. История, кн. IV, гл. XVII¹⁴⁷.

рассуждение о происхождении неравенства 127

они вынуждены получать как милость то, что он оставляет им из их собственного имущества. Он отправляет правосудие, когда их обирает, он милует их, оставляя им жизнь. Если бы мы продолжали таким образом рассматривать факты с точки зрения права¹⁴⁸, то нашли бы, что предположение о добровольном установлении тирании имеет столь же мало основательности, как и истинности, и было бы трудно объяснить, как может иметь силу какой-либо договор, налагающий обязательства только на одну из сторон, в котором все возлагается только на нее и который оборачивался бы во вред тому, кто по этому договору берет на себя обязательства. Эта отвратительная система рассуждений очень далека от того, чтобы применяться даже в наши дни мудрыми и добрыми монархами, особенно же королями Франции, как это можно видеть из различных мест их эдиктов и в частности из следующего известного сочинения¹⁴⁹, обнародованного в 1667 году от имени и по приказанию Людовика XIV: «Пусть же не смеют говорить, что суверен не подвластен законам его Государства, потому что положение обратное – это истина международного права, которую льстецы иногда оспаривали, но которую добрые государи всегда почитали как божество – покровительницу их государств. Насколько справедливее сказать вместе с Платоном, что для полного благополучия

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
королевства нужно, чтобы подданные повиновались государю, чтобы государь
повиновался Закону и чтобы Закон был справедлив и всегда был направлен к
общественному благу». Я не стану вовсе останавливаться на исследовании
вопроса о том, что, если свобода является благороднейшей из способностей
человека, то не унижает ли он свое естество, не низводит ли он себя до
уровня животных – рабов инстинкта – и не оскорбляет ли он своего создателя,
если отказывается безоговорочно от этого драгоценнейшего из всех его даров,
если он позволяет совершаться всем тем преступлениям, которые тот запрещает
совершать нам, для того чтобы угодить свирепому или безумному господину, и
не большим ли должно быть возмущение сего блистательного работника, если он
увидит прекраснейшее свое creation обесчещенным, чем если увидит он его
уничиженным. Я пренебрегу, если угодно, авторитетным мнением Барбейрака,
который ясно заявляет, следя локку150, что никто не может настолько
продать

128

Жан Жак Руссо

свою свободу, чтобы подчиниться самовластной силе, которая обходилась бы с
ним по своей прихоти: «Ибо, – добавляет он, – это означало бы продать свою
собственную жизнь, которая нам не принадлежит. Я спрошу только, по какому
праву те, которые не побоялись унизить самих себя до такой степени, смогли
подвергнуть такому же бесчестию свое потомство и отказаться за него от тех
благ, которыми оно обязано отнюдь не их щедротам и без которых сама жизнь
становится в тягость для всех тех, кто ее достоин.

Пуффендорф говорит151, что точно так же, как мы передаем другим свое
имущество посредством соглашений и договоров, мы можем лишить себя свободы
в чью-либо пользу. Это кажется мне совершенно неправильным рассуждением.
Ибо, во-первых, имущество, мною отчуждаемое, превращается в нечто
совершенно для меня чуждое, и мне безразлично, будут ли употреблять его во
зло или нет; но весьма важно для меня, чтобы никоим образом не
злоупотребляли моей свободой; и я не могу, не становясь виновным в том зле,
которое меня заставят совершать, подвергать себя опасности превратиться в
орудие преступления. Кроме того, так как право собственности является лишь
результатом соглашений между людьми и людьми же установлено, то всякий
человек по своему желанию может распоряжаться тем, что ему принадлежит. Но
не так обстоит дело с основными дарами природы, такими, как жизнь и
свобода, пользоваться коими разрешено каждому; и, по меньшей мере,
сомнительно, чтобы люди были вправе лишить себя этих даров природы: лишая
себя одного из этих даров, мы унижаем свое естество, отнимая у себя другой
– мы свое естество уничтожаем, поскольку оно в этом и заключается, и так
как никакое земное благо не может вознаградить нас за утрату обоих этих
даров, то отказываться от них за какую бы то ни было цену значило бы
нанести оскорблени одновременно и природе, и разуму. Но если бы и можно
было отчуждать свою свободу, как свое имущество, то разница была бы все же
очень велика для детей, которые пользуются имуществом отца лишь вследствие
передачи им его прав, тогда как свобода – это дар, который они получают от
природы как люди, и поэтому у их родителей нет никакого права лишать их
этого дара. Следовательно, подобно тому, как, чтобы
рассуждение о происхождении неравенства 129

установить рабство, пришлось совершить насилие над природой, так и для
того, чтобы увековечить право рабовладения, нужно было изменить природу; и
юрисконсульты, которые с важностью провозгласили152, что дитя рабыни
рождается рабом, постановили иными словами, что человек не рождается
человеком.

Мне, стало быть, представляется бесспорным не только то, что различные виды
Правления вовсе не имели своим источником неограниченную власть, которая
есть лишь извращение Правления, крайний его предел и приводит его в конце
концов к тому же закону более сильного, средством преодоления которого и
были различные виды Правления; но, кроме того, что если бы даже они с этого
и начинались, то такая власть, будучи по своей природе незаконной, не могла
служить основанием ни прав общества, ни, следовательно, неравенства,
вводимого установлениями.

Не вдаваясь сейчас в разыскания по вопросу о природе первоначального
соглашения, лежащего в основе всякой Власти, я ограничусь тем, что, следя
общепринятым мнению153, буду здесь рассматривать создание Политического
организма как подлинный договор между народом и правителями, которых он
себе выбирает154, договор, по которому обе стороны обязуются соблюдать
законы, в нем обусловленные и образующие связи их союза. Так как народ, в
том, что касается до отношений внутри общества, соединил все свои желания в
одну волю, то все статьи, в которых эта воля выражается, становятся
основными законами, налагающими определенные обязательства на всех членов
Государства без исключения155, а один из этих законов определяет порядок
избрания и власть магistratov156, уполномоченных наблюдать за исполнением

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
остальных статей договора. Эта власть простирается на все, что может служить для сохранения установленного государственного устройства, но она не может изменить это устройство. К этому добавляются и определенные почести, которые внушают почтение к законам и их служителям, а для личности служителей законов – прерогативы, вознаграждающие их за нелегкие труды – плату за хорошее управление. Магистрат, со своей стороны, обязуется использовать вверенную ему власть лишь соответственно намерениям своих доверителен, обеспечить каждому возможность мирно 5–3575

130 ‘•’•” Жан Жак Руссо

пользоваться тем, что ему принадлежит, и неизменно предпочитать общественную пользу своим собственным интересам.

Прежде чем опыт показал, что знание человеческой души заставило предвидеть неизбежные при подобном устройстве злоупотребления, оно должно было казаться тем более прекрасным, что те лица, на которых было возложено следить за его сохранением, сами были более всего в этом заинтересованы. Ибо магистратура и ее права покоятся лишь на основных законах, поэтому с уничтожением этих последних магистраты тотчас перестали бы быть законными, народ больше не был бы обязан им повиноваться, а так как не магистраты, а Закон составлял бы сущность Государства, то каждый по праву вновь обрел бы свою естественную свободу.

Стоит только подумать об этом повнимательнее, чтобы все это подтвердились еще и другими соображениями, а из природы договора мы увидим, что он не может быть нерасторжимым. Ибо если бы вообще не было более высокой власти, которая могла бы быть порукой за верность вступающих в договорные отношения их взаимным обязательствам и заставить их выполнять эти обязательства, то стороны остались бы единственными судьями в своем собственном деле, и каждая из них всегда имела бы право отказаться от договора, лишь только она обнаружила бы, что другая сторона нарушает его условия или что эти условия перестали ее удовлетворять. Кажется, на этом именно принципе может быть основано право одностороннего отречения. К тому же, – если рассматривать, как мы это и делаем, лишь то, что установлено людьми, – если магистрат, держащий в своих руках всю полноту власти и присваивающий себе все выгоды договора, имеет все же право отказаться от власти, то народ, который расплачивается за все ошибки правителей, тем более должен иметь право отказаться от зависимости. Но ужасные раздоры и бесконечные неурядицы, которые неизбежно повлекла бы за собою эта опасная возможность, лучше, чем что-либо иное, показывают, насколько Правительства, людьми установленные, нуждаются в основе более прочной, чем один только разум, и насколько необходимо было для мира в обществе, чтобы божественная воля вмешалась, дабы придать верховной власти характер священный и неприкосно-рассуждение о происхождении неравенства 131

венный, что отняло у подданных пагубное право ею распоряжаться¹⁵⁷. Если бы религия принесла людям лишь только это благо, то и этого было бы достаточно, чтобы люди должны были дорожить ею и принять ее, даже с присущими ей злоупотреблениями, так как она сберегает больше крови, чем фанатизм заставляет ее проливать¹⁵⁸. Но будем следовать за основной нитью нашей гипотезы.

Различные виды Правлений ведут свое происхождение лишь из более или менее значительных различий между отдельными лицами в момент первоначального установления. Если один человек выделялся среди всех могуществом, доблестью, богатством или влиянием, то его одного избирали магистратом, и Государство становилось монархическим. Если несколько человек, будучи примерно равны между собою, брали верх над остальными, то этих людей избирали магистратами, и получалась аристократия. Те люди, чьи богатства или дарования не слишком отличались, и которые меньше других отошли от естественного состояния, сохранили сообща в своих руках высшее управление и образовали демократию. Время показало, какая из этих форм была более выгодной для людей. Одни по-прежнему подчинялись только законам; другие вскоре стали повиноваться господам. Граждане хотели сохранить свою свободу, подданные помышляли лишь о том, как бы отнять свободу у своих соседей, так как они не могли примириться с тем, что другие наслаждаются благом, которым они сами уже больше не пользуются. Словом, на одной стороне оказались богатства и завоевания, а на другой – счастье и добродетель.

При этих различных видах Правления все магистратуры были поначалу выборными, и если богатство не влекло за собой предпочтения, то последнее отдавалось достоинствам, определяющим естественное превосходство, и возрасту, приносящему опытность в делах и хладнокровие при вынесении решений. Старейшины у древних евреев, геронты в Спарте, сенат в Риме и даже сама этимология нашего слова сензор¹⁵⁹ показывают, как некогда почиталась старость. Чем чаще выбор падал на мужей преклонного возраста, тем чаще должны были происходить выборы и тем больше ощущались связанные с

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
проводением выборов затруднения: появляются интриги, образуются группировки, ожесточается борьба партий, вспыхивают гражданские 5*

132 Жан Жак Руссо

войны, наконец, кровь граждан начинают приносить в жертву так называемому счастью Государства, и остается сделать еще один только шаг, чтобы впасть в анархию предшествующей эпохи. Честолюбивые начальники воспользовались этими обстоятельствами, чтобы сохранить навсегда свои должности за своими семьями; народ, привыкший к зависимости, покоря и жизненным удобствам и уже не способный разбить свои оковы, согласился, чтобы порабощение его усилилось, дабы его спокойствие упрочилось. И, таким образом, правители, став наследственными, привыкли рассматривать свою магистратуру как семейное имущество, а самих себя – как собственников Государства, которого они первоначально были лишь должностными лицами, называть сограждан своих своими рабами, причислять их, как скот, к вещам, им принадлежащим, и называть самих себя богоизбранными и царями царей¹⁶⁰.

Если мы проследим поступательное развитие неравенства во время этих разнообразных переворотов, то обнаружим, что установление Закона и прав а собственности было здесь первой ступенью, установление магистратуры – вторую, третьего же и последней было превращение власти, основанной на законах¹⁶¹, во власть неограниченную. Так что богатство и бедность были узаконены первой эпохой, могущество и беззащитность – вторую, третьею же – господство и порабощение, – а это уже последняя ступень неравенства и тот предел, к которому приводят в конце концов все остальные его ступени до тех пор, пока новые перевороты не уничтожат власть совершенно или же не приближают ее к законному установлению.

Чтобы понять необходимость такого развития, нужно иметь в виду не столько побудительные причины установления Политического организма, сколько ту форму, которую он принимает при своем претворении в действительность, и те неудобства, которые его установление влечет за собою. Ибо пороки, которые делают необходимыми общественные установления, сами по себе делают неизбежными и те злоупотребления, которым они открывают дорогу. И так как, за исключением одной только Спарты, где Закон заботился главным образом о воспитании детей и где Ликург утвердил такие нравы, которые почти избавили его от необходимости присоединять к ним законы, – законы, в общем, менее сильные, чем страсти, сдерживают

Рассуждение о происхождении неравенства 133

людей, их не изменяя, и легко было бы показать, что всякую власть, которая, не извращаясь и не изменяясь, следовала бы в точности своей первоначальной цели, не было бы необходимости и устанавливать, и что та страна, в которой никто не обходил бы законов и не злоупотреблял бы властью магистрата, не нуждалась бы ни в магистратах, ни в законах¹⁶².

Различия в политическом положении неизбежно влекут за собою различия в положении гражданском. Когда возрастает неравенство между народом и его правителями, это вскоре дает себя знать и в отношениях между частными лицами, и оно видоизменяется тысячью способов в зависимости от страстей, дарований и случайных обстоятельств. Магистрат не мог бы захватить незаконную власть, не создав своих креатур, которым он, однако, вынужден уступить некоторую долю этой власти. К тому же граждане позволяют себе угнетать лишь постольку, поскольку, увлекаемые слепым честолюбием и взглядающимися больше в то, что у них под ногами, чем в то, что у них над головою, они начинают больше дорожить господством, чем независимостью, и соглашаются носить оковы, чтобы иметь возможность, в свою очередь, налагать цепи на других. Очень трудно привести к повиновению того, кто сам отнюдь не стремится повелевать, и самому ловкому политику не удастся поработить людей, которые не желают ничего другого, как быть свободными. Но неравенство легко распространяется среди людей с душой честолюбивою и низкою, которые всегда готовы испытывать судьбу и господствовать или повиноваться почти с одинаковою охотой, в зависимости от того, благосклонна к ним судьба или нет. Таким образом, должно было наступить время, когда народ оказался настолько ослеплен, что его предводителям стоило лишь сказать ничтожнейшему из людей: «Будь великим и ты и весь твой род» – и он сразу же всем начинал казаться великим и становился великим в своих собственных глазах, а его потомки еще более возвышались по мере того, как они от него удалялись. Чем более давней и неопределенной была причина, тем более увеличивалось ее действие; чем больше тунеядцев можно было насчитать в семье, тем более знаменитой эта семья становилась.

Если бы здесь уместно было входить в подробности, я бы легко объяснил, как среди частных лиц, даже без вме-

134 Жан Жак Руссо

шательства Правительства, неизбежным становится неравенство влияния и авторитета(X1), лишь только они, объединившись в одном обществе,

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org оказывается вынуждены сравнивать себя друг с другом и считаться с различиями между собою, которые они обнаруживают при постоянном общении, в котором должны находиться. Эти различия многообразны, но так как вообще богатство, знатность или ранг, могущество и личные достоинства – это главные различия, на основании которых судят о месте человека в обществе, то я мог бы доказать, что согласие или борьба между этими различными силами – это и есть самый верный показатель того, хорошо или дурно устроено Государство. Я показал бы, что хотя из этих четырех видов неравенства личные качества являются причиной появления всех остальных, все эти виды, однако, сводятся, в конце концов, к богатству, ибо оно самым непосредственным образом определяет благосостояние, его легче всего передавать и поэтому с его помощью можно легко купить все остальное; наблюдение это дает возможность довольно точно судить о степени удаления народа от его изначального устройства и о том, далеко ли он ушел по пути к крайнему пределу разложения. Я отметил бы, как это всеобщее стремление к славе, почестям и отличиям, всех нас снедающее, заставляет развивать и сравнивать дарования и силы, как это стремление возбуждает и умножает страсти и как, делая всех людей конкурентами, соперниками или даже врагами, оно совершает ежедневно перемены в их судьбе, делается причиной всякого рода успехов и катастроф, заставляя сталкиваться на одном и том же поприще стольких соискателей. Я показал бы, что именно этому страстному стремлению заставить говорить о себе¹⁶³, этой страсти отличаться, которая почти всегда заставляет нас быть вне себя, мы обязаны тем лучшим и тем худшим, что есть в людях: нашими добродетелями и пороками, нашими науками и заблуждениями, нашими завоевателями и нашими философами, т. е. многим дурным и лишь немногим хорошим. Я доказал бы, наконец, что если горсть могущественных и богатых находится на вершине величия и счастья, тогда как толпа пресмыкается в безвестности и нищете, то это происходит от того, что первые ценят блага, которыми они пользуются, лишь постольку, поскольку другие этих благ лишены и, оставаясь в том же положении, они

Рассуждение о происхождении неравенства 135

перестали бы быть счастливыми, если бы народ перестал быть несчастным. Но одни только эти подробности могли бы составить материал для обширного сочинения, в котором можно было бы взвесить преимущества и неудобства всякого Правления сравнительно с правами естественного состояния, разоблачить все те разнообразные виды, в которых неравенство проявлялось вплоть до сего дня и в которых может оно проявиться в грядущие века, сообразно природе этих Правлений и тем переворотам, которые неизбежно произойдут в них со временем. Мы увидели бы массу, угнетаемую внутри Государства в результате именно тех мер предосторожности, которые были приняты ею, чтобы противостоять внешней угрозе; мы увидели бы, как постоянно растет угнетение, причем угнетенным никогда не дано знать, каков будет его предел и какие у них останутся законные средства, чтобы остановить его рост; мы увидели бы, как теряют свою силу и угасают мало-помалу гражданские права и национальные вольности и как протесты слабых начинают рассматриваться как мятежный ропот; мы увидели бы политику ограничения какой-то группой наемников числа тех лиц, которые удостаиваются чести защищать общие интересы государства¹⁶⁴; мы увидели бы, как из этого возникает необходимость налогов, как павший духом земледелец даже в мирное время покидает свои поля и бросает плуг, чтобы опоясаться мечом; мы увидели бы рождение гибельных и диковинных принципов понимания чести; мы увидели бы как защитники отечества рано или поздно превращаются во врагов его, постоянно держащих кинжал занесенным над головами своих сограждан, и как неизбежно приходит время, когда они скажут угнетателю их отечества:

*Pectore si fratris gladium juguloque parentis Condere me jubeas,
gravidaeque in viscera parti Conjugis, inuita peragam tamen omnia dextra**.

Из крайнего неравенства положений и состояний, из разнообразия дарований и

страстей, из искусств бесполезных, искусств вредных, из знаний

поверхностных и неглу-

Если мечом поразить повелишь мне любимого брата,

Иль дорогого отца, иль супругу с младенцем в утробе,
Сердце сожмется в груди, но исполнит рука приказанье.

Лука н. Фарсалия, или О гражданской войне, I, II, 376-378 f лат./65.

136 Жан Жак Руссо

боких появились бы сонмы предрассудков, равно противных разуму, счастью и добродетели. Мы увидели бы, как правители ревностно поддерживают все то, что может ослабить объединившихся людей, разъединяя их: все, что может придать обществу видимость согласия и поселяя в нем семена подлинного раздора, все, что может внушить различным сословиям недоверие и взаимную ненависть, противопоставляя их права и их интересы и, следовательно,

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
усилить власть, всех их сдерживающую¹⁶⁶.

И среди всей этой безурядицы и переворотов постепенно поднимет свою отвратительную голову деспотизм; пожирая все, что увидит он хорошего и здорового во всех частях Государства, в конце концов, он начнет попирать ногами и законы, и народ и утвердится на развалинах Республики. Времена, предшествующие этой последней перемене, будут временами смут и бедствий, но, в конце концов, чудовище поглотит все, и у народов больше не будет ни правителей, ни законов, но одни только тираны. С этой минуты не может быть больше речи ни о нравственности, ни о добродетели. Ибо повсюду, где царит деспотизм, *cui ex honesto nulla est spes*, он не терпит, наряду с собою, никакого иного повелителя; как только он заговорит, не приходится уже считаться ни с честью, ни с долгом, и слепое повиновение – вот единственная добродетель, которая оставлена рабам.

Это – последний предел неравенства и крайняя точка, которая замыкает круг и смыкается с нашей отправной точкой. Здесь отдельные лица вновь становятся равными, ибо они суть ничто; а так как у поданных нет иного закона, кроме воли их господина, а у него нет другого правила, кроме его страсти, то понятие о добре и принципы справедливости вновь исчезают; здесь все сводится к одному только закону более сильного и следовательно к новому естественному состоянию, отличающемуся от того состояния, с которого мы начали, тем, что первое было естественным состоянием в его чистом виде, а это последнее – плод крайнего разложения. Впрочем оба эти состояния столь мало отличаются друг от друга, а договор об установлении Власти настолько расшатан деспотизмом, что деспот остается повелителем лишь до тех пор, пока он сильнее

Которому не свойственно ничто порядочное (лат.)¹

Рассуждение о происхождении неравенства 137

всех, но как только люди оказываются в силах его изгнать, у него нет оснований жаловаться на насилие. Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола какого-нибудь султана, это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает¹⁶⁸. Все, таким образом, идет своим естественным путем, и какова бы ни была связь сих быстрых и частых переворотов, никто не может жаловаться на несправедливость других, но только на собственное свое неблагоразумие или на свое несчастье.

Открывая и прослеживая, таким образом, забытые и затерянные пути, которые должны были привести человека из состояния естественного в состояние гражданское, восстановливая с помощью намеченных мною выше промежуточных этапов те, которые я должен был опустить из-за недостатка времени или которые вообще не были подсказаны мне моим воображением, всякий внимательный читатель может быть лишь поражен огромностью того пространства, которое разделяет оба эти состояния. В этом медленном общем развитии он увидит решение бесконечного множества проблем моральных и политических, которые не могут разрешить наши философы. Он поймет, что человеческий род в одну эпоху – это не род человеческий в другую эпоху, и потому причина, по которой Диоген никак не мог найти человека¹⁶⁹, заключена в том, что он искал среди своих современников человека времен уже минувших. «Катон, – скажет этот читатель, – погиб вместе с Римом¹⁷⁰ и со свободою, потому что не было ему места в его веке; и величайший из людей лишь удивлял тот мир, которым он правил бы пятью столетиями ранее». Словом, он объяснит, как душа и страсти человеческие, незаметно подвергаясь порче, изменяют, так сказать, и свою природу; вот почему с течением времени изменяются предметы наших потребностей и удовольствий; вот почему изначальное в человеке постепенно исчезает, и общество открывает тогда глазам мудреца лишь скопище искусственных людей и притворных страстей, которые суть продукт этих новых отношений и не имеют никакого действительного основания в природе. То, что мы узнаем здесь с помощью размышления, полностью подтверждается и наблюдениями:

138 Жан Жак Руссо

дикарь и человек цивилизованный настолько отличаются друг от друга по душевному складу и склонностям, что высшее счастье одного повергло бы другого в отчаянье. Первый жаждет лишь покоя и свободы, он хочет лишь жить и оставаться праздным, и даже спокойствие духа стоика не сравнится с его глубоким безразличием ко всему остальному. Напротив, гражданин, всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия, еще более многотрудные; он работает до самой смерти, он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить, или отказывается от жизни, чтобы обрести бессмертие. Он заискивает перед знатными, которых ненавидит, и перед богачами, которых презирает; он не

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org жалеет ничего, чтобы добиться чести служить им; он с гордостью похваляется своей низостью и их покровительством и, гордый рабским своим состоянием, он с пренебрежением говорит о тех, которые не имеют чести разделять с ним это его состояние. Какое зрелище представили бы для караиба тягостные и вызывающие зависть труды какого-нибудь европейского министра! Какую мучительную смерть не предпочел бы этот беспечный дикарь ужасам подобной жизни, которые часто даже не скрашивает отрадное сознание того, что правильно поступаешь! Но, чтобы он увидел, какова цель стольких страданий, нужно, чтобы слова могущества и репутация приобрели смысл в его уме; нужно, чтобы он понял, что существуют люди, которые придают значение тому, как на них смотрят остальной мир, которые считают себя счастливыми и довольными самими собой скорее потому, что так полагают другие, чем потому, что они сами так считают. Такова и в самом деле действительная причина всех этих различий: дикарь живет в себе самом, а человек, привыкший к жизни в обществе, всегда – вне самого себя; он может жить только во мнении других, и, так сказать, из одного только их мнения он получает ощущение собственного своего существования. В мою тему не входит показывать, как из подобного предрасположения возникает такое безразличие к добру и злу наряду со столь прекрасными рассуждениями о морали; как все сводится к внешней стороне вещей и как поэтому все становится притворным и наигранным – честь, дружба, добродетель и часто даже сами пороки, так как люди, в конце концов, открыли секрет, как с их помо-

Рассуждение о происхождении неравенства 139

щью прославиться, – словом, как, приучившись постоянно вопрошать других о том, что мы собою представляем, и никогда не решаясь спросить об этом самих себя, мы обладаем теперь, несмотря на такое обилие философии, гуманности, вежливости и высоких принципов, одною только внешностью, обманчивою и пустою: честью без добродетели, разумом без мудрости и наслаждениями без счастья. Мне достаточно было доказать, что не таково изначальное состояние человека и что один только дух общества и неравенство, им порождаемое, так изменяют и портят наши естественные наклонности.

Я старался показать происхождение и развитие неравенства, установление политических обществ и то дурное применение, которое они нашли, насколько все это может быть выведено из природы человека, с помощью одного лишь светоча разума и независимо от священных догматов, дающих верховной власти санкцию божественного права. Из сказанного выше следует, что неравенство, почти ничтожное в естественном состоянии, усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов. Отсюда также следует, что неравенство личностей, вводимое только одним положительным правом, вступает в противоречие с правом естественным всякий раз, когда этот вид неравенства не соединяется в таком же отношении с неравенством физическим: различие это достаточно ясно показывает, что должны мы думать в этой связи о том виде неравенства, которое царит среди всех цивилизованных народов, ибо явно противоречит естественному закону, каким бы образом мы его ни определяли, – чтобы дитя повелевало старцем, глупец руководил человеком мудрым и чтобы горстка людей утопала в излишествах, тогда как голодная масса лишена необходимого.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Геродот рассказывает, что после убийства Лже-Смердиса¹⁷¹, когда семь освободителей Персии собрались вместе, чтобы решить, какую им установить в Государстве форму правления, Отанес решительно высказался в пользу Республики; предложе-

140 Жан Жак Руссо

ние в устах сатрапа тем оолее удивительное, что, если даже не говорить о тех личных притязаниях на власть, которые могли у него быть, вельможи вообще больше смерти боятся такого Правления, которое заставляет их уважать людей. Отанеса, как легко поверить, никто не послушался, и он, увидев, что все остальные собираются приступить к избранию монарха и не желая ни повиноваться, ни повелевать, добровольно уступил соперникам свое право на престол, потребовав вместо всякого вознаграждения только свободы и независимости для себя и для своих потомков, что и было ему предоставлено. Если бы Геродот и не сообщал нам ничего об ограничениях, которыми была обставлена эта привилегия, все же непременно следовало бы предположить, что такие ограничения были сделаны, иначе Отанес, не признавая никаких законов и не будучи обязан ни перед кем отчитываться, оказался бы всемогущим в Государстве и .был бы даже еще могущественнее, чем сам царь. Но почти невероятно, чтобы человек, способный при подобных обстоятельствах удовольствоваться подобной привилегией, был способен ею злоупотреблять. И действительно, мы не видим, чтобы это право вызывало в царстве когда-либо хоть малейшую смуту, ни по вине мудрого Отанеса, ни по вине кого-либо из

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org его потомков.

“” С самого же начала я с уверенностью ссылаюсь на одно из тех авторитетных мнений, которые должны пользоваться полным признанием у философов, поскольку они исходят от ума основательного и возвышенного, такого, какие одни лишь философы умеют находить и понимать.

«Как бы мы ни были заинтересованы в том, чтобы познать самих себя, я не уверен, не знаем ли мы лучше все то, что не есть «мы». Природа наделила нас органами, предназначенными единственно для того, чтобы служить для нашего самосохранения, мы же пользуемся ими лишь для восприятия внешних впечатлений; мы стремимся лишь распространиться вовне и существовать вне себя. Слишком занятые умножением функций наших чувств и увеличением области внешнего распространения нашего существа, мы редко пользуемся тем внутренним чувством, которое возвращает нас к нашим истинным измерениям и которое отдаляет от нас все, что к этому не относится. А между тем именно этим чувством должны мы пользоваться, ежели мы желаем себя познать, это единственное чувство, с помощью которого мы можем о себе судить. Но как придать этому чувству всю его действенность и силу? как освободить нашу душу, в которой оно заключается, от всех неверных представлений нашего ума? Мы утратили привычку пользоваться этим чувством; эта привычка не получила никакого развития в бурях наших телесных ощущений, она иссушена огнем наших страстей: сердце, ум, чувства – все ей противодействовало» («Естественная история»¹², IV, стр. 151; «О природе человека», т. II, 1749, стр. 430).

[...]

(ш) Все знания, которые требуют размышления, все знания, которые приобретаются лишь путем развития понятий и совершенствуются лишь постепенно, по-видимому, совершенно недоступны для дикого человека, потому что он не общается с ему

рассуждение о происхождении неравенства 141

подобными, потому что, другими словами, он не располагает орудием, служащим для этого общения, и потребностями, делающими такое общение необходимым. Его знания и навыки ограничиваются умением прыгать, бегать, драться, метать камни и влезать на деревья. Но если он умеет делать лишь это, зато умеет он это делать гораздо лучше, чем мы, не обладающие теми же потребностями. А так как все его навыки зависят единственно от телесных упражнений и не могут по этой причине передаваться от одного индивидуума к другому и развиваться, то первый человек мог быть в них столь же искусен, как и самые далекие его потомки. [...]

(IV) Один знаменитый автор , исчисляя блага и несчастия человеческой жизни и сравнивая оба итога, нашел, что последний намного превышает первый и что, в общем, жизнь для человека – довольно скверный подарок. Я нисколько не удивляюсь его выводу: он исходил во всех своих рассуждениях из состояния человека в гражданском обществе. Если бы восходил он до человека естественного, то можно полагать, что пришел бы к результатам весьма отличным: он заметил бы, что у человека почти нет иных несчастий, кроме тех, которые он сам для себя создал, и природа была бы оправдана. Не без усилий удалось нам сделать себя столь несчастными. Когда, с одной стороны, смотришь на безмерные труды людей, на такое множество наук, ими разработанных, искусств, ими изобретенных, на такое множество сил, ими приложенных, засыпанных пропастей, срытых гор, снесенных скал, рек, превращенных в судоходные, распаханных земель, вырытых озер, осущенных болот, огромных зданий, воздвигнутых на суше, на море, покрытое кораблями и матросами, и когда, с другой стороны, исследуешь, немного поразмыслив, какие подлинные блага принесло все это для счастья рода человеческого, то можно лишь поразиться удивительному несоответствию между первыми и вторыми итогами и пожалеть об ослеплении человека, которое, дабы насытить его гордыню и не знаю уж какое тщеславное восхищение самим собой, заставляет его с жаром гоняться за тем, что может его сделать несчастным и что благодетельная природа позаботилась от него отвратить.

Люди – злы; печальный и долгий опыт избавляет нас от необходимости это доказывать. Между тем человек от природы добр, – полагаю, это я доказал¹⁷⁴. Что же могло испортить его до такой степени, если не изменения, которые совершились в его телосложении, не те успехи, которых добился он, и не те знания, которые он приобрел. Вы можете сколько угодно угодно восхищаться человеческим обществом, все же остается не менее верным, что оно неизбежно побуждает людей ненавидеть друг друга в той мере, как сталкиваются их интересы, взаимно оказывать ДРУГ другу мнимые услуги, а на деле причинять друг другу всевозможные несчастья. Что можем мы подумать о таком общении, когда интересы каждого отдельного человека внушают ему принципы, прямо противоположные тем, которые общая польза внушает обществу в целом, и когда каждый видит свою выгоду в несчастии другого? Нет, быть может, ни одного состоя-

тельного человека, которому алчные наследники, а часто и собственные его дети, не желали бы втайне смерти; нет ни одного корабля в море, крушение которого не было бы доброй вестью для какого-нибудь торговца; нет ни одного дома, пожара которого вместе со всеми бумагами, в нем находящимися, не желал бы увидеть какой-нибудь недобросовестный должник; нет ни одного народа, который не радовался бы бедствиям своих соседей. И мы, таким образом, извлекаем пользу из невзгод наших ближних, и проигрыш одного почти всегда становится причиной благополучия другого. Но еще опаснее то, что общественные бедствия составляют предмет ожиданий и надежд множества частных лиц, одним нужны болезни, другим – мор, третьим – война, четвертым – голод. Я видел отвратительных людей, которые плакали от горя, когда год обещал быть урожайным, а огромный и страшный лондонский пожар¹⁷⁵, который стоил жизни и имущества стольким беднякам, принес состояние, быть может, десяти тысячам человек. Я знаю, что Монтень порицает афинянина Демада¹⁷⁶ за то, что тот добился наказания работника, который продавал гробы слишком дорого и наживался на смерти своих сограждан, но так как исходит Монтень при этом из того соображения, что в таком случае пришлось бы наказывать всех людей, то, очевидно, что оно только подтверждает мои соображения. Проникните же сквозь все наши пустые знаки благожелательности в то, что творится в глубине душ, подумайте над тем, каким должно быть положение вещей, когда люди вынуждены расточать друг другу ласки и в то же время готовить друг другу погибель, когда они рождаются врагами по долгу и плутами по расчету. Если ответят мне: общество так устроено, что каждому человеку выгодно служить другим, – я отвечу, что это было бы очень хорошо, если бы ему не было еще более выгодно вредить им. Нет такой законной выгоды, чтобы ее не превысила выгода, которую можно получить незаконно; и вред, причиняемый ближнему, всегда приносит больше дохода, чем услуги. Вопрос, следовательно, только в том, чтобы найти способы обеспечить себе безнаказанность, и именно для достижения этого могущественные используют все свои силы, а слабые – всю свою хитрость.

дикарь, когда ему удалось побороть, – в мире со всей природой и друг всем ему подобным. Если порою ему приходится оспаривать свою пищу у другого, то он никогда не вступает в драку, не сравнив предварительно трудности победы с тем, насколько ему трудно отыскать себе пищу в другом месте, и так как гордость не играет никакой роли в этой битве, то дело ограничивается несколькими ударами кулака; победитель ест, побежденный отправляется искать счастья – и вот мир уже восстановлен. Но с человеком в обществе дело обстоит совсем не так – ему нужно сначала позаботиться о том, что необходимо, потом уже об избыточном: приходят наслаждения, огромные богатства, появляются поданные, затем рабы, и нет у него ни минуты передышки. Еще более странно, что, чем менее естественны и настоятельны потребности, тем более разгораются отпасти и, что еще хуже, – тем больше есть возможностей их

рассуждение о происхождении неравенства 143

удовлетворять; так что после долгого ряда счастливых событий, поглотив множество сокровищ и обездолив множество людей, мой герой кончит тем, что станет все истреблять, пока не останется единственным господином всего мира. Такова, в общих чертах, поучительная картина, если не жизни человеческой, то, по меньшей мере, тайных душевных устремлений всякого цивилизованного человека¹⁷⁷.

Сравните, без предвзятости, состояние человека гражданского общества и человека дикого и определите, если сможете, сколько новых дверей растворил первый из них страданию и смерти, – если даже не говорить о его злости, о его нуждах, о его несчастиях. Если вы примете во внимание терзающие нас душевые муки, изнуряющие и приводящие в отчаяние бурные страсти, чрезмерные труды, коими обременены бедняки, и еще более опасную негу, которой предаются богачи, что заставляет одних умирать от нужды, а других – от излишеств; если вы подумаете о чудовищной смеси различных продуктов, составляющих нашу пищу, о вредных приправах к ним, об испорченных продуктах питания, о фальсифицированных лекарствах, о плутнях тех, кто ими торгует, об ошибках тех, которые их назначают, о ядовитых свойствах сосудов, в которых их готовят; если вы обратите внимание на эпидемические болезни, порождаемые дурным воздухом там, где скученно живут огромные скопления людей, на болезни, вызываемые изнеженностью нашего образа жизни, постоянными переходами из домов, в которых мы живем, на открытый воздух и обратно, привычкою надевать или снимать платье без достаточных предосторожностей, на все заботы, которые вследствие чрезмерной нашей чувствительности превратились в необходимые привычки, и на то, что пренебрежение этими заботами или их отсутствие стоит нам затем жизни или здоровья; если присоедините вы к этому итогу пожары и землетрясения,

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
которые, поглощая или разрушая целые города, тысячами губят их жителей¹⁷⁸,
– словом, окиньте взором все опасности, кои в силу всех этих причин
беспрестанно нагромождаются над нашою головою, – и вы поймете, как дорого
природа заставляет нас расплачиваться за то презрение, с каким отнеслись мы
к ее урокам.

Я не стану здесь повторять о войне то, что сказал я о ней в другом месте,
но я хотел бы, чтобы люди осведомленные пожелали или отважились хоть раз
сообщить публике подробности тех ужасных злодеяний, которые совершаются в
армиях поставщиками продовольствия и содержателями госпиталей: мы увидели
бы, что их не слишком хорошо скрытые злоухищрения, в результате которых
самые блестящие армии молниеносно тают, губят больше солдат, чем косит их
оружие неприятеля. Итог не менее удивительный получился бы, если подсчитаем
мы число людей, ежегодно погибающих на море либо от голода, либо от цинги,
либо от пиратов, либо от пожаров, либо от кораблекрушений. Ясно, что
следует также отнести за счет установленного права собственности¹⁷⁹ и,
стало быть, за счет общества, убийства, отравления, грабежи на больших
дорогах и самые наказания за эти преступления, необходимые, чтобы
предупредить несчастья еще большие; но так как за убийство одного человека
лиша-

144 Жан Жак Руссо

ются жизни два человека и более, то неизбежно получается, что эти наказания
удваивают потери человеческого рода. Сколько есть постыдных средств
помешать рождению человека и обмануть природу либо из-за склонностей грубых
и извращенных, которые оскорбляют прекраснейшее ее творение, – склонностей,
которых никогда не ведали ни дикари, ни животные и которые порождены в
цивилизованных странах лишь развращенным воображением, либо посредством
этих тайных выкидышей, достойных плодов разврата и порочных понятий о
чести, либо из-за того, что множество детей остается без помощи или
убивается, – это жертвы нищеты их родителей или дикого страха их матерей,
наконец из-за того, что изувечиваются несчастные, частично само бытие
которых и все их потомство приносятся в жертву суетным песнопениям¹⁸⁰, или,
что еще хуже, дикой ревности некоторых мужчин: изувечение это в последнем
случае вдвойне оскорбляет природу и по тому, как теперь обращаются с этими
изувеченными, и по тому применению, для которого они теперь
предназначаются!

Но не имеют ли место тысячи случаев еще более частых и еще более опасных,
когда отцовские права открыто оскорбляют требования человечности?¹⁸¹
Сколько дарований загублено и сколько стремлений подавлено безрассудным
принуждением со стороны отцов! Сколько людей, которые отличились бы на
подходящем для них поприще, умирают несчастными и лишенными славы,
занимаясь другим делом, к которому их совсем не влекло! Сколько счастливых,
хоть и неравных браков было расторгнуто или расстроено и сколько
целомудренных супруг было опозорено в результате существования сословного
строя, постоянно противоречащего естественному порядку! Сколько других
нелепых союзов заключено по расчету вопреки требованиям любви и разума!
Сколько честных и добродетельных супругов отправляют себе жизнь, потому что
они друг другу не подходят! Сколько юных и несчастных жертв скупости своих
родителей бросаются в объятия порока или коротают печальные свои дни в
нерасторжимых узах, отвергаемых сердцем, в узах, которые создало одно
только золото! Счастливы порою те, кто столь мужественны или, можно даже
сказать, добродетельны, чтобы лишить себя жизни¹⁸², прежде чем дикое
насилие заставит их провести ее в преступлениях и отчаянии! Простите мне,
навеки безутешные отцы и матери, я невольно растравляю ваши раны, но пусть
послужат они вечным и страшным примером всякому, кто осмеливается, даже во
имя природы, совершать насилие над священнейшим из ее прав!

Если я говорил лишь о тех неудачно заключенных связях, которые суть плод
установленных в нашем обществе порядков, то не думаете ли вы, что те союзы,
в заключении коих решающую роль играли любовь и симпатия, ничем не
стеснены?

Что, если бы вздумал я показать, что задет самый источник рода
человеческого и даже священнейшие его узы, когда люди смеют прислушаться к
голосу природы лишь после того, как предварительно подумают об
имущественном положении и когда, вследствие беспорядочности гражданских
отношений, добродетели и пороки перемешались так, что воздержание стали
пола-

Рассуждение о происхождении неравенства 145

гать преступную предсторожностью, а отказ дать жизнь себе подобному –
актом человеколюбия! Но не будем разрывать завесу, скрывающую столько
ужасов, ограничимся тем, что назовем зло по имени и предоставим другим
найти средства, чтобы это зло исцелить.

Прибавьте ко всему этому ряд вредных занятий, которые сокращают жизнь или

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org разрушают здоровье, таких, как работа в рудниках, различные виды обработки металлов, минералов, в особенности же свинца, меди, ртути, кобальта, мышьяка, реальгара¹⁸³, иные опасные ремесла, которые ежедневно стоят жизни многим работникам: то ли кровельщикам, то ли плотникам, то ли каменотесам и тем, кто работает в каменоломнях; соедините, говорю я, все это вместе, и вы увидите, что установление и усовершенствование обществ послужили причинами того уменьшения численности человеческого рода, которое уже было отмечено не одним философом¹⁸⁴.

Роскошь, коей не может быть там, где люди гонятся за жизненными удобствами и почестями, уже скоро довершает то зло, которое началось с возникновения обществ; под тем предлогом, что роскошь доставляет средства к жизни бедным¹⁸⁵, которых она не должна была бы плодить, она разоряет всех остальных и рано или поздно лишает Государство населения.

Роскошь – это лекарство, что горше той болезни, которую оно якобы исцеляет, или, скорее, она сама по себе – худшее из всех зол, которые могут существовать в Государстве, будь оно большим или малым; чтобы кормить толпы слуг и нищих, ею же порождаемых, она притесняет и разоряет земледельца и гражданина, подобно тем палящим южным ветрам, что, покрывая траву и деревья прожорливыми насекомыми, лишают пищи полезных животных и несут с собою голод и смерть повсюду, где слышится их дыхание.

Из общества и из роскоши, им порождаемой, возникают свободные и механические искусства, торговля и промышленность, науки, и все те излишества, что содействуют расцвету рукомесел, обогащают и губят Государства. Эта гибель вызывается очень простою причиной. Легко видеть, что земледелие по своей природе должно быть наименее прибыльным из всех занятий, ибо продукты его более всего необходимы людям, и поэтому цены на них должны соответствовать возможностям самых бедных. Из этого принципа можно вывести то правило, что доходность занятий, в общем, обратно пропорциональна их полезности и что наиболее необходимые из них, в конце концов, окажутся в полнейшем пренебрежении. Отсюда видно, что следует думать о подлинных выгодах, которые несет с собою промышленность, и о практических результатах ее успехов.

Таковы ощущимые причины всех тех бедствий, в которые изобилие ввергает, в конце концов, самые прославленные народы. В то время как развиваются и достигают процветания промышленность и ремесла, землепашец, презираемый, обремененный налогами, необходимыми для поддержания роскоши, и принужденный коротать свои дни между трудом и голодом, покидает свои поля и отправляется в города искать хлеб, который он должен был бы туда доставлять. Чем больше ослепляют

146 Жан Жак Руссо

столицы бессмысленные взоры народа, тем больше следовало бы скорбеть душою при виде покинутых деревень, невозделанных полей и больших дорог, наводненных несчастными гражданами, превратившимися в нищих или воров и обреченных кончать жалкую свою жизнь на колесе или на куче навоза. Так Государство, обогащаясь, в то же время ослабляет себя и лишается населения, и самые могущественные монархии, положив немало трудов, чтобы стать богатыми и безлюдными, становятся в конце концов добычею бедных народов, которые поддаются пагубному искушению их завоевать и, в свою очередь, обогащаются и ослабляют себя до тех пор, пока и их не завоюют и не уничтожат другие народы.

Пусть хоть однажды соблаговолят объяснить нам, что могло породить эти полчища варваров, которые в течение стольких веков наводняли Европу, Азию и Африку. Совершенство ли их рукомесел, мудрость ли их законов, выдающиеся ли достоинства их внутренних порядков были причиной этой чудовищной их численности? Пусть соблаговолят сказать нам наши ученые, почему, вместо того, чтобы до такой степени размножаться, эти свирепые и грубые люди, которым не было дано ни знаний, ни сдерживающих сил, ни образованности, не истребляли друг друга, ежеминутно оспаривая друг у друга пищу или место для охоты. Пусть объяснят они нам, как только у этих презренных хватило смелости взглянуть в лицо людям столь искусственным и ловким, как мы, обладавшим в то время столь прекрасною воинскою дисциплиной, столь прекрасными кодексами и столь мудрыми законами. Наконец, почему с тех пор, как в северных странах общество стало более совершенным и было затрачено столько трудов, чтобы растолковать людям их взаимные обязанности и искусство жить сообща приятно и мирно, мы не видим, чтобы с севера надвигалось что-либо подобное тем несметным ордам человечьим, которые скоплялись там в былье времена. Я очень боюсь, что кто-нибудь додумается, в конце концов, мне ответить, что все эти великие вещи, а именно: искусства, науки и законы, были весьма мудро изобретены людьми как моровая язва, чтобы предупредить чрезмерное размножение человеческого рода, из опасения, как бы тот мир, который отведен нам для жизни, не оказался, в конце концов, слишком тесным

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org для его обитателей.

Так что же! нужно разрушить общество, уничтожить «твое» и «мое», вернуться в леса, жить там вместе с медведями? – такой вывод вполне в духе моих противников, но я предпочитаю их опередить и тем избавить от позора. О вы, до слуха которых не долетел голос неба и кто не видит для рода своего иного предназначения, как окончить в мире краткую земную жизнь, вы, которые можете оставить внутри городских стен ваши пагубные приобретения, беспокойный ваш ум, вашу развращенную душу и необузданые ваши желания, верните себе, ибо то в вашей власти, вашу былую, изначальную невинность, идите в леса, чтобы не видеть и не вспоминать о преступлениях ваших современников, и не бойтесь унизить ваш род, отказываясь от его познаний, чтобы отказаться от его пороков. Что же до людей, мне подобных, в которых страсти уничтожили навсегда

Рассуждение о происхождении неравенства 147

первоначальную простоту, которые не могут больше ни питаться травами и желудями, ни обходиться без законов и без правителей, тех, которые в лице своего родоначальника удостоились услышать наставления свыше, тех, которые в этом моем стремлении найти в человеческих поступках изначальную, а не приобретенную с течением времени нравственность, увидят единственное оправдание заповеди¹⁸⁶, которая сама по себе безразлична и не объяснима в любой иной системе понятий, словом, тех, кто убежден, что божественный голос призвал весь род человеческий к просвещению и ко блаженству небесного познания, – то все они будут стараться, укрепляясь в добродетелях, заслужить вечную награду, которой следует им за это ожидать. Они будут уважать священные узы обществ, членами коих они являются; они будут любить себе подобных и будут служить им всеми своими силами; они будут неукоснительно подчиняться законам и людям, которые являются их творцами и их служителями; они будут особенно почитать добрых и мудрых государей, которые умеют предупредить, исцелить или сделать менее ощутимыми множество злоупотреблений и бедствий, постоянно угрожающих подавить нас своею тяжестью; они будут возбуждать рвение этих достойных правителей, указывая им без страха и без лести на величие их задачи и на суровость их долга; но не меньше будут они презирать такой строй, который может держаться лишь при помощи стольких достойных всякого уважения людей, – при помощи, чаще желаемой, чем получаемой, – строй, который, несмотря на все заботы этих людей, приносит с собою больше действительных бедствий, чем мнимых выгод.

[...]

(V) Мне кажется, что это совершенно очевидно, и я не могу постигнуть, откуда, по мнению наших философов, берутся все те страсти, которые они приписывают человеку в естественном состоянии. За исключением одной только физически необходимой, которой требует сама природа, все остальные наши потребности являются таковыми либо лишь вследствие привычки, – а до появления этой привычки они вовсе не были потребностями, – либо вследствие наших желаний, – а мы не можем желать того, что не в состоянии мы познать. Отсюда следует, что так как дикарь желает лишь того, что ему известно, а известно ему лишь то, чем он владеет или чем он без труда может овладеть, ничто не может быть столь спокойным, как его душа, и столь ограниченным, как его ум. [...]

<VI> Я решительно остерегусь вдаваться в философские размышления, вызываемые преимуществами и недостатками такого объяснения установления языков. Ведь мне не позволено нападать на общераспространенные заблуждения, а ученая публика относится к предрассудкам своим со слишком большим уважением, чтобы сносить мои так называемые парадоксы. Предоставим, поэтому, говорить тем людям, которым не вменяли в преступление того, что они осмеливались иногда принимать сторону разума наперекор суждению толпы. «*Nee quidquam felicita-ti humarti generis decederet, si, pulsa tot linguarum peste et confusione, unam arteni calarent mortales, et signis, motibus, gestibus-que licitum foret quidvis explicare. Nunc vero ita comparatum est, ut animalium quae vulgo bruta creduntur melior longe quam nostra*

148 Жан Жак Руссо

hac in parte videatur conditio, utpote quae promptius, et forsan felicius, sensus et cogitationes suis sine interprete significant, quani ulli queant niortales, praesertim si peregrine utantur sermone». Is. Vossius. De Poematis cant, et viribus rythmi, p. 66[De Poema-tum cantu et viribus rythmi. Oxford, 1673, p. 65-66].

(VII) Платон, показывая, насколько необходимы понятия о дискретных величинах и об их соотношениях даже в самых простых искусствах, справедливо издевается над авторами его времени, которые утверждали, что Паламед изобрел числа во время осады Трои, как будто, говорит этот философ¹⁸⁸, Агамемнону¹⁸⁹ могло быть до того времени неизвестно, сколько у него ног. В

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
самом деле, понятно, что общество и искусства не могли достичь той ступени развития, какой достигли они ко времени осады Трои, если бы не знали чисел и счета, но все же необходимость знакомства с числами до приобретения других познаний не позволяет еще представить себе с большей ясностью, как они были изобретены. Когда уже изобретены имена числительные, то легко объяснить их смысл и представить себе те понятия, которые такие имена обозначают, но, чтобы их изобрести, нужно было прежде, чем усвоить эти понятия, приобрести навыки, так сказать, философского размышления, привыкнуть рассматривать творения единственно в их сущности и независимо от того, как мы их воспринимаем: абстракция эта очень трудна, очень метафизична, очень мало естественна, а между тем без этой абстракции нельзя было бы переносить понятия с одного вида и рода на другой, а понятие числа не могло бы стать общепринятым. Дикарь мог представлять себе свою правую и свою левую ногу в отдельности или смотреть на обе свои ноги как на неделимое понятие «пары», никогда не задумываясь над тем, что ног у него две, ибо одно дело – понятие представляющее, которое изображает нам предмет, а другое – понятие числа, которое предмет определяет. Еще менее был он в состоянии сосчитать до пяти, и хотя, прикладывая одну ладонь к другой, он мог заметить, что пальцы их в точности соответствуют, он все же был весьма далек от того, чтобы решить, что на обеих руках число пальцев у него одинаково; о том, сколько у него пальцев, он знал не больше, чем о том, сколько у него волос, и если бы кто-нибудь, объяснив ему предварительно, что такое числа, сказал ему, что пальцев на ногах у него столько же, сколько и на руках, то он был бы, возможно, очень удивлен, если бы, сличив их, обнаружил, что это действительно так.
«И не менее счастлив был бы человеческий род, если бы, избавившись от столь пагубного смешения языков, смертные знали бы лишь одно искусство речи, и если бы можно было передавать все, о чем можно подумать, знаками, движениями и жестами. Теперь же дело обстоит так, что животные, которые обыкновенно считаются неразумными, оказываются в значительно лучшем положении, чем мы, так как они выражают свои ощущения и мысли значительно быстрее, а может быть и лучше, чем это в состоянии делать какие бы то ни были люди, особенно если им приходится говорить на чужом языке». Ис. Фоссиус. О пении стихов и об особенностях ритма . Оксфорд, 1673, стр. 65–66 (лат.).

рассуждение о происхождении неравенства . 149

О'11' Не следует смешивать самолюбие и любовь к самому себе – две страсти, весьма различные по своей природе и по действию, которое они производят. Любовь к самому себе – это чувство естественное, побуждающее каждое животное заботиться о самосохранении, а у человека это чувство направляется разумом и умеряется сострадательностью, порождая гуманность и добродетель. Самолюбие – это производное, искусственное чувство, возникшее лишь в обществе, заставляющее каждого индивидуума придавать самому себе больше значения, чем всему остальному, побуждающее людей причинять друг другу всевозможное зло и являющееся подлинным источником понятия о чести. Так как это вполне понятно, то я заявляю, что в нашем первобытном состоянии, когда состояние было действительно естественное, самолюбия не существует, ибо так как каждый человек в отдельности смотрит на самого себя как на единственное во всей вселенной существо, им интересующееся, как на единственного, кто в состоянии судить о собственных его достоинствах, то невозможно, чтобы в душе его могло зародиться чувство, которое имеет своим источником сравнения, для человека в этом состоянии недоступные. В силу той же причины человек этот не мог бы испытывать ни ненависти, ни жажды мести – страсти, которые могут возникнуть лишь из представления о какой-нибудь нанесенной ему обиде; но так как обиду вызывают презрение или намерение причинить вред, а не зло, то люди, не умеющие ни оценивать друг друга, ни сравнивать себя друг с другом, могут учинить один по отношению к другому много действий насильственных, когда им от этого бывает какая-либо польза, не вызывая друг у друга обиды. Словом, так как каждый человек смотрит на себе подобных почти так же, как если бы перед ним были животные другого вида, то он может отнимать добычу у более слабого и уступать свою добычу более сильному, и смотреть на эти грабежи лишь как на естественные процессы, не испытывая ни малейшего ощущения гордыни или досады и не ведая никакого иного чувства, кроме радости за успехи или боли за неудачу.
[...]

(их) однажды могли бы возразить, что при такого рода раздорах люди, вместо того, чтобы упорно истреблять друг друга, рассеялись бы по всей земле, если бы этому рассеянию не препятствовали никакие границы. Но, во-первых, границами этими по меньшей мере должны бы быть границы мира, и если мы подумаем о чрезвычайно быстром росте населения, который является

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
результатом естественного состояния, то мы поймем, что земля при этом
положении вскоре оказалась бы заполненою людьми, принужденными таким
образом жить друг подле друга. К тому же, они бы рассеялись по земле, если
бы беда возникла сразу и если бы изменение это свершилось в течение одних
суток. Но они рождались под ярмом, они уже привыкли носить его, когда
почувствовали его тяжесть, и потому довольствовались тем, что ожидали
случая его сбросить. В конце концов, они привыкли уже ко множеству удобств,
которые вынуждали их жить друг подле друга, и в силу этого им было уже не
так легко рассеяться

ISO Жал Жак Руссо

по земле, как в первобытные времена, когда каждый нуждался лишь в себе
самом и принимал решение, не дожидаясь согласия другого.

(Х) Маршал де Виллар191 рассказывает, что когда во время одной из его
кампаний из-за колоссального мошенничества одного из поставщиков
продовольствия в его армии поднялся ропот недовольства, он сделал этому
поставщику сурое внушение и пригрозил, что прикажет его повесить. «Эта
угроза не может ко мне относиться, — дерзко ответил ему мошенник, — я смею
Вас уверить, что нельзя повесить человека, который располагает сотней тысяч
экт». «Я не знаю как получилось, — наивно продолжает маршал, — но он и в
самом деле не был повешен, хотя сто раз заслуживал виселицы».

(!) Полная равномерность в распределении была бы противна даже тому
строгому равенству, что присуще естественному состоянию, если бы эта
равномерность и была осуществима в гражданском обществе; и поскольку все
члены Государства обязаны служить ему сообразно своим дарованиям и силам
своим, то, в свою очередь, граждан следуют отличать и возвышать
соответственно их служению. Именно в этом смысле нужно понимать то место у
Исократа¹⁹², где он хвалит первых афинян за то, что сумели они отличить,
который из двух видов равенства более всего полезен: тот ли, что состоит в
предоставлении одинаковых преимуществ всем гражданам без различия, либо
тот, что состоит в распределении преимуществ соответственно заслугам
каждого. Эти искусные политики, добавляет оратор, отвергнув то
несправедливое равенство, которое не делает никаких различий между злодеями
и людьми добродетельными, неуклонно стремились к такому равенству, которое
вознаграждает и наказывает каждого соответственно его заслугам. Но,
во-первых, никогда не существовало такого общества, как бы низко оно ни
пало, где бы не делали никакого различия между злодеями и добродетельными
людьми, и в вопросах нравственности, где Закон не может достаточно точно
установить такое мерило, которое могло бы служить руководящим принципом для
магистрата, весьма мудрым является такой порядок, когда для того, чтобы
судьба или положение граждан в обществе не зависели исключительно от воли
магистрата, Закон запрещает ему судить людей как личности, и ему остается
судить лишь поступки. Только столь чистые нравы, как у древних римлян,
делали возможным существование цензоров, у нас же подобные должности через
короткое время перевернули бы все вверх дном. Общественное уважение должно
отличать злодеев от людей добродетельных. Магистрат — это судья лишь в
строго правовых вопросах; народ — вот настоящий судья нравов — судья
неподкупный и, в этом отношении, даже просвещенный; судья, которого иногда
обманывают, но которого никак нельзя подкупить. Ранг граждан должен,
следовательно, определяться не личными их достоинствами, что означало бы
дать магистратам возможность применять Закон почти произвольно, но на
основании той службы, которую они фактически несут Государству и которая
поддается более точной оценке.

РАССУЖДЕНИЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ОСНОВАНИЯХ НЕРАВЕНСТВА МЕЖДУ ЛЮДЬМИ

Как и первое «Рассуждение», это тоже написано на конкурсную тему,
объявленную Дижонской академией на 1754 год. Впервые напечатано в июне 1755
года.

Премия, однако, была присуждена сочинению другого соискателя — аббата
Тальбера, — произведению явно посредственному.

Комментарии 473

Впрочем, на этот раз и сам Руссо не рассчитывал на успех. Трактат вызвал
возмущение всего правого, буржуазного крыла Просвещения во главе с
Вольтером.

«Рассуждение» посвящено Женевской республике, т. е. всем гражданам Женевы,
являющимся членами Генерального Совета. Посвящение было встречено весьма
холодно Малым Советом, высшим органом исполнительной власти в Женеве,
который счел себя оскорблённым тем, что произведение не посвящено
непосредственно ему, не говоря уже о том, что идеи этого произведения были
враждебны представителям буржуазного патрициата.

По своему замыслу «Рассуждение» является как бы связующим звеном между
первым «Рассуждением» Ж. Ж. Руссо и статьей «О политической экономии»
(1755).

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org на русский язык переведено впервые в 1770 г.

Новейшее критическое издание – Ж. Л. Лесеркля (J.-J. Rousseau. *Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes. Introduction, commentaires et notes explicatives par J. L. Lecercle. Paris, 1954*) и «Сочинения» в библиотеке «Pleiade», т. III, Paris, 1964. Неоднократно переводилось на русский язык. Первый перевод – П. С. Потемкина (1770), последний по времени перевод – С. Н. Южакова (1907).

1. Как сообщает Руссо в «Исповеди» (Избр. соч., т. III, стр. 342), это «Посвящение» он начал писать в Париже до 1 июня 1754 г. – дата отъезда его и его гражданской жены Терезы Ле-Вассер в Женеву, а закончил по дороге туда в Шамбери и пометил этим пунктом 12 июня 1754 г.

Вероятно, во время своего пребывания в Женеве (июнь–октябрь 1754 г.) Руссо по секрету и познакомил некоторых женевцев с текстом этого «Посвящения». Во всяком случае Ж. Ф. де Люк в своем письме к Руссо от 20 января 1755 г. говорит о его «замечательном «Посвящении». В некоторых письмах, посланных Руссо из Парижа, по возвращении из Женевы, он сообщал, что сначала намерен был получить предварительное согласие Генерального Совета на опубликование этого «Посвящения», но убедился, что в случае обращения туда встретил бы отказ.

Когда началось печатание книги, Руссо старался сделать так, чтобы Совету были посланы ее первые экземпляры. Как свидетельствует запись в протоколах Совета от 18 июня 1755 г., получив текст «Посвящения» вместе с письмом от Руссо от 4 июля, там решили, поскольку оно уже отпечатано, не подвергать его обсуждению, выразив лишь свое удовлетворение тем, что один из сограждан прославляет себя произведениями, говорящими о его выдающихся дарованиях. В таком же духе высказались в своих личных письмах к Руссо первый Синдик Ж. Л. Шуэ и его предшественник дю Пан. Впрочем, второй из них заметил, что автор «Посвящения» явно польстил магistratам Женевы, представив их такими, какими они должны были бы быть, а не такими, каковы они в действительности. Такого же рода упрек прозвучал и среди отзывов печати; например, формой прямо писал,

474 В. С. Алексеев-Попов, Л. В. Борщевский

что нарисованная Руссо картина жизни Женевы относится к области утопии, а не к реальной действительности.

2. ...уже тридцать лет тружусь... – Здесь Руссо явно преувеличил давность своих размышлений и трудов на темы гражданского характера, отнеся их начало к дням своей юности.

3. ...и о неравенстве, которое установлено людьми... – Следует учитывать глубокие различия между содержанием «Посвящения», адресованного буржуазному патрициату Женевы, и содержанием самого «Рассуждения», пронизанного ненавистью ко всем видам неравенства.

4. Аристотель (384–322) – величайший древнегреческий философ.

5. Еще Монтескье в «Размышлениях о причинах величия и падения римлян» (гл. IX) указывал на то, что республиканский строй может удержаться лишь в стране, ограничивающей размеры своей территории (Избр. произв., стр. 85–88).

6. ...склониться под какое-либо иное. – В 1751 г. Руссо писал женевцу Марсэ де Мезьеру: «я понял всю цену свободы, так как был вынужден жить среди рабов. Как вы счастливы, живя в лоне своей семьи и вашей страны, живя среди мужей и повинуясь только законам, т. е. разуму».

7. ...налицо один правитель, принадлежащий данному народу, а другой – чуждый ему... – В оригинале это выражено сложно: «*s'il y a un chef national et un autre étranger*». Второй из них это, вероятно, римский папа. Термин «national» в смысле «национальный» почти не встречается у Руссо в связи с тем, что термин «нация» (*nation*) у него не отделился еще от термина «народ» (*peuple*).

8. ...вышел из-под гнета Тарквиниев. – Тарквиний Гордый (VI в. до н. э.), по преданию последний царь древнего Рима, был изгнан в результате восстания.

9. ...выгодно его захватить. – Женева граничила с Савойей, Швейцарскими Кантонами и Францией, правительство которой вело значительные денежные дела с женевскими банкирами.

10. ...одним только магистратам. – Руссо, таким образом, защищает одно из тех исключительных прав патрициата Женевы, против которых он впоследствии так решительно выступит в «Письмах с Горы», отстаивая права и свободы большинства ее населения. По акту о посредничестве 1738 г. Генеральный Совет, включивший всех граждан, получил широкие права: выборов должностных лиц, заключения договоров, издания законов и введение налогов. Однако при этом устанавливалось, что ни одно предложение не может вноситься в этот Совет до того, как оно обсуждалось и было одобрено в Совете двадцати пяти и в Совете двухсот, что фактически давало семьям патрициата право контроля над Генеральным Советом.

11. ...устройство первых Правлений. – Ниже об этом состоянии «зарождающегося общества» говорится, что оно наименее подвержено переворотам и является «лучшим для человека».

Комментарии 475

12. ...нарушили общественное согласие... – Намек на события гражданской войны 1737 г. в Женеве; о неизгладимом впечатлении, произведенном ими на Руссо, он гораздо более откровенно рассказал в V книге своей «Исповеди».

13. ...зловещим кривотолкам и ядовитым речам... – Этими словами Руссо осуждает недовольных Посредническим актом 1738 г.

14. ...о добродетельном гражданине... – Имеется в виду отец философа – Исаак Руссо, часовых дел мастер и одно время учитель танцев. В 1722 г. он покинул Женеву и поселился неподалеку, в г. Нийон; умер в 1747 г. в Лионе.

15. ...книги Тацита, Плутарха и Грация... – Плутарх из Херонеи (Беотия) (ок.

46–126 гг. н. э.,) – величайший древнегреческий писатель-моралист, отчасти философ, но работы его в этой области (т: н. моралии) эклектичны и особого значения не имеют. Бессмертие принесли Плутарху его «Сравнительные жизнеописания» выдающихся греческих и римских деятелей, имевшие огромную популярность и влияние на общественную мысль XVII и в особенностях XVIII в. Греции, Гуго (1583–1645) – нидерландский законовед, государственный деятель и историк, выдающийся авторитет в области буржуазной теории естественного права и происхождения государства из общественного договора.

16. ...граждане и даже простые обитатели... – Гражданами (*citoyens*) в Женеве считались полноправные подданные Республики; вторую группу составляли уроженцы (*natifs*), которые могли рассчитывать перейти в первую, члены же третьей, низшей группы, именовавшиеся обитателями (*habitants*), пользовались лишь правом проживания на территории Женевы и могли заниматься там определенной профессией, но были полностью лишены каких бы то ни было политических прав.

17. ...память о тех злосчастных событиях... – Имеются в виду события гражданской войны в Женеве в 1737 г.

18. ...любовь к земной отчизне, что их кормит. – Речь идет о церковнослужителях Женевы; идеализируя их, Руссо приписывает им высокие моральные качества; впоследствии же они выступают активно против «Общественного договора» и «Эмиля».

19. ...общества богословов и литераторов... – (*Societe de Theo-logiens et de Gens de Lettres*). – Речь идет, вероятно, об Академии, учрежденной Кальвином в Женеве в 1559 г.

20. ...принципы тех варваров, что считаются священными... – Вероятно, здесь имеется в виду деятельность ордена иезуитов и кровавая практика инквизиции.

21. ...и наименее продвинувшимся из всех знаний... – До нас дошел в виде фрагмента набросок несколько иного текста начала этого «Предисловия» (Библиотека г. Невшателя, рукописи № 7854, л. 17 об.): «Если верно, что надпись дельфийского храма представляет собой одно из наиболее полезных наставлений человеческой мудрости; если верно, что для человека столь важно

476 в. С. Алексеев-Попов, л. В. Борщевский
познать себя, – то нельзя отрицать, что тема этого рассуждения составляет один из наиболее важных вопросов из числа тех, которые философия могла бы...». Впоследствии в «Эмиле» Руссо изменит свою точку зрения и будет считать, что эта задача должна следовать за приобретением других знаний.

22. ...надпись дельфийского храма... – Дельфы – общегреческий религиозный центр в Фокиде, у подножья горы Парнас, известный своим оракулом и храмом Аполлона. Древнейший храм здесь был сооружен в середине IX в. до н. э. легендарными зодчими Трофонием и Агамедом. На его внутренних колоннах золотом были начертаны изречения семи мудрецов: «Хорошо во всем соблюдать меру»; «все наперед обдумай»; «лови время»; «много рук напортят дело»; «поручишься – намучишься»; «познай самого себя»; «ничего слишком». Руссо имеет в виду предпоследнее изречение.

23. Подобно статуе Главка... – Главк – морское божество в мифологии древних греков. Скульптурные изображения представляют его в образе получеловека-полурыбы, с грудью, покрытой водорослями и раковинами, с длинными волосами и бородой. Саму эту метафору Руссо мог встретить у Платона («Государство», X, 611), хотя там она использована в ином,

характерном для Платона идеалистическом смысле: соединенная с телом душа

настолько изменяется, что ее бессмертная природа становится неузнаваемой.

24. ...состояние... которое, быть может, никогда не существовало... – Это место вызывало множество истолкований. Его объясняли стремлением Руссо оградить себя от нападок со стороны богословов, но против этого говорит широкая распространенность представлений о естественном состоянии в литературе Просвещения. Указывалось, что, оценивая это представление как гипотезу, он мог иметь в виду отсутствие убедительных фактических доказательств существования в далеком прошлом этого состояния, – но ведь на протяжении

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org этого же «Рассуждения» Руссо не раз применяет чисто рационалистический метод доказательств, не говоря уже, например, о всецело построенном на этом методе «Общественном договоре». Значительно позже, отвечая на нападки архиепископа Парижского на эту книгу, Руссо писал: «Этот [естественный] человек не существует, говорите вы, пусть будет так, но мы можем допустить его существование» («Письмо Крис-тофу Бомону»). Впрочем, и Пуфendorf полагал, что в действительности естественное состояние существовало только частично и в ограниченном виде.

25...Аристотелей и Плиниев нашего века. – Плинний – имеется в виду Плинний Старший (23–79 гг. н. э.) – древнеримский писатель, ученый. Главный его труд «Естественная история в 37 книгах» представляет собой своеобразную энциклопедию. В данном случае имена Аристотеля и Плиния служат Руссо в собирательном и переносном смысле для обозначения современных ему философов и естествоиспытателей.

Комментарии 477

26. Бурламаки Жан Жак (1694–1748) – швейцарский законовед и публицист, занимал в Женевской Академии кафедру естественного права, видным теоретиком которого являлся. В своих сочинениях он ищет основы этого права, основы нравственности и политики в первоначальной природе человека, с чем Руссо не был согласен. Здесь Руссо цитирует вышедшее в 1747 г. сочинение Бурламаки «Принципы естественного права» (гл. I, § 2).

27. ...для их общего сохранения. – Один из главных авторитетов римского права Ульпиан (170–228 гг. н. э.) давал следующее определение: «Естественное право – это то, чему природа учит все живые существа» (Дигесты, I, I, 1). Формулировка эта восходит к взглядам стоиков. Руссо мог знать об этой позиции «древних» из сочинения Пуфendorфа («Право естественное и право международное»), которого в этом вопросе комментировал его французский переводчик Барбейрак (кн. II, гл. II, § 3, прим. 7).

28. ...уже в самом этом обществе. – Это представление о весьма постепенном процессе развития человека и его разума существенно и выгодно отличают Руссо от его предшественников – теоретиков естественного права.

29. ...простейших действиях Человеческой души... – Психологические воззрения Руссо находятся под влиянием сенсуализма Кондильяка. Человек, в понимании Руссо, существо сначала чувствующее, а лишь потом уже мыслящее. Естественное право основано поэтому на двух принципах, предшествующих появлению разума: себялюбии и сострадании. Себялюбие (*amour de soi*) как императив самосохранения, естественный и законный, Руссо при этом противопоставляет самолюбию (*amour propre*), рождающемуся из сравнения с другими людьми, источнику зла для совести и для общества. Необходимо, таким образом, иметь в виду отличие данного словоупотребления от принятого в русском языке.

30. ...добавлять сюда еще свойство общежительности... – В заключающемся здесь совершенно произвольном утверждении Руссо о сугубо индивидуальном образе жизни человека в естественном состоянии заключается существенное расхождение его со взглядами по этому вопросу философов его эпохи, в частности с Дидро, чью позицию Руссо критикует позже в первом варианте «Общественного договора».

31. ...прежде, чем делать из него человека. – Это положение связано с утверждением Руссо о том, что появление чувствительности предшествует формированию разума. Основывая нравственную сторону жизни человека именно на первой черте, свойственной всем людям, он, в отличие от энциклопедистов, выводивших нравственную жизнь из разума, что исключало из нее «непросвещенный» народ, придавал тем самым большую демократичность своей общефилософской позиции.

32. ...мучениям по вине другого. – Эти воззрения восходят к мыслям античных авторов, особенно в их описаниях золотого века (см., например, Сенека. Послания к Луцилию, ХС, 45).

478 В. С. Алексеев Попов, Л. В. Борщевский

Эти мысли Руссо мог встретить и у Монтеня («Опыты», кн. II, гл. XI, «О жестокости», стр. 125).

33. ...при разрешении вопроса о происхождении неравенства в положении личностей... – Здесь фигурирует нелегкое для истолкования, а значит и для перевода, понятие о «*inegalite morale*». Трудность понимания определения «*moral*» связана прежде всего с тем, что по традиции оно воспринимается как «моральный», т. е. относящийся к нравственности. Действительно, оно употребляется Руссо и в этом смысле, но, например, не в данном случае, ибо было бы бессмысленно говорить о нравственном неравенстве людей. Поэтому тут мы предлагаем понимать «*inegalite morale*» как «неравенство в положении личностей». Мы встретим еще это понятие в его принятом в XVIII в. значении антонима «физический» и тогда передадим как «духовный», а иногда как «условный» (*personne morale*), т. е. опять-таки личность, не имеющая своего

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org физического естества.

34. ...то, что создано божественной волей... – здесь, как и в ряде аналогичных мест, проявляется дуализм позиции Руссо в проблемах происхождения человека, общества и государства. Явное преобладание у него в целом реалистической тенденции позволяет все же считать некоторые из таких упоминаний о роли «божественной воли» уступкой дейстивческого характера.

35. Персии, Флакк (34–62 гг. н. э.) – римский поэт; в дошедших до нас шести его сатирах, проникнутых влиянием философии стоиков и представляющих подражание Горацию, он осуждает испорченные нравы своего времени, рассуждает об истинной свободе.

36. В настоящем издании опущены примечания, посвященные вопросам естественно-исторического характера, уже устаревшие, и сохранены те, в которых нашли свое отражение социальные воззрения Руссо. Изменена в связи с этим и нумерация примечаний.

37. Одни не колебались предположить... – См. Гуго Греции. О праве войны и мира. Вступление, § IX.

38. Другие говорили... – См. Д. Локк. О государственном правлении, книга вторая «О гражданскоом правлении», гл. II «О естественном состоянии», § 4.

39. Третья, наделив сперва... – См. Т. Гоббс. О Гражданине, I, XIV.

40. ...к писаниям Моисея... – Имеется в виду включающее десять заповедей так называемое законодательство Моисея, записанное им, согласно Библии, непосредственно со слов Бога (Библия, вторая книга Моисеева, гл. 20–24).

41. Начнем же с того, что отбросим все факты... – Примеры, рассмотренные Руссо, не могли содержать данных, подтверждающих существование одинокого доисторического человека; тем решительнее он отбрасывает саму возможность и необходимость обращения к истории и этнографии и провозглашает достаточность метода чисто аналитического, националистического.

Комментарии " 479

Но эта решимость отбросить факты могла иметь еще другой смысл и другое значение. Можно было считать, что Руссо имеет в виду те факты, при помощи которых объясняла происхождение вселенной и человека религиозная, библейская традиция, приписывавшая сотворение их Богу. Среди авторов XVII в., известных Руссо, у него были в этом отношении предшественники. Так Б. Ламя еще в 1737 г. в своей «Риторике» отстранял версию Библии, чтобы объяснить изобретение языка людьми, «рожденными землей». Это было повторено в 1749 г. Кондильяком во второй части его «Оыта о происхождении человеческих знаний».

42. ...наши натуралисты. – Намек на «Теорию земли» Бюффона и «Опыт Космологии» Мопертюи.

43. ...предоставлен самому себе. – В этих словах видели отзвук известной фразы из «Апологии Раймунда Сабунского» Мон-теня: «Рассмотрим с этой целью человека, взятого самого по себе, без всякой посторонней помощи, вооруженного лишь своими человеческими средствами...» («Опыты», кн. II, гл. XII, стр. 141).

44. ...нахожусь в Лицее афинском... – Лицей, или Ликей – первоначальное название священной рощи, расположенной вблизи древних Афин, где сооружен был храм Аполлона Ликейского, потом – здания для гимнастических игр. Там в 335 г. до н. э. Аристотель основал философскую школу, носившую это имя и просуществовавшую до IV в. н. э.

45. ...имея судьями Платонов и Ксеонократов. – Ксенократ древнегреческий философ (394–314 гг. до н. э.), один из первых учеников Платона и его преемник в Академии, известный чистотой своих нравов; до нас дошли лишь незначительные отрывки из его сочинений. Образ Ксенократа Руссо мог встретить у Монтеня («Опыты», кн. II, гл. XXXIII, стр. 473).

46. ...стал в конце концов тем, чем он стал. – Позиция Руссо в вопросе об эволюции видов ограничена и выражена не отчетливо. Дидро в своем сочинении «Об истолковании природы» (XI–XII) высказался по проблеме эволюции гораздо смелее и определеннее.

47. Гоббс утверждает... – См. «О Гражданине» (I, 4 и 12) и «Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (Избр. произв. в двух томах, т. 2, стр. 150–151). Находя в самой природе людей такие три основные причины войн их друг с другом, как соперничество, недоверие и жажду славы, этот философ видел в них в свою очередь следствие первоначального равенства физических и в еще большей степени духовных способностей человека (в то время как Руссо подчеркивал неравенство сил и способностей людей в естественном состоянии).

48. Один знаменитый философ... – Речь идет о Монтескье, который в своем произведении «О духе законов» (кн. I, гл. II) писал, что человек в естественном состоянии «чувствует лишь свою слабость» и что поэтому «стремление нападать друг на друга чуждо таким людям» (избр. произв., стр. 165–166).

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

480 В. С. Алексеев Попов, Л. В. Борщевский

49. Камберленд Р. (1631–1718) – епископ англиканской церкви, автор трактата о естественных законах (1672), переведенного на французский язык Барбейраком (1744). Тезису Гоббса о «войне всех против всех» Камберленд противопоставляет закон всеобщей благожелательности.

50. Пуфendorf, Самуил (1632–1694) – немецкий законовед, теоретик естественного права, учение о котором он использовал, однако, не для борьбы с феодализмом и абсолютной монархией, а для узаконения феодально-крепостнических порядков. Основные труды его «О праве естественном и праве международном» и «Об обязанности человека и гражданина по естественному праву». В данном случае Руссо имеет в виду первое из этих сочинений (кн. I, гл. I и II).

51. ...говорит Франсуа Кореаль... – Кореаль, Франциско (1648–1708) – автор «Путешествий в Западную Индию», первый том вышедшего в 1722 г. французского перевода которых Руссо почти дословно цитирует здесь (ч. I, гл. VIII, стр. 117).

52. ...не замечают этого сами. – Древние авторы, описывая золотой век, начиная с Гесиода («Труды и дни», стих 116), именно так описывали безболезненную кончину счастливых людей.

53. ...мнение Платона. – См. «Государство», кн. III, 405 – 406.

54. Подалирии и Махаон – сыновья Асклепия, врачи в архейском войске, осаждавшем Трою (их имена фигурируют во II, IV и XI песнях «Илиады» Гомера). Фенелон упомянул их в XII книге «Приключений Телемака».

55. Цельс, Авл Корнелий – римский писатель I в. до н. э., давший в своем энциклопедическом сочинении лучшее, систематизированное и критическое изложение основ античной медицины.

56. Гиппократ (ок. 460–377 гг. до н. э.) – выдающийся греческий врач и естествоиспытатель, один из основоположников античной медицины. В настоящее время считается, что диета была введена задолго до Гиппократа.

57. ...согласно Кореалю... – См. «Путешествия Франсуа Коре-ала в Западную Индию». Париж, 1722, т. I, ч. I, гл. V, стр. 85.

58. ...в Мексике называют тлакатцином... – Животное, о котором идет речь, это, по-видимому, опоссум, из семейства сумчатых.

59. Лаэт, Жан (1593–1649) – голландский географ, натуралист. Он изложил наблюдения, сделанные мореплавателями Маркграфом и Пизоном во время экспедиций, предпринятых Голландской компанией Западной Индии, в книге «Новый свет, или Описание восточной Индии», появившейся сначала по-голландски, затем по-латыни в 1633 г., переведенной на французский язык в 1650 г. Тлакатцин упоминается на стр. 143 этого издания.

60. ...готтентоты мыса Доброй Надежды... – Главным источником сведений Руссо о готтентотах была цитируемая им ниже

Комментарии 481

книга П. Кольбе «Описание мыса Доброй Надежды», изданная на франц. языке в Амстердаме в 1741 г. и вошедшая затем в V том «Всеобщей истории путешествий», изданной в Париже в 1748 г., откуда Руссо и делал обширные выписки; см. также в книге Ж. Шинар (G. Chinar. L’Amerique et le reve exotique dans la litterature franvaise au XVII et au XVIII siecle, Paris, 1934, I, 34 и в статье Ж. Пира («Revue d’histoire lettcraire de la France», 1956, p. 355–378).

Из всех авторов работ, поданных на конкурс Дижонской академии, Руссо единственный так тщательно работал над материалами путешествий, черпая в них данные по этнографии и антропологии (см. R. Tisserand. Les concurrents de J.-J. Rousseau a l’Akademie de Dijon pour le prix de 1754. Paris, 1936).

61. Во всяком животном я вижу лишь хитроумную машину... – В этом сравнении проявляется влияние на Руссо идей механистического материализма, выраженных, в частности, в книге Ламетри «Человек–машина».

62. ...человек отличается... от животного лишь как большее от меньшего. – Руссо не выделяет человека из царства животных, как существо разумное. Он не признает картезианского противопоставления разума ощущениям. Эти его мысли навеяны идеями сенсуализма.

63. ...способности к совершенствованию... – В этом месте заключена полемика с Кондильяком, ибо Руссо пытается воссоздать историю человека как рода, а Кондильяк пишет историю человека как индивидуума.

64. ...подсказал обитателю берегов Ориноко, как применять дощечки... – Ф. Кореаль в своем сочинении (т. I, стр. 260–261) рассказывает, что племена, обитающие между Ориноко и Амазонкой, «имеют смешной обычай сплющивать голову и лицо своих детей сейчас же после их рождения. Они помещают для этого голову между двумя предназначеными для этого дощечками». Вольтер в своих заметках на полях этого «Рассуждения» записал, что дикиари сплющивают детям лоб, чтобы они могли стрелять в птиц, пролетающих над их головами.

65. ...а разум человеческий все же многим обязан страстиам... – Руссо возражает

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org тут христианским моралистам, с присущим им осуждением страстей и проповедью аскетизма и «умерщвления плоти». Он во многом опирается на Монтеня, утверждавшего, что большинство добрых действий нашей души нуждаются в импульсе и ими вызваны («Опыты», кн. II, гл. XII). Еще более энергичную защиту страстей предпринял Дидро, заявивший в своих «Философских мыслях», что только страсти, и притом великие страсти, могут подвигнуть душу на великое дело. Бурла-маки видел в страстях причину, вызвавшую отход человека от естественного закона («Принципы политического права», гл. III, IV). Оригинальность Руссо в этом вопросе состоит в мысли о взаимозависимости страстей и разума с момента появления понятия о потребности. Таким образом, в представлениях об эволюции 16–3575

482 В. С. Алексеев-Попов, Л. В. Борщевский

оказались тесно связанными потребности, видоизменения в нравственном облике человека и в развитии его умственных способностей. Кондильяк также писал, что наши «потребности упражняют наши способности» («Трактат об ощущениях», IV, 9, 3).

66. ...отделяясь от животного состояния. – Наблюдение это сделано еще античными философами (см. например, Цицерон. *De officiis*, I, XI), встречается оно и у Монтескье в «Духе законов», кн. I, гл. I.

67. ...вместе с разливами Нила. – Это утверждение, само по себе отнюдь не оригинальное, вместе с тем представляет собой явный отказ от наивно идеалистического объяснения происхождения наук и искусств из пороков человека, дававшегося Руссо в первом «Рассуждении».

68. Еврот – наибольшая река Лакедемона (Сpartы).

69. ...чем народы Юга... – Здесь Руссо воспроизводит мысли Монтескье, введшего в широкий оборот идеи географического материализма, писавшего в «Духе законов», что «бесплодие земли делает людей изобретательными, воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне; ведь они должны сами добывать себе то, в чем им отказывает почва» (кн. XVIII, гл. IV «Прочие следствия плодородия и бесплодия страны»). Вольтер в своих замечаниях на полях этого «Рассуждения» Руссо не согласился с этими мыслями и написал: Это неверно – все искусства идут из теплых стран».

70. ...на ближайшую ночь. – Сведения эти взяты из цитируемой ниже книги отца дю Тертра «Общая история островов св. Христофора, Гваделупы и Мартиники и других в Америке», 1654; дополненное издание вышло в 1667 г. под названием: «Общая история Антильских островов, обитаемых французами».

71. Ср. С. Пуфendorf. О праве естественном и о праве международном, кн. I, гл. 11, § 2.

72. ...с вопросом о происхождении языков. – Проблема эта привлекала Руссо прежде всего своим общесоциологическим аспектом. В то время как традиция, восходящая к Аристотелю («Политика», I), видела своего рода атрибуты изначальной природы человека в его социабельности и в обладании речью, Руссо видит в этом приобретении, сделанные человеком только лишь в ходе длительного исторического пути его развития. См. также принадлежащий Руссо «Опыт о происхождении языков», опубликованный только после его смерти (Избр. соч., т. I, стр. 221 – 267). Эта проблема в середине XVIII в. привлекала большое внимание. Мопертюи посвятил ей свои «Философские размышления о происхождении языков и значении слов» (1748), Дидро – «Письма о глухонемых» (1751).

73. ...исследование по этому вопросу г-на аббата де Кондильяка... – Имеется в виду «Опыт о происхождении человеческих знаний» (1746), написанный в то время, когда его автор, живя в Париже, находился в близких отношениях с Дидро и Руссо. На замечания последнего Кондильяк ответил в одном из примечаний.

Комментарии 483

ний к своей «Грамматике», входящей в его «Курс уроков принцу Пармскому», т. II, 1775.

Кондильяк, Этьен Бонно де Кондильяк (1715–1780), младший брат философа-моралиста аббата Габриэля Бонно Мабли – выдающийся представитель французского сенсуализма, в разработку которого он внес значительный вклад своим «Трактатом об ощущениях» (1754), представляющим его главный труд.

74. ...его собственным созданием. – Это гипотеза Кондильяка («Опыт о происхождении человеческих знаний», ч. II, разд. I, гл. I, § 7).

75. ...изобрести искусство речи... – Этую трудность увидел до этого и Кондильяк (назв. соч., ч. I, разд. II, гл. V, § 49), разрешая ее разделением языков на инстинктивный и рассудочный.

76. ...крик самой природы. – Эта мысль также уже была выдвинута Кондильяком, различавшим три вида знаков: 1) случайные, 2) естественные, или крики, которые природа создала для выражения ощущения радости, страха и т. д., 3) выбранные самими людьми (назв. соч., ч. I, разд. I, гл. IV, § 35). Таким образом, «крик природы» это самый простой вид естественных знаков, к числу

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org которых Кондильяк относит также жесты.

77. ...смысл целого предложения. – Эта мысль также уже была высказана Кондильяком (назв. соч., ч. I, разд. I, гл. IX, § 82); ее мы находим также у Мопертюи («Рассуждение о различных способах, которыми люди пользовались для выражения своих понятий» (Сочинения, т. III. Лион, 1756, стр. 444).

78. ...единственным временем глаголов. – Ср. Кондильяк, назв. соч., ч. II, разд. I, гл. IX, § 85.

79. ...а что до прилагательных... – И тут мысль Руссо совпадает с выводом Кондильяка (назв. соч., ч. II, разд. I, гл. IX, § 82), в то время как Дидро придерживался противоположной точки зрения, полагая, что прилагательные возникают первыми («Письма о глухонемых». – Собр. соч., т. I).

80. ...обширнее становился словарь. – Кондильяк, напротив, считал это невозможным (назв. соч., ч. II, разд. I, гл. X, § 102).

81. ...нужно, следовательно, говорить, чтобы иметь общие понятия... – Эта номиналистская теория общих понятий навеяна Локком («Опыт о человеческом разуме», II, 11 и IV, 7, 9), где он пишет: «Первопонятие в уме – это понятие об отдельных предметах, от которых разум возвышается незаметными ступенями к небольшому числу понятий более общих». Руссо «слово» и «понятие» объединяет более тесно, чем Локк, и в еще большей мере, чем Кондильяк, для которого слово это всего лишь «знак понятия» (см. Кондильяк, назв. соч., ч. I, разд. IV, гл. I).

82. ...средств чисто человеческих... – Руссо как бы вынужден к этому признанию, не видя выхода из противоречий, к которым приводит стремление объяснить происхождение языков без вмешательства посторонних сил. В то же время ясно, что это признание наносит сильный удар всей исторической и во многом материалистической концепции происхождения неравенства, развитой 16*

484 В. С. Алексеев-Попов, Л. В. Борщевский

в данном «Рассуждении». Это со злорадством подметил филолог Н. Возе (1717–1789), в статье «Язык» в «Энциклопедии»; не мог скрыть позже своей радости по поводу этой слабости Руссо и такой идеолог аристократической реакции, как Жозеф де Местр («Санкт-Петербургские вечера», беседа вторая).

83. ...мало подготовила она их способность к общежитию... – Мысль о врожденной социабельности человека поддерживалась в древности Аристотелем, Цицероном, стоиками, в новое время – Пуфendorfом, Барбейраком, энциклопедистами – Дидро, Жоку-ром. Руссо отрицаает существование природной социабельности в естественном состоянии, поскольку она основана на удовлетворении потребностей, не существующих еще в этом состоянии. Впрочем, позиция Руссо в этом вопросе не была последовательной и постоянной. Например, в «Исповедании веры Савойского викария», он склонен признать существование у человека от природы в потенции некоторых зачатков чувства социабельности.

84. ...столь несчастного, как человек в этом состоянии. – Такого рода суждение было распространено в социологической мысли XVII и XVIII вв., но в данном случае Руссо отвечает непосредственно С. Пуфendorфу («О праве естественном и о праве международном», кн. II, гл. I, § 8).

85. ...ни пороков, ни добродетелей... – Руссо считал, что естественный человек добр, не сознавая этого, а только гражданин, связанный общественным договором, может быть добродетельным. Мысль Руссо будет колебаться между идеалом естественной доброты и высшим моральным идеалом гражданской добродетели. Только разум, умение рассуждать и сравнивать себя с другим человеком в ходе постоянных отношений с ним рождают в человеке понятия о морали, о добре и зле в нравственном смысле.

86. ...заключать вместе с Гоббсом... – Этот философ, охотно цитируемый Пуфendorfом, писал: «В естественном состоянии мы находим лишь страсти, правящие на свободе, войны, страх, бедность, ужас, одиночество, дикость, невежество, жестокость» («О Гражданине», гл. I, § 1). Французский переводчик Гоббса Барбейрак возражал против этого, предвосхищая, таким образом, несогласие Руссо.

87. ...мнит себя единственным обладателем всего мира. – Руссо поддерживает принцип Гоббса – «Природа дала каждому человеку право на каждую вещь». В то же время он категорически отрицает вывод Гоббса о неизбежности состояния «войны всех против всех» в дообщественном, естественном состоянии.

88. Злой, – говорит он... – Вольтер в своих замечаниях подчеркнул слово «злой» и написал: «Дикарь не в большей мере является злым, чем волк, испытывающий голод».

89. ...отвращением, которое он испытывает при виде страданий ему подобного. – Сходное место встречается у Дидро (Oeuvres, IV, стр. 101). Это можно объяснить, по-видимому, тем, что эти вопросы ими часто обсуждались и их точки зрения совпадали.

Комментарии 485

90. ...самый злостный хулитель добродетелей человеческих. – Руссо имеет в виду Б. Мандевилля, автора «Басни о пчелах» (1723 и 1728) (франц. перевод

- Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org 1740), в которой проводится мысль о том, что индивидуальные пороки обусловливают процветание общества, а добротель ведет к разорению.
91. ...автор «Басни о пчелах»... – Речь идет о Б. Мандевилле (см. предыдущее примечание) и приводится краткое изложение отрывка из этого его сочинения (франц. перевод 1740 г., т. II, «Опыт любви к людям», стр. 27–29).
92. Слова эти, сказанные о скифах в «Истории» Юстина (II, 15), представляющей собой изложение 44 книг «Истории» Помпея Трога, Руссо взял, вероятно, в хорошо знакомой ему книге Г. Гроция «О праве войны и мира» (кн. II, гл. II, §2).
- Юстин, Марк Юниан, римский историк II в. до н.э.
93. Сулла – римский диктатор (138–78 гг. до н. э.), представитель наиболее реакционной части крупных землевладельцев-оптиматов. О его чувствительности см. Плутарх. Сравнительные жизнеописания, т. II, стр. 144.
94. ...этому Александру Ферскому... – Пример этот взят у Монтеня («Опыты», кн. II, гл. XXVII, «Трусость мать жестокости»); первоисточником же служит Плутарх. – «Сравнительные жизнеописания», т. I. «Жизнь Пелопида», XXIX. Александр Ферский – тиран в ферах, в Греции, в 70 г. до н. э., известный своей жестокостью: он закапывал своих врагов живыми в землю или бросал на растерзание диким зверям.
95. ...вместе с Андромахой и Приамом... – Андромаха – жена Гектора, легендарного героя Троянской войны, сына Приама, царя Трои; они выведены в поэме Гомера «Илиада».
96. Ю в е н а л. Сатиры, XV, II, 131 – 133.
- Ювенал – римский поэт (ок. 60 – 130 гг. н. э.). Его критика нравственного упадка рабовладельческого Рима былаозвучна Руссо.
97. ...на место того, кто страдает... – Это говорил Ларошфуко в своих «Моральных рассуждениях». Руссо читал эту книгу вместе с г-жей Варан (см. «Исповедь»). – Избр. соч., т. I, стр. 89). См. также Жан де Лабрюйер. Характеры, гл. IV «О сердце», № 48. М.-Л., 1964, стр. 92. Два принципа моральной жизни, предшествующие разуму: любовь к себе и сострадание, обладают разной природой, но Руссо не сомневается, что они могли быть одной и той же природы. В «Эмиле» он их сближает, объединяет – сострадание вытекает из любви человека к самому себе.
98. ...отождествить себя с тем, которого убивают. – Здесь Руссо полемизирует с Б. Мандевиллем.
99. Поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобою... – Заповедь христианской религии, сформулированная в Евангелии от Матфея, 7, 12 и в Евангелии от Луки, 6, 31.
100. ...который должен был бы подчиняться. – Хотя Руссо в первой части «Новой Элоизы» и протестовал против угнетения
- 486 В. С. Алексеев-Попов, Л. В. Борщевский
женщины, которую выдают замуж из соображений выгоды, вопреки ее желанию, тем не менее его взгляды на положение женщины не выходят за рамки буржуазного кругозора. Как известно, и французская революция XVIII в. не поставила проблему эмансипации женщины, а «Гражданский кодекс» Наполеона I закрепил ее зависимое положение. Даже Вольтер против слов о подчинении написал: «Почему?», ибо в отличие от Руссо не признавал естественного неравенства между полами и считал, что женщины могут делать все то же, что и мужчины.
101. Ср. Монте нь. Опыты, кн. I, гл. XXXI, «О каннибалах».
102. ...огородив участок земли... – В литературе вопроса вслед за Шатобрианом («Гений христианства», ч. III, кн. II, гл. VI) видели прообраз всей этой сцены в словах Б. Паскаля: «Эта собака моя – сказали эти бедняги; это мое место под солнцем. Вот начало и образ захвата всей земли» (Паскаль. Мысли, ч. I, гл. И. Париж, изд. Астье, 1883, стр. 404). Однако, несмотря на то, что после этого у Паскаля следует рассуждение о пагубности имущественного неравенства, все же связь мысли Руссо с этим отрывком весьма сомнительна.
103. ... требовали от них новой изобретательности. – Здесь налицо очевидное противоречие. Руссо говорит в данном месте не об одиноком человеке, а о человеческом обществе, ибо ни одно изобретение человека изолированного не могло быть передано детям и в их лице следующим поколениям.
104. ...движущая сила человеческих поступков... – Тут позиция Руссо формально совпадает с точкой зрения энциклопедистов, в действительности же они расходятся в понимании самого этого благополучия. Первые мыслят его более индивидуалистически, Руссо – более гражданственно.
105. ...он объединялся с ними в одном стаде... – Руссо тут отступает от своего тезиса о полном одиночестве первобытного человека и приближается к пониманию исторической истины. Дидро в «Продолжении апологии аббата де Прад» (§ 5) также говорит о том, что природа толкает человека к объединению в стадо, как она это делает с животными.
106. ...совершенствовались изобретательность и навыки. – Тут сказывается

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org просветительская переоценка духовного фактора и недооценка роли общественной практики.

107. ...своего рода собственности... – Попытка проследить постепенное ее образование есть шаг вперед по сравнению с картиной, нарисованной в начале II части. В этом отношении Руссо мог опереться на соответствующие мысли Платона («Законы», кн. III, 680–681). Бюффон в 1752 г. описал семейную организацию индейцев Северной Америки («Естественная история»).

108. Каждая семья превращалась в маленькое общество... – Затем Руссо откажется от этой мысли, чтобы вновь прийти к ней в окончательном тексте «Общественного договора».

109. ...и люди чувствовали себя несчастными, потеряв их, хотя они и не чувствовали себя счастливыми, обладая ими. –

Комментарии 487

Руссо не понимал, что рост потребностей движет развитие производства. Для него потребности – своего рода оковы, тормоз для развития. Один из источников этой мысли – Платон («Государство», кн. II, 369–373).

110. Ср. близкое к этому описание геологических катастроф в истории Земли у Бюффона («Естественная история», т. II).

111. ...человек от природы жесток... – Имеется в виду точка зрения Гоббса и то, что именно для смягчения нравов человек нуждается в системе внутреннего управления.

112. ...побуждаемый равно инстинктом и разумом... – Трудное для понимания место. Речь не может идти о самом древнем периоде, когда человек еще не пользовался разумом, и в то же время это стадия, предшествующая появлению собственности. Трудность понимания снимается, если видеть тут разум в зачаточном его виде. Ибо человек в естественном состоянии хоть и руководствуется одним инстинктом, но является свободно действующим.

113. ...согласно аксиоме мудрого Локка... – См. Локк. Опыт о человеческом разуме, кн. IV, гл. III, § 18.

114. ...какраз посередине (*juste milieu*)... – «Какая химера», – написал Вольтер против этого места. Более большая часть критиков поддержала это мнение (например, автор статьи в «Journal des savants». – «Журнал ученых», 1756, т. II, июнь, стр. 414).

115. ...не нарушавшими их независимость. – Описание счастливой жизни такого рода, общества, не знающего ни бедности, ни богатства, ни применения металлов, дал Платон («Законы», кн. III, 678, 679). Известно, что во Франции в первой половине XVIII в. был создан ряд социальных утопий (см. извлечения из них в издании: W. Гаусс. Die Reise nach Utopie. Berlin, 1964), но нам не известно о знакомстве с ними Руссо, кроме упоминаемой им в «Письмах с Горы» книги д. Вера с. История севарамбов. Знал же он, наверное, статью Дидро в первом томе «Энциклопедии» «Бакхиониты», в которой описываются философы, изгнавшие из своей среды пагубные различия между «твое» и «мое» и ставшие после этого счастливыми в той мере, в какой это дозволено человеку. Знал Руссо, конечно, и «Утопию» Томаса Мора.

116. ...одному полезно иметь запас пищи на двоих... – Проницательность этой мысли отмечена Ф. Энгельсом в «Анти-Дюринге» (Соч., т. 20, стр. 100).

117. ...обработки металлов и земледелие... – Дидро в статье «Земледелие» (Agriculture) в «Энциклопедии» также связывает его происхождение с появлением собственности.

118. ...этот огромный переворот. – Именно об этих строках Энгельс говорит, что учение Руссо в первом своем изложении, можно сказать, блестательно выставляет напоказ свое диалектическое происхождение. Руссо видит в возникновении неравенства прогресс, который был антагонистичен; он в то же время был и регрессом, ибо с каждым новым шагом вперед, который делает

488 В. С. Алексеев-Попов, Л. В. Борщевский

цивилизация, делает шаг вперед и неравенство («Анти-Дюринг», отд. I. – Соч., т. 20, стр. 143).

119. ...прочнее и лучше цивилизовано... – Здесь применен термин «*policer*», однозначный в данном случае с «*civiliser*».

120. ...залежи руды образуются только в бесплодных местах... – Таково было распространенное в XVIII в. в науке мнение, лишенное действительных оснований. Для Руссо это соображение говорило еще об одной трудности в прогрессе материальной культуры.

121. ...овощи и коренья... – Эту картину Руссо нашел, вероятно, в книге дю Тертра «Общая история островов св. Христофора», ч. V, гл. I, § 5.

122. ...область их применения. – См. Платон. Государство, кн. II, 369–371.

123. Когда древние, говорит Гракции, прозвали Цереру законодательницей... – Этот философ допускал существование первобытного коммунизма, первоначальной общественной собственности, в первую очередь на землю. Он, как и Пуфendorf, считал, что разрушившее это коллективное владение право первой земли было затем упрочено соответствующими соглашениями между

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
людьми. Руссо привел этот отрывок буквально из французского перевода
сочинения Греция «О праве войны и мира», (кн. II, гл. II, § 2), который в
свою очередь здесь использовал комментарии Сервия к «Энеиде» Вергилия (к
стиху 53, кн. IV).

Церера (Деметра) – греческая богиня плодородия и земледелия.

124. ...назвали фесмофориями... – фесмофории – празднества в честь богини
Деметры в Древней Греции. Так как земледелие явилось основой оседлости и
благосостояния, то Деметру начинают почитать как богиню-законодательницу
(фесмофору). Она становится покровительницей брака и семьи и, таким
образом, как бы основательницей гражданского общества.

125. ...наряду со складывающимся неравенством... (*inegalite cle combinaison*). –
Как видно, Руссо предполагает теперь наличие двух видов неравенства –
естественного и возникающего при переходе к общественному состоянию – к
гражданскому обществу.

126. Быть и казаться – это, отныне, две вещи совершенно различные... – Более
подробно Руссо развил эту мысль в своем «Письме к Кристофи де Бомону»,
архиепископу Парижскому. Быть и казаться для современного человека вещи
столь же разные, как действовать и говорить, и первое вытекает из второго.
Подлинная же причина этого – противоречие между характером общественного
строя (*ordre social*) и природой: отсюда все пороки людей и все беды
общества.

127. ...их рабом, даже становясь их господином... – Это первое появление мысли,
которая была разработана впоследствии в «Общественном договоре» и в
«Эмиле».

Комментарии 489

128. ...стали бедняками, ничего не потеряв. – Это рассуждение предвосхищает
мысль левого якобинца А. Шометта, высказанную им в речи 27 февраля 1793 г.
в Конвенте.

Руссо присоединяется тут к Гоббсу, но глубокое различие между ними в данном
вопросе состоит в том, что для него «война всех против всех» не есть
проявление человеческой сущности, а порождена возникновением частной
собственности в конце эпохи естественного состояния; более подробно развита
эта мысль во фрагменте «О состоянии войны» (J.-J. Rousseau. *Political writings*, v. I, 1915, p. 293–307 и J.-J. Rousseau. *Oeuvres compl.*, t. III. Paris, 1964, p. 601–616).

129. Следует отметить, что в отличие от ряда социальных критиков этого и
даже позднейшего времени, Руссо не дал себя сколько-нибудь серьезно увлечь
мыслью о двустороннем ущербе, причиненном развитием неравенства и богачам,
и беднякам.

130. ...сколь противоречило его интересам естественное право. – В огромной
литературе XVIII в. по естественному праву и теории общественного договора
это один из немногих примеров трактовки возникновения государства как акта
защиты интересов богачей, предпринятого по их инициативе.

131. ...закон собственности и неравенства... – Соединение этих двух понятий в
сфере действия одного закона подтверждает сказанное в предыдущем
примечании.

132. ...немногих граждан мира (*amis cosmopolites*)... – В наши дни Руссо
употребил бы здесь слово «гуманист». Он осуждает космополитизм в том сугубо
отрицательном смысле, какой мы сейчас придаем этому слову как презрение к
своему народу. Прославляемый Руссо патриотизм свободен от какой бы то ни
было национальной ограниченности. Он сохраняет чувство человеческой
общности. Это демократический патриотизм, предшественник позднейшего
революционного патриотизма масс времен Великой французской революции.

133. ...между собой в естественном состоянии... – Ср. Монтиеско. О духе
законов, кн. X, гл. П.

134. ...завоеваниями более могущественного... – Намек на Гоббса, «Левиафан»,
гл. XX.

135. ...объединением слабых... – См. д'Аламбер. Вступительная статья к
«Энциклопедии», 1751, стр. III.

136. ...кроме закона более сильного. – У Руссо, тут и в дальнейшем, острыя
критика права завоевания – опровержение Гро-ция и Пуфendorфа, признававших
это «право». Руссо здесь мог опираться на аргументы, выдвинутые Дидро в
статье «Власть» (*Autorite*) в «Энциклопедии».

137. ...как это сделал Ликург в Спарте... -- Предание приписывает именно этому
деятелю создание основных законов Спарты, установивших раздел земель между
ею гражданами на началах равенства, учреждавших суровое общественное
воспитание в возрасте с 7 до 20 лет и предусматривавших умерщвление
физически слабых детей.

490 В. С. Алексеев Попов, Л. В. Борщевский

138. ...лгал – можно скорее отдать себя в рабство. – Это критика воззрений Т.
Гоббса, очень близкая к тому, что писал по этому поводу Локк («О

Руссо Жан-Жак Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org гражданском правлении», гл. VII, §§ 12 и 93).

139. Полагают, что речь идет о басне Лафонтена «Старик и осел», в которой второй говорит первому: «Наш враг – это наш хозяин».

140. ...говорил Плиний Траяну... – См. Плиний. Панегирик Траяну, V, 7.

141. ...говорил Брасид... – По рассказу Геродота (VII, 135) – таковы были слова, сказанные Булисом и Спертием сатрапу Ги-дарнесу. Текст этот фигурирует в книге Э. Де ла Бози «О добровольном рабстве».

Брасид – спартанский полководец во время Пелопенесской войны в V в. до н. э.

142. Персеполис – столица древней Персии.

143. ...из которой многие... – В частности, Руссо, несомненно, имеет в виду вышедшую в Англии в 1680 г. книгу сторонника наследственной монархии Р. Фильмера «Патриарх».

144. Локк это сделал в своем первом трактате «О государственном правлении».

145. А. Сидней говорил об этом в своих «Рассуждениях о Правлении», написанных в 1680–1683 гг. и изданных только в 1698 г.; первый французский перевод вышел в 1702 г.

146. ...чем мягкость этой власти... – Боссюэ писал: «Королевская власть – это власть отцовская, и ее отличительная черта – это доброта».

147. Эта цитата из «Истории» Тацита приведена в XV разделе книги А. Сиднея «Рассуждения о Правлении», которую Руссо читал в период его работы над «Рассуждением о неравенстве». Одна из рукописей Библиотеки г. Невшатель (Ms 7842) содержит два листа его выписок из этой книги, среди которых имеется и эта цитата.

148. ...факты с точки зрения права... – Это позиция, противоположная той, которую Руссо в «Общественном договоре» критикует в методе Гроция (кн. I, гл. II).

149. ...известного сочинения... – Это «Трактат о правах христианнейшей королевы на различные владения, входящие в Испанское королевство», 1667. Авторами его были А. Билен и аббат де Бурзейс. Оно представляет собой манифест, опубликованный после смерти Филиппа IV, когда Людовик XIV готовился к вторжению в Испанские Нидерланды, и в то же время желал, чтобы иностранные державы смотрели на него как на правителя, якобы подвластного законам, вынуждающим его нарушить данное ранее слово и взяться за оружие.

На этот памфлет А. Сидней намекал в своей книге (франц. перевод 1702 г., т. II, стр. 238); саму же цитату Руссо нашел у Барбеира, который, оспаривая Гоббса и солидаризируясь с Пу-Фендорфом, в своем переводе его книги «О праве естественном и

Комментарии 491

о праве международном» (кн. VII, гл. VI, § 10, прим. 2), цитируя этот памфлет, утверждает, что король должен подчиняться основным законам государства.

150. ...авторитетным мнением Барбеира, который ясно заявляет, следуя Локку... – Речь идет о переводе Барбеира «Гражданского правления» Локка. По странной непоследовательности, Руссо, поддержав мнение Пуфендорфа, присоединяется к противоположной позиции Локка («О гражданском правлении», гл. IV, § 23). Эта ссылка на Барбеира появилась только в издании 1782 г. Руссо полностью разделяет теорию Локка по этому вопросу. Он мог прочесть также у Монtesкье: «Неправда, что свободный человек может себя продать» («О духе законов», кн. XV, гл. 2).

151. Пуфендорф говорит... – См. Пуфендорф. «О праве естественном и о праве международном», а также «Общественный договор», кн. I, гл. IV («О рабстве»).

152. ...и юрисконсульты, которые с важностью провозгласили... – Речь идет о тех, кто в древности и в последующие эпохи присоединялись к позиции, сформулированной Аристотелем.

153. ...следуя общепринятому мнению... – Руссо, по-видимому, ссылается на статью «Власть политическая», написанную Дидро для «Энциклопедии». Твердого мнения Руссо здесь еще не высказывает, из чего можно заключить, что его трактат «Политические установления» (*Institutions politiques*) еще находился в процессе создания.

154. ...договор между народом и правителями, которых он себе выбирает... – В трактовку этого договора Руссо позже внесет свое особое, демократическое содержание.

Р. Дератэ полагает, что в этот период Руссо еще представляет себе договор скорее как договор подчинения (*acte de soumission*); что позже он эту мысль отвергнет и придет к пониманию договора как акта ассоциации (*contrat de l'association*) (см. R. D e r a t h é. J.-J. Rousseau et la science politique de son temps. Paris. 1950. p. 222–223).

155. ...на всех членов Государства без исключения... – Здесь Руссо свою точку зрения излагает более четко, чем это выражено у Пуфендорфа (см. Пуфендорф.

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org

О Праве естественном и о праве международном, кн. VII, гл. VI, § 9).

156. ...и власть магистратов... – Исправления в черновиках «Политической экономии» показывают, что в этом месте Руссо пишет «магистраты», а подразумевает – «король».

157. ...отняло у подданных пагубное право ею распоряжаться. – Эта оговорка Руссо указывает на его значительные колебания в вопросе о насильственных мерах общественных преобразований.

158. ...фанатизм заставляет ее проливать. – Руссо следует в данном месте Пуфendorfу («О праве естественном и о праве международном») и еще далек от идей, развитых им в последней главе «Общественного договора».

492 В. С. Алексеев Попов, Л. В. Борщевский

159. ...геронты в Спарте, сенат в Риме и даже сама этимология нашего слова сеньор... – Все три слова означают старейших, старших (греч. и лат.).

160. ...называть самих себя богоравными и царями царей. – В поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея» мы встречаем эти определения применительно, например, к Агамемнону.

161. ...власти, основанной на законах... – В оригинале «roi-voir legitimate», что обычно переводится как «законная», но это не совсем точно передает мысль Руссо.

162. ...ни в магистратах, ни в законах. – Здесь в окончательном варианте был опущен отрывок, вписанный рукой неизвестного лица на небольшом листке, куда Руссо внес свои исправления. Впервые отрывок опубликован А. Р., т. XXXIV, 1956–1958, р. 71 – 77. Он говорит о ненужности наемных войск в том государстве, где «магистраты делают общее дело с народом», интересы которого совпадают с интересами его главы.

163. ...заставить говорить о себе... – Вольтер подчеркнул эти слова и сделал пометку, обращенную к автору: «О ты, обезьяна, подражающая Диогену, как ты осуждаешь сам себя». И несколько ниже добавляет: «Как ты все утирируешь, как ты все изображаешь в ложном свете».

164. ...защищать общие интересы государства. – В оригинале chose commune, и мы это понимаем в данном случае как государство.

165. Лукан, Марк Анней (39–65 гг. н. э.) – древнеримский поэт, названная выше поэма которого была направлена против единовластия императора. Эти строки приведены в «Рассуждениях о правлении» А. Сиднея, разд. XIX.

166. ...усилить власть, всех их сдерживающую. – Вольтер, подчеркнув эти слова, написал на полях, как бы обращаясь к Руссо: «Говоря, что королевская власть сдерживает и подавляет все группировки, ты этим воздал великую хвалу монархии, против которой сам восстаешь».

167. Боган предполагает, что цитата в оригинале должна выглядеть так: «*qui compositis rebus nulla spes*», если это выдержка из Тацита («История», I, 21). Вполне допустимо предположение, что в таком виде она заимствована у А. Сиднея, у которого она приведена в таком виде «*quibus ex honesto nulla est spes*» (А. Сидней. Рассуждения о правлении, разд. XIX).

168. ...только сила его и низвергает. – Дидро в «Энциклопедии» (в статье «Политическая власть») оправдывает таким же способом восстание против деспотизма (см. Diderot. Textes choisis, т. II, 1955, р. 164–165): «Тот же закон, что создал деспотическую власть, затем сокрушает ее: это закон более сильного».

169...Диоген никак не мог найти человека... – Диоген (400–423 гг. до н. э.) из Синопы, греческий философ, ученик Антисфе-на, основателя киннической философской школы. Диоген отвергал все достижения цивилизации и призывал ограничиться только удовлетворением необходимых потребностей. Слова Руссо связа-

Комментарии

ны с легендой о Диогене, якобы с фонарем в руках искавшем добродетельного человека.

170. Катан, – скажет этот читатель, – погиб вместе с Римом. – Катон – речь идет о Катоне Младшем, или Утическом (95–46 гг. до н. э.), стороннике республиканского строя (см. прим. 37 на стр. 380).

171. Геродот рассказывает, что после убийства Лже-Смерди-са... – Геродот (484–425 гг. до н. э.) – древнегреческий историк, автор истории греко-персидских войн, в третьей книге которой описывается этот эпизод (III, 67–84). Лже-Смердис – самозванец, выдававший себя за Смердиса, брата царя Персии Камбиза, корону которого он узурпировал в его отсутствие. В 521 г. до н. э. был убит семью заговорщиками, передавшими власть Дарию.

172. «Естественная история*. – Речь идет о сочинении знаменитого представителя французского естествознания этой эпохи Бюффона (1707–1788), имевшего большое влияние на формирование естественно-научных взглядов Руссо.

173. Один знаменитый автор... – Намек на Мопертюи, который проводит эту мысль в своем «Опыте моральной философии», вторая глава которого озаглавлена: «О

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org том, что в обычной жизни сумма несчастий превосходит сумму благ». Для животных Бюф-фон устанавливал обратное соотношение («Естественная история», т. XII).

174. ...это я доказал. – Ср. «Последний ответ г. Борду». Идеализированные изображения природной доброты людей в «естественном» состоянии Руссо мог в изобилии найти в описаниях путешествий, в частности, у того же П. Кольбе, писавшего, что «доброта готтентотов, их честность, любовь к справедливости и целомудрие составляют такие добродетели, которыми немногие народы обладают в такой же степени».

175. ...огромный и страшный лондонский пожар... – Вероятно, Руссо имеет в виду пожар 1666 г., во время которого было уничтожено 13 200 зданий.

176. ...Моитень порицает афинянина Демада... – Демад – афинский оратор IV в. до н. э., противник Демосфена, государственный деятель. Монтень пишет о нем в «Опытах» (кн. I, гл. XXII – «Выгода одного – убыток для другого»). Сам пример заимствован у Сенеки.

177. ...всякого цивилизованного человека. – Вольтер пишет против этого места на полях: «И в еще большей мере всякого дикаря, насколько только это для него возможно».

178. Руссо возобновит этот аргумент в связи с обсуждением «Поэмы о катастрофе в Лиссабоне» Вольтера, которому он по поводу землетрясения 1755 г. писал 18 августа 1756 г.: «Согласитесь, что это не природа сосредоточила в одном месте двадцать тысяч шести- и семиэтажных домов, и если бы жители этого большого города селились бы более равномерно... то жертв было бы намного меньше, а возможно, что их не было бы вовсе». («С. Г.», т. II, р. 306).

494 В. С. Алексеев Попов, Л. В. Борщевский

179. Подчеркивается, что собственность не относится к «естественному» правам.

180. ...приносятся в жертву суэтным песнопениям... – Речь идет о хорах кастроватов.

181. ...оскорбляют требования человечности. – Мы узнаём здесь одну из главных в общественном отношении тем романа Руссо «Новая Элоиза».

182. ...лишить себя жизни... – Ср. «Новую Элоизу», ч. III, письма XXI и XXII, в которых Руссо развивает свои мысли о самоубийстве (Избр. соч., т. II стр. 316–331).

183. ...реальгара (также реагал или реалгал). – Минерал оранжево-красного цвета, сернистый мышьяк. Применяется к красильном деле и для борьбы с вредителями сельского хозяйства, в XVIII в. также в медицине.

184. ...не одним философом. – См. Монтескье. Персидские письма. Письмо CXVIII. М., 1956, стр. 273–274.

185. ...средства к жизни бедным... – Объяснение это было весьма распространенным. См., например, Монтескье. «О духе законов», кн. VII, гл. IV.

186. ...единственное оправдание заповеди... – Некоторые исследователи полагают, что речь здесь идет о запрете вкушать плод «древа познания добра и зла» (Библия, кн. Бытия, 2, 16–17).

187. ...Паламед изобрел числа во время осады Трои... – В «Илиаде» Паламед представлен как человек, придумавший ряд игр.

188. Речь идет о Платоне («Государство», кн. VII, 522).

189. Агамемнон – царь Микен, возглавлявший греческие войска в походе против Трои.

190. Исаак Фоссиус (1618–1689). Трактат его, изданный в Оксфорде в 1673 г., в том, что касается изначальной роли ритма и пантомимы, предвосхищает мысли Руссо, высказанные им в «Эмиле», в «опыте о происхождении языков» и в «Словаре музыкальных понятий» («Dictionnaire musical»), где он вновь цитирует этого автора в статьях «Музыка» и «Ритм».

191. Герцог де Виллар, Клод Луи Гектор (1635–1734) – маршал Франции. Анекдот, рассказанный Руссо, не фигурирует в его «Мемуарах», отчасти, впрочем, апокрифических, опубликованных в 1736 г. в Гааге.

192. ...то место у Исократа... – См. «Ареопагитика», 21, 22 (143–144). Исократ (436–338 гг. до н. э.) – четвертый из десяти аттических ораторов. Прославился своими писанными речами, предназначавшимися для чтения, к числу которых относится и названная выше, призывающая восстановить устройство Солона.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

Руссо Жан-Жак Рассхождение о происхождении и основаниях неравенства между людьми filosoff.org
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!